

СОЦИАЛЬНО-
ТРУДОВЫЕ
КОНФЛИКТЫ

РЫНОК ТРУДА В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОЙ ВОЙНЫ

Выпуск
42

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРОФСОЮЗОВ

РЫНОК ТРУДА В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОЙ ВОЙНЫ

Издано в рамках Программы получателя субсидии
Министерства труда и социальной защиты РФ в 2023 году

СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫЕ КОНФЛИКТЫ

Выпуск 42

Санкт-Петербург
2023

ББК 65.240.501

P93

Авторский коллектив:

Г. Ф. Фейгин (научный руководитель), **Е. А. Ильинская**, **Е. С. Кутузова**,
Д. В. Лобок, **Н. В. Маслова**, **Е. Г. Хольнова**

Рецензенты:

С. А. Бородулина, заведующая кафедрой экономики
Санкт-Петербургского государственного университета гражданской авиации
им. Главного маршала авиации А. А. Новикова, доктор экономических наук,
профессор;

М. М. Хайкин, заведующий кафедрой экономической теории
Санкт-Петербургского горного университета, доктор экономических наук, профессор

Рекомендовано к публикации
редакционно-издательским советом СПбГУП

Рынок труда в Европейском союзе в условиях санкционной войны : [коллективная монография] / Г. Ф. Фейгин [и др.]. — Санкт-Петербург : СПбГУП, 2023. — 180 с. — (Социально-трудовые конфликты ; Вып. 42). — ISBN 978-5-7621-1232-1. — Текст : непосредственный.

В монографии представлены особенности влияния санкционной войны между странами Запада и Россией на развитие рынка труда Европейского союза. Существенное внимание уделено теоретическим аспектам, дан краткий обзор основных положений политической экономии санкций как одного из направлений современной экономической теории. Рассматриваются особенности развития рынка труда в странах ЕС в 2014–2021 годах, когда санкционный режим в отношениях России и ЕС носил умеренный характер, и в 2022 году, когда санкционные меры значительно ужесточились.

Адресовано студентам, аспирантам, преподавателям, а также широкому кругу специалистов, интересующихся проблемами развития рынка труда в отдельных странах и регионах.

ББК 65.240.501

ISBN 978-5-7621-1232-1

© СПбГУП, 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. ФЕНОМЕН САНКЦИОННОЙ ВОЙНЫ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ	6
1.1. Постановка проблемы	6
1.2. Анализ воздействия санкций на экономику целевых стран и стран-инициаторов	11
1.3. Политические последствия введения санкций в целевых странах и странах-инициаторах: теория групповых интересов	21
1.4. Идентификация воздействия санкций в игровых моделях	36
1.5. Анализ воздействия санкционных механизмов: эмпирические исследования	40
1.6. Влияние политических институтов на характер действия санкций	46
1.7. Заключительные положения и выводы	53
Глава 2. САНКЦИОННАЯ ВОЙНА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА ПРОТИВ РОССИИ: КРАТКИЙ ОБЗОР	58
2.1. Санкционные меры в отношениях России и ЕС: развитие ситуации в 2014–2022 годах	58
2.2. Влияние санкционных мер на экономическое сотрудничество России и ЕС	78
Глава 3. РАЗВИТИЕ РЫНКА ТРУДА В СТРАНАХ ЕС В 2014–2021 ГОДАХ (после введения антироссийских санкций)	86
3.1. Общая характеристика ситуации на рынке труда стран ЕС в 2014–2021 годах	86
3.2. Особенности состояния европейского рынка труда в период пандемии	91
Глава 4. РЫНОК ТРУДА ЕС В ПЕРИОД РЕЗКОГО УЖЕСТОЧЕНИЯ АНТИРОССИЙСКИХ САНКЦИЙ	99
4.1. Факторы изменения ситуации на рынке труда ЕС в 2022 году ...	99
4.2. Ситуация на рынке труда стран ЕС в 2022 году после ужесточения антироссийских санкций	128
Заключение	146
Литература	148
Глоссарий	163

ВВЕДЕНИЕ

В новейшей истории распространенной практикой взаимодействия между государствами является режим санкций. Используя санкционные инструменты, страна-инициатор стремится заставить целевую страну изменить свою политику. При этом введенные санкции затрагивают хозяйственную деятельность не только целевой страны, но и страны-инициатора, поэтому положение дел в экономике может измениться (в том числе и в худшую сторону) и для иницилирующих санкции стран. Это может иметь различные формы проявления, в частности повлиять на ситуацию на рынке труда. Поэтому исследования влияния санкционного режима на развитие рынков труда различных стран и регионов (включая страны, иницилирующие санкции), представляются крайне важными и актуальными.

Начиная с 2014 года в отношениях России и стран Запада регулярно применяются санкционные инструменты. Такой характер взаимодействия можно обозначить как «санкционный режим» или «санкционная война». При этом надо учитывать следующую особенность. До 2014 года санкции стран Запада против России вводились лишь эпизодически. После вхождения Крыма в состав России в 2014–2021 годах антироссийские санкции со стороны ЕС вводились и продлевались систематически. Время от времени санкционное давление несколько возрастало, в ряде случаев Россия отвечала контрсанкциями. После начала специальной военной операции (СВО) на Украине страны Запада резко усилили санкционное давление. В течение нескольких месяцев 2022 года были введены беспрецедентные санкции. 2022 год можно обозначить как год начала санкционной войны между странами Запада и Россией. Однако возможна и другая интерпретация. Можно предположить, что санкционная война велась уже в 2014–2021 годах, а в 2022-м началась ее более острая стадия. Также в настоящее время употребляется термин «гибридная война».

В любом случае при исследовании данной проблематики целесообразно различать период 2014–2021 годов и период, начавшийся после 24 февраля 2022 года. Именно с учетом данного факта построено настоящее исследование. Целью работы является выявление характера влияния введенных против России санкций на рынок труда стран ЕС. В данном случае ЕС выступает как инициатор санкций, в то вре-

мы как Россия является целевым регионом. Целевая направленность вводимых санкций неразрывно связана со стремлением ухудшить ситуацию в экономике России. Однако санкции могут иметь и обратный эффект, то есть оказывать влияние на экономику стран ЕС. Такая возможность исследована в рамках специального направления в экономической теории — политической экономии санкций. Краткому обзору данной теоретической парадигмы посвящена первая глава. Основное внимание уделено методическим инструментам (моделям) и ключевым теоретическим положениям. Во второй главе дается краткий обзор санкций, введенных ЕС против экономики России начиная с 2014 года. В третьей главе рассматривается развитие рынка труда в ЕС в 2014–2021 годах, то есть в период, когда введенные ЕС против России санкции носили умеренный характер. В четвертой главе представлен краткий обзор последствий, которые имеют антироссийские санкции для экономики стран ЕС в целом и для рынка труда в частности.

Следует учитывать, что введение против России санкций со стороны ЕС изменяет условия хозяйственной деятельности для обеих сторон. Рынок труда является неотъемлемой частью любой современной национальной экономики, поэтому постановка проблемы в настоящем исследовании представляется правомерной. Также следует принять во внимание, что любая экономика подвержена влиянию одновременно многих факторов, так что вычлнить влияние исключительно санкционного компонента не всегда представляется возможным. В связи с этим любой результат настоящего исследования необходимо рассматривать и в данном контексте.

Глава 1

ФЕНОМЕН САНКЦИОННОЙ ВОЙНЫ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ

1.1. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Термин «санкционная война» в научной литературе появился сравнительно недавно¹. Однако использование международных экономических санкций имеет давнюю историю. Международные экономические санкции часто инициируются национальными государствами или международными организациями как средство демонстрации силы или влияния на поведение другого государства, не прибегая к военному конфликту. Значимость санкций как инструмента внешней политики подтверждается как их долговечностью в качестве элемента международной дипломатии, так и растущей популярностью после окончания холодной войны². Исторически экономические санкции восходят, по крайней мере, к Мегарскому указу (Афины, 435 г. до н. э.). Известны случаи использования экономических санкций Наполеоном в Континентальной системе (начиная с 1806 г.), Т. Джефферсоном в Законе об эмбарго (1807), а также Лигой Наций против Италии (1935). В 1990 году Г. Хафбауэр предложил классификацию примеров введения экономических санкций, содержащую 116 случаев, начиная с 1914 года³. После распада СССР использование экономических санкций стало более интенсивным, а их инициатором стали прежде всего США, стремящиеся сохранить свою гегемонию в мире.

Изучение проблематики введения санкций одних государств в отношении других привело к появлению особого направления в современной экономической науке, известного как *политическая экономия санкций*⁴. Центральные термины данного направления — «страна-

¹ Савицкая К. С., Абросимова А. С. Санкционные войны и их последствия // Экономические отношения. 2016. Т. 6, № 3. С. 49–53. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_29970147_11477334.pdf; Чанышев Р. Н., Исанов И. Э. Феномен «санкционной войны» в системе современных международных отношений // Наука, общество, оборона. 2021. Т. 9, № 4. С. 29.

² Kaempfer W. H., Lowenberg A. D. The Political Economy of Economic Sanctions // Handbook of Defense Economics. 2007. Vol. 2. P. 867–911.

³ Hufbauer G. C., Schott J. J., Elliott K. A. Economic Sanctions Reconsidered: History and Current Policy [2nd ed.]. Washington, DC : Peterson Institute for International Economics, 1990.

⁴ Осипов В. С. Политическая экономия санкций: предмет и метод // Вестник Института экономики РАН. 2015. № 2. С. 102–114.

инициатор» и «целевая страна». Исследование феномена санкций является, по сути, частью изучения более широкого механизма, с помощью которого политические предпочтения одной нации или группы наций передаются другой («целевой») нации. Каким образом государство-инициатор, за исключением военного вмешательства, может добиться изменения политики другого государства? Экономическое давление является одним из каналов, через который можно оказывать влияние на другую страну, другими являются дипломатические убеждения и неэкономические или культурные эмбарго¹. К экономическим санкциям относятся торговые санкции, то есть ограничения на импорт или экспорт по отношению к целевой стране; инвестиционные санкции, включающие ограничения на приток капитала в подвергаемую санкциям страну, или, в некоторых случаях, обязательное изъятие инвестиций. Также используются и более узконаправленные, так называемые «умные», санкции, например, замораживание офшорных активов отдельных членов правящей элиты находящейся под санкциями страны или запрет на въезд государственных чиновников². Во всех случаях предполагается, что экономические санкции наносят некоторый ущерб целевой стране и, в частности, ее правящему режиму. В дальнейшем политика в подвергаемой санкциям стране меняется с целью выполнения требований страны-инициатора и предотвращения дальнейшего ущерба от санкций³.

В целом введение санкций оказывает негативное влияние на благосостояние общества. При этом санкции, как и любые другие ограничения потока товаров или факторов производства между странами,

¹ Интенсивность применения санкций местами сильно варьировалась. Так, с 1945 по 1990 год Совет Безопасности ООН ввел обязательные многосторонние санкции только в отношении Родезии и эмбарго на поставки оружия в Южную Африку. Однако в течение 1990-х годов СБ ООН применял санкции не менее 13 раз. Только США в период с 1993 по 1996 год ввели санкции против 35 стран (см.: *Kaempfer W. H., Lowenberg A. D. Unilateral versus multilateral international sanctions: A public choice perspective // International Studies Quarterly. 1999. Vol. 43. P. 37–58*).

² *Kaempfer W. H., Lowenberg A. D. The Political Economy of Economic Sanctions.*

³ Некоторые исследователи отмечают прямую связь между ущербом от экономических санкций в целевой стране и изменением ее политики. Правящие элиты находящейся под санкциями страны начинают вносить изменения в свою политику на основании расчета выгод и убытков. Граждане такой страны страдают от санкций и начинают оказывать давление на правящие элиты, требуя изменить политику. При этом чем выше издержки и неудобства для граждан, тем более сильное давление они оказывают (см.: *Kirshner J. The microfoundations of economic sanctions // Security Studies. 1997. Vol. 6. P. 32–64; Galtung J. On the effects of international economic sanctions, with examples from the case of Rhodesia // World Politics. 1967. Vol. 19. P. 378–416; Mack A., Khan A. The efficacy of UN sanctions // Security Dialogue. 2000. Vol. 31. P. 279–292*).

обуславливают эффекты перераспределения как в странах-инициаторах, так и в странах, против которых направлены ограничительные меры. Эти эффекты перераспределения важны как для определения характера санкций, налагаемых странами-инициаторами, так и для идентификации воздействия санкций на целевые страны. Что касается последнего, необходимо четко различать экономическое и политическое воздействие. Не подлежит сомнению тот факт, что эмбарго или ограничения на потоки товаров и капитала приводят к снижению благосостояния всего населения в целевой экономике или по крайней мере отдельных целевых групп¹. Однако остро встает вопрос, каким образом это может привести к изменению политики в целевой стране в желательном для страны-инициатора направлении. И. Галтунг был одним из первых исследователей санкций, обративших внимание на повышение уровня политической интеграции в целевой стране вслед за введением санкций. Этот эффект получил название «сплочение вокруг флага»². На данный феномен обращают внимание и другие исследователи. Так, И. Мэйолл отмечает, что санкции «часто имеют извращенные последствия, возбуждая у народа целевой страны чувство национальной сплоченности и решимости преодолеть все невзгоды». В таких ситуациях санкции нередко увеличивают народную поддержку правящего режима в целевой стране³. Также отмечается, что санкции могут быть контрпродуктивными, поскольку они приводят к появлению новой элиты в целевой стране, которая извлекает выгоду из ситуации международной изоляции. В частности, в долгосрочной перспективе санкции часто способствуют развитию промышленности в целевой стране, тем самым уменьшая ее зависимость от внешнего мира и способность инициаторов введения санкций оказывать влияние путем экономического принуждения⁴.

Что касается характера самих санкций, ряд исследователей указывали, что санкции часто налагаются не в инструментальных целях, то есть не для того, чтобы причинить максимальный ущерб и побудить целевую страну подчиниться требованиям страны-инициатора, а ради демонстративного эффекта. Например, правительства могут вводить санкции, чтобы удовлетворить запросы отдельных групп, которые имеют какие-либо интересы в целевом регионе. При этом пра-

¹ Kaempfer W. H., Lowenberg A. D. The Political Economy of Economic Sanctions.

² Galtung J. Op. cit.

³ Mayall J. The sanctions problem in international economic relations: Reflections in the light of recent experience // International Affairs. 1984. Vol. 60. P. 631–642.

⁴ Mack A., Khan A. Op. cit. ; Selden Z. Economic Sanctions as Instruments of American Foreign Policy. Westport, CT : Praeger, 1999.

вительства стран-инициаторов не обязательно идут на значительные для себя издержки. Также экономические санкции могут быть введены как сигнал о решимости или для создания определенной репутации как в глазах иностранных союзников, так и противников¹.

Важность введения реально работающих санкций ставит перед исследователями сложный вопрос: как судить о том, был ли конкретный эпизод санкций успешным в достижении поставленных целей и, что более важно, действительно ли санкции «работают»? Ответ, конечно, зависит от того, что подразумевается под «работающими санкциями». В частности, Д. Болдуин предлагает широкую трактовку успеха санкций, утверждая, что даже если они не принуждают целевую страну к изменению ее нежелательной для страны-инициатора политики, они, тем не менее, могут быть эффективным инструментом. Так, экономические санкции могут приводить к серьезным издержкам для целевого государства или повышать международную репутацию страны, наложившей санкции². Напротив, Р. Папе предлагает гораздо более строгое определение успеха санкций. Он утверждает, что санкции могут считаться успешными только в том случае, если целевая страна идет на уступки по значительной части требований наложившего санкции государства³. При этом изменение политики целевой страны должно объясняться именно санкциями, а не какими-либо другими причинами. Папе отмечает, что в ряде случаев введение

¹ *Galtung J.* Op. cit. ; *Renwick R.* Economic Sanctions. Cambridge, MA : Harvard Univ. (Center for International Affairs), 1981 ; *Leyton-Brown D.* Lessons and policy considerations about economic sanctions // *The Utility of International Economic Sanctions* / ed. D. Leyton-Brown. N. Y. : St. Martin's Press, 1987. P. 303–310 ; *Tsebelis G.* Are sanctions effective? A game-theoretic analysis // *Journal of Conflict Resolution*. 1990. Vol. 34. P. 3–28.

² *Baldwin D. A.* Economic Statecraft. Princeton : Princeton Univ. Press, 1985.

³ Известны и другие варианты оценок эффективности экономических санкций. Так, Роджерс указывает, что тот факт, что санкции обычно не помогают положить конец войне, не означает, что они не оказывают эффекта на достижение более скромных целей (см.: *Rogers E. S.* Using economic sanctions to control regional conflicts // *Security Studies*. 1996. Vol. 5. P. 43–72). Вердые отмечает, что санкции могут выполнять полезную информационную функцию, помогая выявить уровень решимости противника (см.: *Verdier D.* Sanctions as revelation mechanisms: Working Paper. Columbus, OH : Ohio State Univ. (Department of Political Science), 2005). Носсаль признает, что экономические санкции могут оказаться неудачными в том случае, если ожидается немедленная реакция целевой страны в форме изменения политики, и тем не менее «карательные меры» по своей природе всегда действенны (см.: *Nossal K. R.* International sanctions as international punishment // *International Organization*. 1989. Vol. 43. P. 301–322). По утверждению Хоффмана, введение экономических санкций само по себе значимо, если представляет собой наказание для тех, кто этого действительно заслуживает, независимо от дальнейших последствий (см.: *Hoffman F.* The functions of economic sanctions: A comparative analysis // *Journal of Peace Research*. 1967. Vol. 4, № 2. P. 140–160).

экономических санкций со временем приводило к изменению политики целевой страны¹. Но это происходило лишь потому, что экономические санкции дополнялись иными формами давления, в частности военным вмешательством. По мнению Папе, в полной мере успешными можно признать только 5 % введенных санкций².

Таким образом, проблема эффективности экономических санкций и их воздействия как на целевую страну, так и на страну-инициатора уже многие годы является предметом многочисленных научных исследований и дискуссий. При этом используются не только теоретические аргументы, но и построение моделей на основе математических формул и графиков. Некоторые примеры будут приведены в следующем разделе.

¹ *Pape R. A. Why economic sanctions do not work // International Security. 1997. Vol. 22. P. 90–136.*

² Аскари и его коллеги согласны с тем, что санкции редко бывают эффективными для достижения политических целей. Тщательное изучение многих эпизодов санкций, которые считаются успешными, часто показывает, что санкции на самом деле не были основной причиной изменения политики в целевой стране (см.: *Economic Sanctions: Examining Their Philosophy and Efficacy / H. G. Askari, J. Forrer, H. Teegen, J. Yang. Westport, CT : Praeger, 2003*). Так, Дадак указывает, что санкции против Югославии в 1990-х годах, которым многие приписывают прекращение сербской агрессии на Балканах, оказались неэффективными из-за широко распространенной контрабанды товаров в Югославию через Болгарию. Не санкции, а бомбардировки НАТО в 1995 году и последующие неудачи на поле боя побудили сербов присоединиться к Дейтонскому соглашению, положившему конец боевым действиям (*Dadak C. The 1992–1996 Bulgarian trade data puzzle: A case of sanctions breaking? // Cato Journal. 2003. Vol. 22. P. 511–532*). Некоторые авторы рассматривают санкции ООН против Ливии как случай достижения успешного политического результата (см.: *Cortright D., Lopez G. A. The Sanctions Decade: Assessing UN Strategies in the 1990s. Boulder, CO : Lynne Rienner Publishers, 2000 ; O'Sullivan M. L. Shrewd Sanctions: Statecraft and State Sponsors of Terrorism. Washington, DC : Brookings Institution Press, 2003*). Лопес и Кортрайт приходят к выводу, что, хотя санкции сами по себе обычно не меняют резко поведение целевой страны, они, тем не менее, могут быть признаны успешными, «если они оказали устойчивое положительное воздействие на динамику переговоров или если они помогли изолировать или ослабить власть режима в целевой стране». Они также отмечают, что даже если санкции не вынуждают правительство целевой страны кардинально изменить свою неприемлемую политику, санкции могут быть эффективными инструментами сдерживания, если они сокращают количество доступных для целевого правительства ресурсов. Например, по их мнению, санкции против Ирака, хотя и не привели к выполнению Саддамом Хусейном резолюций ООН, но сыграли важную роль в сдерживании его способности проводить агрессивную политику по отношению к своим соседям (см.: *Lopez G. A., Cortright D. Containing Iraq: Sanctions worked // Foreign Affairs. 2004. Vol. 83. P. 90–103*).

1.2. АНАЛИЗ ВОЗДЕЙСТВИЯ САНКЦИЙ НА ЭКОНОМИКУ ЦЕЛЕВЫХ СТРАН И СТРАН-ИНИЦИАТОРОВ

Торговые санкции

В экономической литературе можно найти аналитические материалы, посвященные воздействию санкций на поведение целевых стран. Своеобразным исходным пунктом выступают торговые санкции. Масштаб предсанкционной торговли между страной-инициатором и целевой страной является важным фактором, определяющим, насколько сложным для объекта окажется поиск альтернативных поставщиков ресурсов и новых рынков для своих товаров. Из этого следует и масштаб влияния санкций на условия торговли. Характерным инструментом моделирования, который особенно полезен при изучении влияния торговых санкций на относительную стоимость импорта и экспорта, являются кривые предложения, используемые У. Кемпфером и А. Ловенбергом¹. Кривые предложения или взаимные кривые спроса показывают пропорции обмена экспортируемых товаров на импортируемые, которые отдельные страны считают желательным при различных ценах. Используя данные кривые для изучения последствий торговых санкций, можно не только показать их влияние на условия торговли соответствующих стран, но и сделать выводы о воздействии санкций на благосостояние населения.

На рис. 1 кривая T представляет собой кривую предложения страны, которая является потенциальной целью многосторонних экономических санкций. Кривая W демонстрирует предложение всех торговых партнеров данной страны. По горизонтальной оси измеряется количество товаров, экспортируемых целевой страной X_T . По вертикальной оси измеряется количество товаров, импортируемых целевой страной M_T . Любая точка на кривой T представляет собой своеобразное равновесие для целевой страны и соответствует количеству благ, которые можно импортировать за счет экспортной выручки при определенном уровне цен.

Это соотношение цен, или условие торговли, есть просто отношение экспорта к импорту. Оно выражается наклоном луча от точки начала координат к соответствующей точке на кривой T . По мере перемещения по кривой T целевая страна может покупать больше импортных товаров по более низкой цене за счет экспортной выручки.

¹ Kaempfer W. H., Lowenberg A. D. International Economic Sanctions: A Public Choice Perspective. Boulder, CO : Westview Press, 1992 ; *Idem*. Unilateral versus multilateral international sanctions: A public choice perspective.

В результате условия торговли для целевой страны улучшаются, соответственно повышается благосостояние населения. Представленная на рисунке кривая предложения всего мира фактически отражает всю мировую торговлю. Таким образом, мир экспортирует товар, который импортирует целевая страна. Это показано на вертикальной оси ($X_W = M_T$). В свою очередь, на горизонтальной оси можно видеть количество товара, которое экспортирует целевая страна и импортирует остальной мир ($M_W = X_T$).

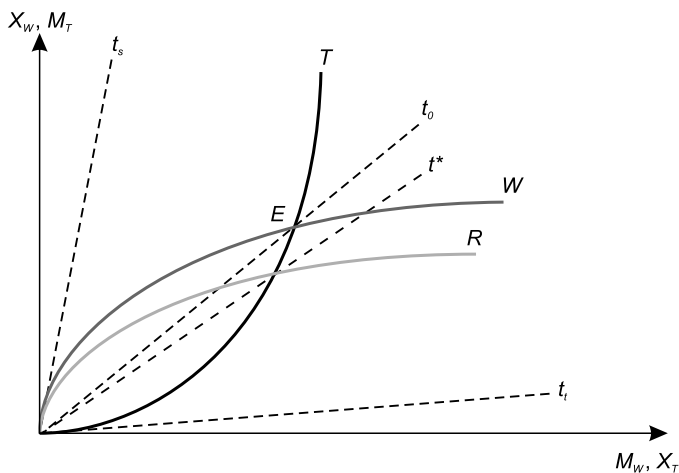

Рис. 1. Международное торговое равновесие при введении санкций

Источник: Kaempfer W. H., Lowenberg A. D. The Political Economy of Economic Sanctions // Handbook of Defense Economics. 2007. Vol. 2. URL: https://www.researchgate.net/publication/222546624_Chapter_27_The_Political_Economy_of_Economic_Sanctions.

Для упрощения предположим, что по товару X_T целевая страна обладает сравнительным преимуществом перед всем миром. Поэтому она является его единственным экспортером, в то время как остальные страны являются его потенциальными импортерами и в то же время экспортерами другого товара — M_T . Пересечение между кривыми W и T в точке E отражает ситуацию равновесия. В точке E спрос равен предложению, экспорт равен импорту. Это типичная ситуация равновесия в модели международной торговли, включающей два товара.

Рассмотрим теперь последствия *многосторонних санкций*, введенных по отношению к целевой стране. Самый простой вариант —

введение полного эмбарго (запрета) на торговлю с целевой страной. В этом случае возможность остального мира торговать с этой страной полностью исключается. Целевая страна попадает в положение автаркии: точка равновесия для нее сместится из положения E в начало координат (0) . Тем самым для целевой страны значительно ухудшатся условия торговли. Если ранее условия торговли для целевой страны выражались лучом t_0 , то теперь они выражаются лучом t_i (рис. 1). Однако, наложив эмбарго на торговлю с целевой страной, остальной мир также навязывает себе условия автаркии по отношению к целевой стране. В результате ухудшаются условия торговли с целевой страной и для остального мира. Теперь эти условия выражаются лучом t_s . Таким образом, снижается уровень благосостояния не только в целевой стране, но и в других странах — тех, которые инициировали введение эмбарго. Так, для других стран повышаются цены на импортируемые товары, которые они могли бы закупить в целевой стране¹.

Но какие факторы определяют степень этих колебаний? В сущности то, в какой мере изменятся условия торговли в конкретной ситуации, зависит от кривизны кривых предложения, которая, в свою очередь, является функцией ценовой эластичности предложения товаров и размера торгующих стран. Если это очень большая страна, то размер ее экономики по отношению к объему торговли обуславливает незначительные отличия условий торговли в ситуации равновесия и в ситуации автаркии. Крупные страны настолько самодостаточны, что не получают существенных выгод от торговли. Однако при этом их экономики в какой-то мере страдают от прекращения торговли с целевой страной после введения санкций. Таким образом, кривые предложения торгуемых товаров для крупных стран имеют очень небольшую кривизну, они почти совпадают с линейными лучами от начала координат. Малые страны, напротив, в большей степени зависят от внешней торговли. Их спрос неэластичен по цене, так что эти страны могут сильно пострадать от санкций. Поэтому кривая предложения торгуемых благ для малых стран характеризуется большим изгибом (большей кривизной), чем соответствующая кривая для крупных стран.

¹ В рамках торговой коалиции между странами, которые ввели санкции против целевой страны, могут быть существенные различия, и пострадать они могут в разной степени. Например, некоторые страны могут выиграть, став экспортерами товара, импорт которого из целевой страны запрещен. Но в целом инициировавшие введение санкций страны группы W оказываются проигравшими из-за снижения уровня общественного благосостояния.

Рассмотрим экономические последствия *односторонних санкций* для целевой страны и остального мира. При введении санкций только одной страной объем торговли остального мира с целевой страной выражается кривой R (рис. 1). Эта кривая показывает разность между прежним объемом торговли с целевой страной (кривая W) и новым объемом торговли после исключения наложившей санкции страны. Эластичность этой кривой должна быть меньше по сравнению с первоначальной (вследствие выхода одной страны из торговых отношений с целевой страной), соответственно она должна иметь больший изгиб (степень кривизны). Однако возможность продолжать торговлю с теми странами, которые не участвуют в санкциях, означает, что целевая страна не становится автаркией, как это было в первом случае. Торговля с остальным миром для целевой страны продолжается при несколько худших условиях по сравнению с изначальной ситуацией равновесия. Степень ухудшения условий торговли для целевой страны зависит от расстояния между кривыми W и R . Чем больше доля страны, которая ввела санкции, в торговом обороте целевой страны и чем больше стран ввели санкции по отношению к целевой стране, тем большим будет вышеупомянутое расстояние. По мере увеличения числа стран, присоединившихся к санкциям против целевой страны, ситуация приближается к автаркии, рассмотренной в первом примере. Чем менее эластичной является кривая предложения остального мира, тем больше степень ухудшения условий торговли для целевой страны¹.

При применении *односторонних санкций* воздействие на страну, которая ввела санкции, аналогично воздействию в том случае, если санкции являются многосторонними. Введение санкций лишает данную страну источника относительно дешевого импорта и сравнительно привлекательного рынка для своего экспорта. В крайнем случае, если предположить, что альтернативных рынков среди других стран мира нет, то инициировавшая санкции страна оказывается в положении автаркии. В таком случае решение ввести санкции ставит данную страну в худшее положение по сравнению с целевой страной. Это происходит потому, что целевая страна после введения санкций сохраняет возможность вести торговлю с другими странами, хотя и на менее выгодных условиях².

¹ Кривая предложения для остального мира строится путем суммирования общих объемов импорта и экспорта для всех стран, кроме целевой. Когда одна страна вводит санкции, ее кривая предложения удаляется из суммарной кривой. Получившаяся кривая предложения для остального мира располагается ближе к началу координат и соответствует меньшей эластичности предложения по цене.

² Этот результат, конечно, не предполагает перевалки экспорта или импорта целевой страны через территории не участвующих в санкциях стран. Если бы товары, про-

Модель, представленная на рис. 1, показывает, что торговые эмбарго оказывают негативное влияние как на экономики целевых стран, так и на экономики стран-инициаторов¹. Степень воздействия зависит от количества и размера экономики других стран, желающих продолжать торговлю, а также от эластичности торговых предложений этих стран². Односторонние санкции приводят к не столь значительному ухудшению условий торговли для целевой страны, как это имеет место при многосторонних санкциях. Кроме того, любое искажение цен на продаваемые товары, вызванное санкциями, неизбежно создает возможности для не попадающих под санкции третьих сторон, занимающихся перевалкой и контрабандой, получать ренту при продолжении торговли с целевой страной (покупка экспорта целевой страны по ценам ниже мировых и продажа импорта целевой страны по ценам выше мировых). Величина этой ренты и, следовательно,

даваемые между этими странами, были полностью взаимозаменяемы, то эмбарго оставило бы для всех стран (целевой и стран-инициаторов) такие же условия, какими они были до эмбарго, за вычетом дополнительных транзакционных издержек, связанных с перевалкой товаров. Более того, если страна-инициатор и целевая страна являются членами более крупных групп, которые участвуют «по обе стороны рынка», то санкции не помешают ни одной из стран участвовать в той или иной торговле. Скорее страна-инициатор и целевая страна обнаружат, что условия торговли между ними в какой-то степени ухудшились после введения санкций, при этом точная сумма ущерба зависит от эластичности торговли всех вовлеченных сторон. Харкнесс, исследуя влияние санкций на некоторые торговые потоки между страной-инициатором и целевой страной, показывает, что влияние таких санкций на условия торговли и торговый баланс страны-инициатора зависит от эластичности спроса на ее импорт и экспорт (см.: *Harkness J. Marshall, Lerner & Botha: Canada's economic sanctions on South Africa // Canadian Public Policy*. 1990. Vol. 16. P. 155–160).

¹ Тот факт, что торговые санкции влекут за собой издержки как для целевой страны, так и для страны-инициатора, является одной из причин, по которой санкции часто считаются менее эффективными инструментами воздействия, чем другие формы дипломатии. Например, в модели пространственного торга Морган и Швехбах показывают, что санкции вряд ли существенно изменят результат, который с наибольшей вероятностью будет принят обеими сторонами. Это произойдет потому, что чем дороже санкции обходятся целевой стране, тем дороже они обходятся и стране-инициатору (см.: *Morgan T. C., Schwebach V. L. Fools suffer gladly: The use of economic sanctions in international crises // International Studies Quarterly*. 1997. Vol. 41. P. 27–50).

² О влиянии эластичности спроса и предложения в целевой стране на характер воздействия санкций см.: *Black P. A., Cooper H. On the welfare and employment effects of economic sanctions // South African Journal of Economics*. 1987. Vol. 55. P. 1–15; *Doltery B. E., Leibbrandt M. V. On the welfare and employment effects of economic sanctions: Comment // South African Journal of Economics*. 1987. Vol. 55. P. 292–296; *Kaempfer W. H., Lowenberg A. D. Determinants of the economic and political effects of trade sanctions // South African Journal of Economics*. 1988. Vol. 56. P. 270–277; *Bergeijk P. A. G. van. Economic Diplomacy, Trade and Commercial Policy: Positive and Negative Sanctions in a New World Order*. Aldersho : Edward Elgar, 1994.

стимул для участия в нарушении санкций зависит от тяжести введенных санкций и в целом больше при многосторонних санкциях, нежели при односторонних¹. В то время как большая часть ренты при односторонних санкциях достается торговым агентам в странах, не попадающих под санкции, при многосторонних санкциях их обход, вероятно, будут осуществлять и торговые агенты в целевой стране. Таким образом значительная часть ренты окажется в той стране, которая, как предполагается инициатором, должна быть наказана². Санкционная рента может даже обогатить правителей целевой страны, если они смогут участвовать в торговле в обход санкций³.

Инвестиционные санкции

Обратимся к влиянию инвестиционных санкций. Рассмотрим уравнение платежного баланса для моносырьевой экономики, из которой планируется изъять инвестиции:

$$P_X NX = \{Fq, P_X MP_K(L, K)\}, F_1 > 0, F_2 < 0, \quad (1)$$

где P_X — цена продукта X ; NX — чистый экспорт продукта X ; F — чистый вывод капитала из целевой страны; q — уровень дивестиций; MP_K — предельная производительность капитала в целевой стране; L, K — задействованные в целевой стране объемы труда и капитала (рассматриваются как экзогенные параметры).

Левая часть уравнения (1) представляет собой размер чистого экспорта, то есть номинальную стоимость экспорта за вычетом номинальной стоимости импорта. Правая часть — величина чистого оттока капитала, который равен оттоку инвестиционных средств за рубеж за вычетом притока иностранных инвестиций из-за рубежа. Левая и правая части должны быть равны друг другу в соответствии с принципами построения платежного баланса страны: иностранная валюта,

¹ Kaempfer W. H., Lowenberg A. D. Unilateral versus multilateral international sanctions: A public choice perspective.

² Ibid.

³ Так, например, Роуе отмечает способность правительства Родезии контролировать сбыт местного урожая табака. Саддам Хусейн получил значительные доходы, установив незаконные наценки на нефть, продаваемую посредникам в рамках программы ООН «Нефть в обмен на продовольствие». Режим Милошевича смог присвоить большую долю санкционной ренты, когда создал государственные монополии и централизовал распределение товаров (см.: Rowe D. M. Manipulating the Market: Understanding Economic Sanctions, Institutional Change, and the Political Unity of White Rhodesia. Ann Arbor : Univ. of Michigan Press, 2001).

полученная в результате продажи иностранцам большего количества товаров и услуг по сравнению с купленными у иностранцев товарами и услугами, используется для финансирования покупки иностранных финансовых и физических активов. По сути, положительное сальдо торгового баланса обеспечивает приток иностранной валюты, используемой для оплаты потока инвестиций за границу. В случае если чистый экспорт является отрицательным, то есть если местные жители покупают больше товаров и услуг у иностранцев, чем продают им, образовавшийся дефицит торгового баланса необходимо финансировать за счет чистого притока капитала. В этом случае вложения инвестиционных фондов из-за рубежа будут обеспечивать наличие иностранной валюты, необходимой для финансирования превышения импорта страны над экспортом.

Чистый отток капитала в правой части уравнения (1) является положительной функцией от степени изъятия инвестиций (q) и отрицательной функцией от стоимости предельного продукта основного капитала в целевой экономике ($P_X MP_K(L, K)$). Дезинвестирование означает, что иностранцы продают активы, которыми они владеют в целевой стране, и репатрируют вырученные средства, что приводит к оттоку капитала из целевой страны. Если обязательное изъятие инвестиций не позволяет иностранцам инвестировать в целевую страну в первую очередь, то приток капитала уменьшается. В любом случае повышение степени изъятия инвестиций увеличивает чистый отток капитала из целевой страны. Стоимость предельного продукта капитала — это просто долларовая стоимость продукции, произведенной последней использованной единицей капитала. Чем выше производительность капитальных активов целевой страны, тем больше стимул удерживать эти активы. Это касается как иностранцев, так и местных жителей. Таким образом, в страну будет поступать больше иностранного капитала, в то время как местные жители с большей вероятностью будут использовать свои средства дома, а не отправлять их за границу. Следовательно, увеличение стоимости предельного продукта капитала вызывает уменьшение чистого оттока капитала.

Норма доходности на внутренние активы целевой страны определяется следующим образом:

$$r = \{P_X MP_K(L, K)\} / \{P_K(q, K)\}, \quad (2)$$

$$P_{K1} < 0, P_{K2} < 0,$$

то есть норма прибыли на капитал есть отношение стоимости предельного продукта капитала к цене капитала. Частная производная

P_{K1} измеряет степень, в которой активы целевой страны могут быть заменены иностранными активами. Всеобщее изъятие инвестиций всеми странами будет означать продажу всех активов, принадлежащих в целевой стране иностранцам. Поскольку ни одному иностранному владельцу не будет позволено владеть этими активами, резиденты целевой страны приобретут их по заниженным ценам.

Таким образом, как указано в уравнении (2), $\partial r / \partial q = (\partial r / \partial PK) PK_1 > 0$. Рост значения параметра q обуславливает снижение параметра P_K и повышение значения параметра r . Это формализация феномена «продажи со скидкой», когда изъятие инвестиций из активов, принадлежащих иностранцам, повышает норму прибыли, получаемую отечественными владельцами капитала в целевой стране¹.

Если изъятие инвестиций происходит только со стороны одной или нескольких стран и если для достаточного количества иностранных инвесторов нет существенных различий между активами целевой страны и иностранными активами, не следует ожидать каких-либо изменений цены активов или нормы доходности в целевой стране. Наиболее вероятны промежуточные случаи. В целом по мере того, как инвестиции сокращаются все сильнее (от нескольких фирм до многих и от одной страны до многих), растет и воздействие этого процесса². Снижается стоимость активов целевой страны, что стимулирует их приобретение местными жителями. Такое приобретение может быть профинансировано из двух источников: за счет продажи иностранных активов, принадлежащих резидентам целевой страны, или за счет увеличения чистого экспорта целевой страны³.

Таким образом, прямым следствием изъятия инвестиций является рост чистого оттока капитала. Но норма прибыли в целевой стране увеличивается из-за падения цен на производственные активы. Это снижение цен на внутренние активы замедляет чистый отток капитала, делая внутренние активы более привлекательными. Другими сло-

¹ О дискуссиях по поводу эффекта продаж по сниженным ценам см.: *Kaempfer W. H., Lowenberg A. D.* Determinants of the economic and political effects of trade sanctions ; *Idem.* International Economic Sanctions: A Public Choice Perspective. Boulder, CO : Westview Press, 1992.

² Степень взаимозаменяемости между активами разных резидентов зависит от нескольких факторов, в частности от различий в страновом риске. График взаимозаменяемости для каждой страны свой, так что на определенном этапе мобильность капитала или заменяемость активов может быть почти идеальной, но поскольку через рынки активов проходят большие потоки капитала, эта заменяемость перестает действовать.

³ О влиянии санкций на условия торговли и обменный курс см.: *Kaempfer W. H., Moffett M. H.* Impact of trade sanctions on South Africa: Some trade and financial evidence // *Contemporary Policy Issues*. 1988. Vol. 6. P. 118–129.

вами, увеличение оттока капитала, вызванное изъятием инвестиций, может быть компенсировано либо увеличением чистого экспорта целевой страны, либо снижением цены отечественных капитальных активов, то есть увеличением нормы их доходности. Этого достаточно, чтобы побудить владельцев богатств целевой страны продать свои иностранные активы, чтобы купить более дешевые внутренние активы. В случае, если чистый экспорт целевой страны не может увеличиться, возможно, из-за торгового эмбарго, введенного наряду с капитальными санкциями, полное бремя корректировки ложится на цены внутренних активов целевой страны.

Кемпфер и Ловенберг¹ приходят к выводу, что санкции по сокращению инвестиций могут иметь обратный эффект, повышая способность целевой страны продолжать свою политику, нежелательную для инициаторов санкций. Существующий запас иностранного капитала (производственные мощности, ранее принадлежавшие иностранцам) приобретает отечественными владельцами капитала по заниженным ценам, что приводит к росту доходности и побуждает резидентов целевой страны продавать иностранные активы и заменять их отечественными активами с более высокой нормой прибыли. Увеличение нормы прибыли за счет покупки производственных активов по сравнительно низким ценам обуславливает дополнительную прибыль для отечественных владельцев капитала в целевой стране. Тем самым увеличивается налоговая база. Правительство целевой страны получает дополнительные возможности для финансовой поддержки своей политики, включая ту ее часть, которая стала причиной введения санкций.

В более долгосрочной перспективе, если сокращение инвестиций будет продолжаться, приток новых капитальных товаров из-за рубежа уменьшится, поскольку лицензированные технологии и запатентованные процессы иностранных фирм больше не будут доступны. В этом случае экзогенный основной капитал K уменьшится.

Из уравнения (2) следует:

$$\partial r / \partial K = P_x (\partial MP_K / \partial K) P_K(q, K) - P_x MP_K(L, K) P_{K2} / P_K(q, K)^2 > 0$$

¹ Kaempfer W. H., Lowenberg A. D. A model of the political economy of international investment sanctions: The case of South Africa // *Kyklos*. 1986. Vol. 39. P. 377–396 ; *Idem*. International Economic Sanctions: A Public Choice Perspective ; Lowenberg A. D., Kaempfer W. H. The Origins and Demise of South African Apartheid: A Public Choice Analysis. Ann Arbor : Univ. of Michigan Press, 1998.

в случае, если $(\partial MP_K / \partial K)P_K(q, K) < MP_K(L, K)P_{K2}$, то есть уменьшение K (запаса капитала) приведет как к росту предельного продукта капитала, так и к росту цен на капитальные блага. Эти два эффекта влияют на доходность по капиталу (r) в противоположных направлениях. Растущий предельный продукт капитала увеличивает доходность, в то время как рост цен на капитальные блага приводит к ее снижению. Вышеприведенное условие гласит, что уменьшение запаса капитала приведет к снижению его доходности. Это условие справедливо в том случае, если воздействие повышения предельного продукта капитала будет меньше, чем воздействие роста цен на капитальные блага. При выполнении данного условия уменьшение объема используемого в целевой стране капитала влечет за собой рост издержек производства и снижение прибылей задействованных компаний. Дефицит капитала сокращает налогооблагаемую базу и затрудняет возможности целевой страны проводить нежелательную для инициатора санкций политику.

Однако, как отмечает Р. Портер, долгосрочное воздействие вывода иностранного капитала, по сути, связано с экономическим ростом¹, поэтому его трудно отразить в статической модели. Можно ожидать, что любое уменьшение объема новых и амортизационных инвестиций снизит темпы роста ВВП на душу населения и, следовательно, может ограничить способность правительства целевой страны проводить нежелательную политику. Однако реальный размер ущерба в конечном счете зависит от сложностей, с которыми столкнулась целевая страна при замене или отказе от иностранных источников капитала.

¹ Porter R. C. International trade and investment sanctions: Potential impact on the South African economy // Journal of Conflict Resolution. 1979. Vol. 23. P. 579–612.

1.3. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ВВЕДЕНИЯ САНКЦИЙ В ЦЕЛЕВЫХ СТРАНАХ И СТРАНАХ-ИНИЦИАТОРАХ: ТЕОРИЯ ГРУППОВЫХ ИНТЕРЕСОВ

Страна-инициатор

Для анализа обозначенной проблематики в этом разделе мы используем модель эндогенной политики в рамках группы интересов¹. В соответствии с этим подходом характер и степень санкций, применяемых государством-инициатором, определяются давлением, оказываемым на внутреннюю политическую систему группами интересов с различными мотивами. Это давление является результатом максимизации частной полезности со стороны отдельных членов заинтересованных групп. Группы определяются общностью интересов, при этом политическое участие любого члена группы сдерживается желанием бесплатно пользоваться коллективными лоббистскими усилиями группы.

Рассмотрим индивидуума i , проживающего в какой-либо стране и относящегося к ее населению (I). Этот человек максимизирует полезность согласно следующему условию.

Максимизация полезности:

$$\begin{aligned} U^i &= U^i(Y^i), U_1^i > 0, U_{II}^i < 0; \\ Y^i &= Y^i(S), Y^i(0) = Z^i, Y_1^i \geq 0, Y_{II}^i = 0, \end{aligned} \quad (3)$$

где Y — доход; Z — первоначальный вклад; S — уровень применения санкций.

Предполагается, что санкции увеличивают или уменьшают доход на определенную сумму. При этом санкции, как и другие ограничения дохода, приводят к общему уменьшению дохода ($\sum_i Y_1^i < 0$), несмотря на то, что они могут увеличивать доходы одних групп населения за счет других.

¹ Kaempfer W. H., Lowenberg A. D. The theory of international economic sanctions: A public choice approach // American Economic Review. 1988. Vol. 78. P. 786–793 ; *Idem*. International Economic Sanctions: A Public Choice Perspective. Boulder, CO : Westview Press, 1992 ; Lowenberg A. D., Kaempfer W. H. The Origins and Demise of South African Apartheid: A Public Choice Analysis. Ann Arbor : Univ. of Michigan Press, 1998 ; Stigler G. J. The theory of economic regulation // Bell Journal of Economics and Management Science. 1971. Vol. 2. P. 3–21 ; Peltzman S. Toward a more general theory of regulation // Journal of Law and Economics. 1976. Vol. 19. P. 211–240 ; Becker G. S. A theory of competition among pressure groups for political influence // Quarterly Journal of Economics. 1983. Vol. 98, № 3. P. 371–400 ; *Idem*. Public policies, pressure groups and dead weight costs // Journal of Public Economics. 1985. Vol. 28. P. 329–347.

Изменения полезности, обусловленные введением санкций, выражаются формулой

$$\partial U^i / \partial S = U_1^i Y_1^i \geq 0. \quad (4)$$

Предположим, что $I = \{J, K\}$ для всех $j, k \in J, K$, при $Y_1^j > 0$, $Y_1^k < 0$.

Это допущение дает возможность различать функции спроса на санкции для тех, кто выигрывает от них, и тех, кто проигрывает. Для всех членов группы J готовность платить за санкции может быть выражена формулой

$$P_s = D^J(S) = \sum \partial U^j / \partial S = \sum U_1^j Y_1^j D_1 < 0, \quad (5)$$

где P_s — цена за единицу санкций.

Эта цена представляет собой сумму в долларах, которую отдельные лица в группе J были бы готовы потратить, чтобы достичь определенного уровня санкций, приносящих полезность на политическом рынке. Напротив, члены группы K готовы платить для того, чтобы избежать введения санкций, так как $Y_1^k < 0$. Таким образом, появляется спрос на уменьшение санкций, который является возрастающей функцией от их уровня. Этот спрос можно выразить формулой

$$P_s = D^K(S) = - \sum \partial U^k / \partial S = - \sum U_1^k Y_1^k D_1 > 0. \quad (6)$$

Это выражение может быть интерпретировано как отрицательная сумма предельных полезностей, обусловленных изменением дохода (Y) в результате введения санкций. В данном случае P_s представляет собой сумму, которую готовы платить члены группы K , чтобы не допустить ужесточения санкций.

На рис. 2 кривая спроса D^J показывает предельную полезность для представителей той группы, которая извлекает выгоду от введения и ужесточения санкций¹. Кривая D^K отражает предельную полезность противников санкций, извлекающих выгоду от их снижения. Наклон кривой D^J демонстрирует количество ресурсов, которые сторонники политики санкций готовы потратить для их ужесточения. Аналогично наклон кривой D^K отражает количество ресурсов, которое противники санкций готовы потратить, чтобы не допустить их ужесточения. (Параметр A , отложенный по горизонтальной оси, будет рассмотрен

¹ Абстрагируясь от эффектов дохода, мы можем интерпретировать график предельной полезности как эквивалент графика спроса.

позднее.) Те, кто предъявляет спрос на санкции, готовы за них платить, так как это приводит к росту их реальных доходов (бенефициары от введения санкций)¹. Оплата происходит на политическом рынке разными способами. Речь идет о финансовой поддержке политиков, голосующих за санкции. Также могут осуществляться закупки товаров по более высоким ценам. В некоторых случаях необходимо финансово стимулировать лиц, изначально не заинтересованных в санкциях. Кривая спроса для бенефициаров санкций имеет традиционный отрицательный наклон, поскольку с увеличением санкций (S) дополнительная выгода для них постепенно уменьшается.

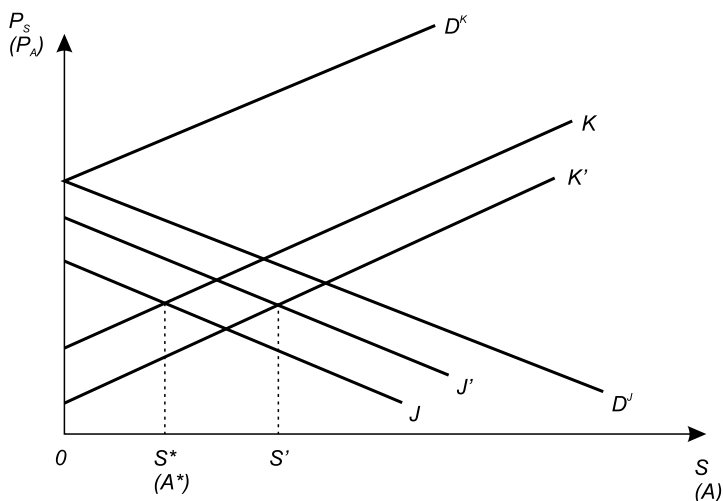

Рис. 2. Эндогенные политические равновесия

Источник: Kaempfer W. H., Lowenberg A. D. The Political Economy of Economic Sanctions // Handbook of Defense Economics. 2007. Vol. 2. URL: https://www.researchgate.net/publication/222546624_Chapter_27_The_Political_Economy_of_Economic_Sanctions.

Кривая D^K — это фактически кривая предложения санкций со стороны правительства страны-инициатора. Она отражает способность правительства проводить санкционную политику по отноше-

¹ Группа лиц в стране-инициаторе, чьи доходы увеличились в результате введения санкций, включает производителей заменителей запрещенного импорта, а также внутренних потребителей экспортных товаров, которые ранее направлялись в целевую страну.

нию к целевой стране. Это противоречит интересам членов группы K . Чем выше уровень санкций, тем больше теряют члены данной группы. У них возникает стимул к участию в политической деятельности, которая при усилении санкций создает дополнительные расходы для правительства¹. Речь идет о поддержке кандидатов от оппозиции или различных формах протеста, от ненасильственного инакомыслия до акций гражданского неповиновения. Цена спроса представителей группы K , которую они готовы платить за предотвращение ужесточения санкций, одновременно является ценой предложения для правительства государства, намеренного ужесточить санкции. Обоснование положительного наклона кривой D заключается в том, что ужесточение санкций приводит к возрастанию потерь полезности для представителей группы K .

Спрос на санкции должен учитывать общественный характер политики такого типа. Функции спроса (5) и (6) получаются путем суммирования максимальной готовности платить за большее или меньшее количество санкций со стороны членов групп J и K . Однако здесь проявляется «эффект безбилетника», так как каждый член группы хочет извлечь выгоду за счет других. Поэтому у него возникает стимул продемонстрировать более низкую готовность платить за санкции. Та мера, в которой такой безбилетник снижает общий спрос на санкции, определяет политическую эффективность данной группы. Наличие безбилетника внутри группы требует новой интерпретации спроса:

$$P_s = J(S, E^J), \quad J_1 < 0, J_2 < 0, \quad (5')$$

$$P_s = K(S, E^K), \quad K_1 < 0, K_2 > 0, \quad (6')$$

где E^J, E^K — параметры, отражающие количество безбилетников в группах J и K , что так или иначе определяет способность этих двух групп оказывать политическое влияние².

Бесплатный проезд является функцией от размера группы и других переменных, влияющих на организационные издержки и затраты на правоприменительные действия³. Чем серьезнее проблема безби-

¹ К лицам в стране-инициаторе, в отношении которой введены санкции, чьи доходы сократились вследствие введения санкций, относятся потребители импортных товаров, ранее полученных из целевой страны, а также отечественные производители запрещенного экспорта.

² Becker G. S. A theory of competition among pressure groups for political influence ; *Idem*. Public policies, pressure groups and dead weight costs.

³ Olson M., Jr. The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups. Cambridge, MA : Harvard Univ. Press, 1965.

летника, тем больше величина E^J и E^K . Параметры J_2 и K_2 отрицательны, так как неоплаченный проезд снижает готовность платить в обеих группах и, следовательно, в обеих же группах снижает цены спроса.

Приравнявая выражения (5') и (6'), можно оценить ситуацию на политическом рынке. Политики, поддерживающие санкции, выступают за их ужесточение до тех пор, пока не столкнутся с достаточно сильным противодействием. Таким образом для санкций, как и для других форм политического давления, действует правило: предельная полезность для бенефициаров, взвешенная по их политическому влиянию или эффективности, не будет равна аналогичной предельной потере («предельной бесполезности») для проигравших.

Необходимым условием такого равновесия является тот факт, что обе заинтересованные группы ощущают убывающую отдачу от политического влияния. При этом политическое давление, оказываемое каждой группой, возрастает по мере того, как увеличивается размер богатства, передаваемого противоположной группе¹.

На рис. 2 представлен политический рынок санкций с учетом ряда допущений. Во-первых, предположим, что безвозвратные потери объема производства от санкций отсутствуют, то есть санкции просто вызывают единовременные перераспределительные трансферты в рамках страны-инициатора ($\sum_i Y_i^i = 0$). Во-вторых, предположим, что предельные полезности всех членов групп идентичны. В-третьих, предположим, что обе группы одинаково эффективны в контроле за безбилетником и в политическом влиянии. Таким образом, при бесконечно малом уровне санкций прирост дохода группы J предполагается в точности равным потере группы K . Тем самым готовность группы J платить за дополнительные санкции равна готовности группы K платить за уменьшение санкций, поэтому политический рынок уравнивается при $D^K = D^J \rightarrow S = 0$. Увеличение санкций будет позитивно оценено группой J . Но это будет происходить в уменьшающейся степени, так как предельная полезность от ужесточения санкций снижается. Члены группы K также готовы платить все большие суммы за недопущение ужесточения санкций, так как по мере ужесточения возрастают потери дохода. Политический рынок достигнет равновесия при условии равенства предельных полезностей от использования денег представителями групп J и K . Фактически такое возможно при нулевом уровне санкций ($S = 0$).

¹ Сокращение отдачи от политического влияния может быть вызвано либо снижением предельной полезности денежного дохода, как в настоящей модели, либо уменьшением предельного продукта при оказании политического давления.

Теперь предположим, что санкции являются интервенциями, искажающими рынок. Так же как тарифы, квоты и другие инструменты защиты, они влекут за собой безвозвратные издержки, то есть $\sum_i Y_i^i < 0$. Безвозвратные издержки, связанные с политикой перераспределения, обычно приводят к увеличению количества богатства, которое необходимо отобрать у проигравших, при одновременном уменьшении суммы, передаваемой получателям. Таким образом, при каждом приращении санкций члены группы K теперь должны отказаться от большего объема богатства, в то время как члены группы J получают меньше. Следовательно, возрастает готовность группы K платить за то, чтобы не допустить ужесточения санкций, в то время как группа J уже не так мотивирована платить за ужесточение санкций. Кривая D^K сдвинется вверх, кривая D^J — вниз. При этом мы продолжаем считать, что обе группы одинаково эффективны в политическом влиянии. Расстояние по вертикали между кривыми D^J и D^K отражает затраты ресурсов, обусловленные санкционной политикой. Санкции являются неэффективным способом перераспределения доходов от группы K к группе J по сравнению с простыми денежными субсидиями¹.

Обуславливая сдвиги кривых D^J и D^K , безвозвратные издержки предполагают достижение равновесия при отрицательном уровне санкций, что противоречит изначальному допущению. По сути, лица, чьи доходы увеличиваются при введении санкций, должны не только противостоять давлению тех, чьи доходы сокращаются, но и компенсировать перекосы в распределении и разные формы проявления экономической неэффективности, обусловленные введением санкций. Более того, если правительство понесет административные расходы на применение санкций, это еще больше увеличит безвозвратные издержки санкционной политики и расстояние между кривыми D^J и D^K .

Таким образом, без различий в политической эффективности различных групп интересов маловероятно, что санкции будут применяться правительством, реагирующим только на политическое давление, обусловленное стремлением к максимизации дохода. Как отмечает Г. Беккер, «никакая политика, направленная на снижение общественного производства, не выжила бы, если бы все группы были одинаково многочисленны и умело оказывали политическое влияние, поскольку оппозиция всегда оказывала бы большее влияние, чем сто-

¹ О неэффективности регуляторных трансфертов см.: *Tullock G. The Economics of Special Privilege and Rent Seeking*. Boston : Kluwer Acad. Publishers, 1989.

ронники подобной политики»¹. Однако политическая неэффективность групп J и K приведет к сдвигам их кривых спроса. Кривые $J(S, E^J)$ и $K(S, E^K)$ сместятся ниже кривых D^J и D^K . В случае, если J — небольшая группа, каждый член которой получает значительную долю прироста дохода, полученного от усиления санкций, например производители заменителей экспорта целевой страны, то группа J может быть политически более эффективной, чем группа K , включающая потребителей, которые проигрывают от ограничений на импорт². Следовательно, если E^J меньше, чем E^K , то сдвиг кривой $J(S, E^J)$ ниже D^J будет достаточно малым по сравнению со сдвигом $K(S, E^K)$ ниже D^K , что позволит обеспечить равновесие на уровне S (рис. 2).

Однако в целом политическое давление в отношении экономических санкций будет возникать не только из-за их влияния на доход с точки зрения расширения возможностей потребления для членов определенных групп интересов, но и в связи с наличием увеличивающих полезность свойств самих санкций³. Санкции можно считать общественным благом (или злом), которое напрямую способствует индивидуальной полезности (или «бесполезности»), позволяя людям испытывать удовлетворение (или неудовлетворение) от того, что их страна занимается внешней политикой для достижения определенной цели. Некоторые люди могут воспринимать свой вклад в санкционную политику как частное благо, так что, по сути, санкции имеют характеристики как общественного, так и частного блага⁴.

¹ Becker G. S. Public policies, pressure groups and dead weight costs.

² Это был бы классический случай концентрированных выгод и рассредоточенных издержек, которые в мажоритарной политической системе часто приводят к социально неэффективной политике перераспределения (см.: Kaempfer W. H., Lowenberg A. D. International Economic Sanctions: A Public Choice Perspective).

³ Как уже указывалось, помимо инструментального мотива нанесения экономического ущерба целевой стране, эмбарго может иметь самостоятельную ценность для лиц, налагающих санкции, которые чувствуют себя обязанными действовать по моральным или политическим соображениям. Кроме того, санкции, которые, как считается, дают желаемые результаты в целевой стране, скорее всего, вызовут растущую поддержку внутри страны-инициатора, в которой введены санкции, в то время как санкции, которые, как представляется, не работают или наносят ущерб невиновным группам лиц, могут получить меньшую поддержку в странах-инициаторах.

⁴ Корнес и Сэндлер демонстрируют, что некоторые стандартные утверждения об общественных благах больше не имеют силы при наличии таких производимых общественных и частных продуктов. Например, когда совместные блага дополняют друг друга по Хиксу, безбилетность может на самом деле уменьшаться по мере увеличения размера группы, то есть общественные расходы одних агентов могут возрастать в ответ на увеличение общественных расходов других. Например, благотворительная деятельность может приносить как частные, так и общественные выгоды меценатам (см.:

Возможность прямого влияния санкций на индивидуальную полезность предполагает иную интерпретацию функции полезности:

$$U^i = U^i(Y^i, S). \quad (3')$$

Дифференцируя это выражение с учетом возможности прямого или косвенного воздействия на полезность от введения санкций, получаем:

$$\begin{aligned} \partial U^i / \partial S = \partial U^i / \partial S| + U_1^i Y_1^i. \\ | Y_1^i = 0. \end{aligned} \quad (7)$$

Первоначально предположим, что прямой эффект, то есть первый член в правой части уравнения (7), является положительным. Это означает, что давление со стороны сторонников санкций J увеличится, тем самым сместив спрос на санкции из положения J в положение J' (рис. 1). В то же время, хотя группа K теряет доход от санкций, ее члены получают прямую положительную полезность от введения санкций. Некоторые люди, например, могут отказаться от денежного дохода, чтобы не торговать с одиозным иностранным режимом. В этих условиях члены группы K будут менее склонны оказывать давление на санкции, что предполагает смещение кривой спроса на смягчение санкций вниз из положения K в положение K' (рис. 2). Таким образом, когда все члены группы J могут извлекать полезность непосредственно из санкций, равновесный уровень санкций повысится с S^* до S' .

Анализ показывает, что фактический уровень санкций, наложенных страной-инициатором, зависит от относительного политического влияния в этой стране групп, выступающих за санкции, и групп, выступающих против санкций. Санкции принимают форму торговых ограничений, которые в совокупности сокращают богатство, но при этом выполняют функцию перераспределения. Поэтому нет оснований полагать, что санкции будут установлены на том уровне, который обеспечит максимальный ущерб в целевой стране. Ситуация в целевой стране требует специального рассмотрения.

Целевая страна

Для целевой страны мы также можем предположить наличие двух основных групп интересов. Одна из них, группа J , оказывает давление через политический рынок в пользу политики перераспределения (обозначим данную политику как A). Эта группа интересов представлена политиками, стремящимися к максимальной политической поддержке в целевой стране, и считается нежелательной с точки зрения группы, выступающей за санкции в стране-инициаторе. Другая группа интересов K лоббирует проведение политики, противоположной A^1 .

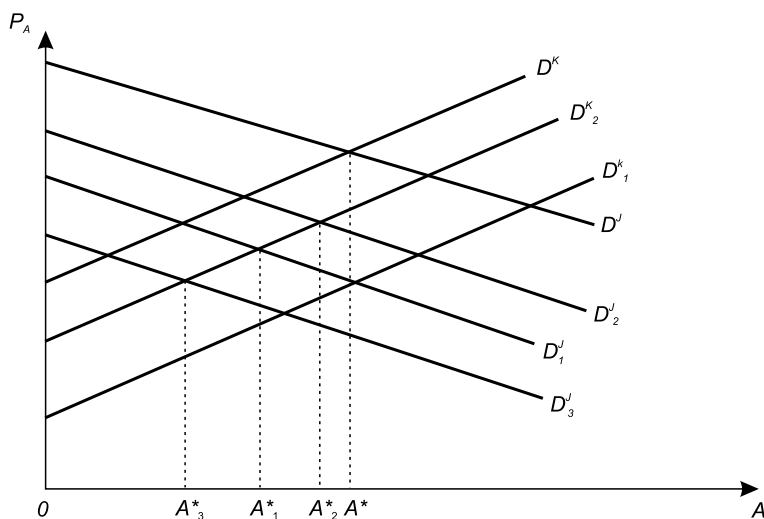

Рис. 3. Эффекты от введения санкций в целевой стране

Источник: Kaempfer W. H., Lowenberg A. D. The Political Economy of Economic Sanctions // Handbook of Defense Economics. 2007. Vol. 2. URL: https://www.researchgate.net/publication/222546624_Chapter_27_The_Political_Economy_of_Economic_Sanctions.

Равновесие на политическом рынке в целевой стране также описывается приведенными выше уравнениями (3)–(6). Рисунки 2 и 3 во многом идентичны. В отличие от страны-инициатора, в целевой стране речь идет не о санкционной политике, а о нежелательной для

¹ Примерами таких групп интересов могут быть сторонники и противники режима апартеида в Южной Африке или сторонники и противники режима Милошевича в Сербии.

страны-инициатора политике A . Оба вида политики откладываются по горизонтальной оси. Кривые J и K рисуются так же, как и на рис. 2. Здесь тоже принимается допущение, что группа J (бенефициары политики A) имеет более мощное влияние по сравнению с группой K (противники политики A). Это допущение приводит к положительному равновесному уровню результатов политики $A(A^*)$.

Относительная политическая неэффективность группы K может быть связана с тем, что эта группа подвергается политическим репрессиям или исключена из процесса выработки политики. Для членов этой группы остаются доступны лишь дорогостоящие варианты, такие как восстание или гражданское неповиновение, что снижает их явную готовность платить за ослабление политики A .

На рис. 3 показано возможное влияние санкций на равновесие политического рынка в целевой стране. Изначальными функциями спроса являются D^J и D^K . Политическое равновесие достигается в точке A^* . Предполагается, что обе группы заинтересованных лиц переживают снижение доходов из-за санкций. Этот фактор уменьшает цену спроса для обеих групп: цену спроса группы J для продолжения и ужесточения политики A и цену спроса группы K на противодействие политике A^1 . С падением доходов бенефициары политики A будут готовы меньше платить за нее, и кривая спроса на политику A сместится вниз к D_1^J . Однако политические издержки правительства в связи с осуществлением политики A будут сокращаться вследствие отрицательного воздействия эффекта дохода, который затрагивает оппонентов политики A . Уменьшение доходов отдельных членов группы противников политики A снижает их способность выделять ресурсы на сопротивление политике A . Это означает падение государственной цены реализации политики A , то есть кривая предложения политики A понижается. Кривая спроса на противодействие политике A также понижается (до D_1^K).

Обе кривые предельной полезности сместились со своих первоначальных позиций до D_1^J и D_1^K . Влияние на политику A остается неопределенным, поскольку зависит от степени сдвига кривых.

¹ В общем случае это необязательно. О воздействии санкций на доходы отдельных групп см.: Porter R. C. Op. cit. Санкции, ограничивающие импорт в целевой стране, могут усилить рыночную власть производителей импортозамещающих товаров (см.: Selden Z. Economic Sanctions as Instruments of American Foreign Policy. Westport, CT: Praeger, 1999). Санкции в отношении изъятия инвестиций могут привести к срочной распродаже внутренних активов, принадлежащих иностранцам, что повлечет за собой передачу богатства резидентам целевой страны, которые приобретут их по сниженным ценам.

На рис. 3 политика A остается неизменной. Очевидно, что политика A^* может усиливаться еще больше, если в группе K произошло большее снижение доходов, чем в группе J . Поэтому для ослабления нежелательной политики в целевой стране санкции должны быть разработаны таким образом, чтобы наносить больший ущерб основным бенефициарам этой политики, чем группам, выступающим против нее¹.

Однако, помимо воздействия на доход, санкции влияют и на параметры политической эффективности групп E^J и E^K . Члены противостоящей политике A группы K могли расценить введение санкций как сигнал поддержки их борьбы против правительства целевой страны, проводящего политику A^2 , или как признак слабости правительства³. В любом случае эффект безбилетника будет уменьшаться и группа K станет более эффективной в оказании политического влияния. В результате снижение E^K будет обуславливать снижение спроса группы K из положения D_1^K в положение D_2^K , что приведет к падению равновесного уровня от A^* до A^{*1} . Г. Таллок указывал: все, что повышает вероятность успешного политического сопротивления или снижает ожидаемые издержки политического участия для отдельных лиц, приводит к росту активности сопротивления⁴. У. Кемпфер и А. Ловенберг использовали пороговую модель коллективных действий, чтобы продемонстрировать, как внешнее давление, такое как санкции, может получить широкую поддержку среди групп местного населения⁵.

¹ Однако если A является низшим благом для группы J , то отрицательный эффект дохода вызовет вверх сдвиг D^J и приведет к увеличению A' . Например, санкции, сократившие доходы белых рабочих в Южной Африке, могли привести к увеличению спроса на правила, защищающие их от конкуренции на рынке труда от черных рабочих, то есть на апартеид (*Kaempfer W. H., Lehman J. A., Lowenberg A. D. Divestment, investment sanctions, and disinvestment: An evaluation of anti-apartheid policy instruments // International Organization. 1987. Vol. 41. P. 457–473*).

² Конечно, этот эффект будет зависеть от особенностей страны-инициатора. Если страна, применяющая санкции, не пользуется большим уважением у населения страны-мишени, санкции могут фактически помешать работе внутренней оппозиции.

³ Такая слабость, возможно, с точки зрения финансовых ресурсов или массовой легитимности может быть истолкована как политическая возможность группы противников политики A , мобилизующей своих членов независимо от того, получают ли они компенсацию в связи с наличием иностранных санкций.

⁴ *Tullock G. The paradox of revolution // Public Choice. 1971. Vol. 11. P. 89–99.*

⁵ Кемпфер и Ловенберг определяют несколько механизмов, связывающих санкции с изменениями в политической эффективности групп интересов в целевой стране. Во-первых, люди могут пересмотреть свои личные убеждения и предпочтения, когда обнаружат, что иностранцы публично заявляют о своей вере в какую-либо цель политики. Чем большее число людей придерживается определенного мнения, тем в большей степени изменятся частные убеждения и предпочтения, чтобы более точно соответствовать этому мнению. Во-вторых, иностранное давление может привести к увеличению

Влияние санкций на политическую эффективность выступающей за политику A группы J неоднозначно. Одна из возможностей состоит в том, что члены группы J могут рассматривать санкции как нежелательное иностранное посягательство на национальный суверенитет, и в этом случае они сплотятся «вокруг флага», а группа в целом потратит больше ресурсов на усиление политического влияния в пользу политики A . Этот эффект сплочения облегчает правителям мобилизацию поддержки своей политики. По сути, стимул к «бесплатному проезду» внутри группы J уменьшится, что приведет к уменьшению параметра политической неэффективности E^J . В результате происходит сдвиг вправо кривой спроса на политику A — из положения D_1^J в положение D_2^J , а также рост равновесного уровня с A_1^* до A_2^* (рис. 3). Возможен и альтернативный вариант. В случае если отдельные члены группы J обескуражены снижением доходов в результате введения санкций, их стимул к роли «безбилетника» в рамках поддерживающей политику A группы J возрастает. Например, лица, обычно поддерживающие правящую группу, могут воздержаться от этого, если внешнее экономическое давление увеличивает вероятность потери правящим режимом власти или введенные санкции угрожают еще большим сокращением доходов. Нечто подобное может произойти и в том случае, если страна-инициатор обещает отменить санкции при отказе целевой страны от нежелательной политики. Такое разочарование сторонников режима приводит к увеличению параметра E^J и вызывает сдвиг кривой спроса J из положения D_1^J в положение D_3^J . Тем самым равновесный уровень политики A смещается из положения A_1^* в положение A_3^* ¹.

репутационных выгод, предоставляемых лицам, которые поддерживают определенные группы внутри страны, за счет повышения эффективности этих групп в вознаграждении своих сторонников избирательными стимулами (*Kaempfer W. H., Lowenberg A. D. Using threshold models to explain international relations // Public Choice. 1992. Vol. 73. P. 419–443*). В-третьих, санкции или лоббирование иностранных групп интересов могут вызвать усиление «коллективных настроений» в отношении политики, отстаиваемой группой внутренних интересов, когда коллективные настроения определяются как репрезентативное индивидуальное ожидание относительно доли населения, занимающей данную политическую позицию. Представление о том, что пороговый процент населения уже занял такую позицию, может создать эффект побеждающей стороны (*Kuran T. Sparks and prairie fires: A theory of unanticipated political revolution // Public Choice. 1989. Vol. 61. P. 41–74*).

¹ Финдли и Лундал утверждают, что белые южноафриканские рабочие могли отреагировать на сокращение инвестиций со стороны групп акционеров за границей. Они могли пойти на уменьшение степени апартеида, чтобы предотвратить снижение уровня жизни (*Findlay R., Lundahl M. Racial discrimination, dualistic labor markets and foreign investment // Journal of Development Economics. 1987. Vol. 27. P. 139–148*).

Проведенный анализ показывает, что сигнальный или угрожающий эффект санкций обуславливает изменения равновесия A^* , которые совершенно не зависят от влияния санкций на доход населения целевой страны. По сути, санкции, наносящие наибольший экономический ущерб¹, необязательно приводят к ослаблению политики A со стороны целевой страны, а могут привести и к ее усилению. Значительный эффект снижения дохода в результате введения санкций в целевой стране приведет к существенному сдвигу кривых D^J и A^* . Однако в случае, если интересы группы J затрагиваются больше, чем интересы группы K , и кривая D^J сдвигается вниз на большее расстояние по сравнению с D^K , равновесное значение A^* не изменится и политика A в целевой стране не ослабнет. Если же доход группы K сократится в большей мере, чем у группы J , то кривая D^K сместится вниз на большее расстояние по сравнению с кривой D^J и значение A^* увеличится. Таким образом, воздействие экономических последствий санкций на равновесный уровень A остается неопределенным.

Из анализа санкций по группам интересов следует, что только те санкции, которые оказывают избирательное воздействие на сторонников и противников политики A , приведут к изменениям политики в целевой стране. Один из способов добиться такого направленного воздействия — разработать стратегию санкций с учетом ее сигнальных и угрожающих эффектов, а не эффектов дохода. Сигнал о поддержке целей политической оппозиции и (или) угроза причинить дальнейшие страдания сторонникам режима изменит параметры политической неэффективности, присущие этим двум заинтересованным группам, и тем самым вызовет эндогенное изменение политики в желаемом для страны-инициатора направлении. Таким образом, анализ групп интересов показывает преимущество стратегии «умных» санкций, воздействующих на конкретные группы населения в целевой стране. На самом деле в литературе по санкциям существует в значительной мере общее мнение, что лучше всего для начала определить группы, более других ответственные за неприемлемую политику. Т. Морган и В. Швебах, например, утверждают, что

¹ Как указывалось в предыдущем разделе, критерии выбора санкций не обязательно должны включать ущерб для целевой страны; скорее, структура санкций отражает предпочтения групп интересов в странах, применяющих санкции. Санкциями, которые причиняют наибольший экономический ущерб, вероятно, будут широкомасштабные многосторонние торговые эмбарго, обязательное изъятие инвестиций или отзыв международного кредита.

влияние санкций на целевую страну лучше всего рассматривать с точки зрения их воздействия, прямого или косвенного, на политическую элиту¹.

¹ *Morgan T. C., Schwabach V. L.* Economic sanctions as an instrument of foreign policy: The role of domestic politics // *International Interactions*. 1996. Vol. 21. P. 247–263.

Аналогичного мнения придерживаются М. Алерасул, А. Смит, Дж. Дашти-Гибсон и др., а также З. Селден. Как отмечают Д. Кортрайт и Г. Лопес, «...санкции, скорее всего, будут эффективными, когда они нацелены на лиц, принимающих решения, ответственных за любые неправомерные действия, и лишают активов и ресурсов, которые наиболее ценны для этой элиты, принимающей решения» (*Alerassool M.* Freezing Assets: The USA and the Most Effective Economic Sanction. N. Y. : St. Martin's Press, 1993 ; *Dashti-Gibson J., Davis P., Radcliff B.* On the determinants of the success of economic sanctions: An empirical analysis // *American Journal of Political Science*. 1997. Vol. 41. P. 608–618 ; *Smith A.* The success and use of economic sanctions // *International Interactions* 1996. Vol. 21. P. 229–245 ; *Selden Z.* Op. cit.).

Утверждается, что для достижения заявленных целей разумные санкции не только более эффективны, чем просто санкции, сокращающие ВВП, но и с меньшей вероятностью нанесут «побочный ущерб» невинным группам в целевой стране, к тому же оказывающий нежелательный эффект — укрепление позиций правящего режима в целевой стране (см.: *Economic Sanctions and American Diplomacy* / ed. R. N. Haass. Washington, DC : Brookings Institution Press, 1998 ; *Weiss T. G.* Sanctions as a foreign policy tool: Weighing humanitarian impulses // *Journal of Peace Research*. 1999. Vol. 36. P. 499–509 ; *Cortright D., Lopez G. A.* Op. cit ; *Lopez G. A.* Toward smart sanctions on Iraq // *The Joan B. Kroc Institute for International Peace Studies. Policy Brief*. 2001. Vol. 5 ; *Cortright D., Lopez G. A., Rogers E. S.* Targeted financial sanctions: Smart sanctions that do work // *Smart Sanctions: Targeting Economic Statecraft* / eds D. Cortright, G. A. Lopez. Lanham, MD : Rowman and Littlefield, 2002. P. 23–40 ; *Cortright D., Millar A., Lopez G. A.* Smart sanctions in Iraq: Policy options // *Smart Sanctions: Targeting Economic Statecraft* / editors D. Cortright, G. A. Lopez. Lanham, MD : Rowman and Littlefield, 2002. P. 201–224 ; *Cortright D. G., Lopez A.* Sanctions and the Search for Security: Challenges to UN Action. Boulder, CO : Lynne Rienner Publishers, 2002).

В тематическом исследовании торговых и финансовых санкций США против Ирана А. Торбат отмечает, что эти санкции нанесли мощный экономический удар, но не оказали большого политического воздействия. Торбат выступает за использование «умных» санкций, позволяющих влиять непосредственно на правящих служителей культа, избегая при этом негативного влияния на иранское население в целом (*Torbat A. E.* Impacts of the US trade and financial sanctions on Iran // *World Economy*. 2005. Vol. 28. P. 407–434). Дж. Киршнер описывает, как санкции США против режима Трухильо в Доминиканской Республике в 1960–1962 годах содействовали активности внутренней оппозиции. «Традиционная» точка зрения состоит в том, что санкции должны быть адаптированы для нанесения ущерба правящим кругам и основным группам их поддержки в целевой стране и по крайней мере не вредить их оппонентам (*Kirshner J.* The microfoundations of economic sanctions // *Security Studies*. 1997. Vol. 6. P. 32–64). С. Мейджор и А. МакГанн утверждают, что в некоторых случаях относительно незаинтересованные группы людей должны чувствовать на себе основную тяжесть санкций. Эти группы, поскольку они обращают мало внимания на нежелательную политику режима, обычно тратят очень небольшую часть своих ресурсов на лоббирование либо за, либо против такой политики (*Major S., McGann A. J.* Caught in the crossfire: 'Innocent bystanders' as optimal targets of economic sanctions // *Journal of Conflict Resolution*. 2005.

У. Кемпфер и А. Ловенберг утверждают, что неэкономические или культурные санкции с большей вероятностью будут оказывать избирательное воздействие на узко определенные группы, чем торговые или инвестиционные санкции, влияние которых на доход обычно неизбирательно. Более того, символические санкции, поскольку они предполагают тесную культурную близость между инициатором санкций и их целью, обязательно являются односторонними, а не многосторонними, или, по крайней мере, затрагивают лишь небольшую группу лиц, инициирующих введение санкций¹.

«Умные» санкции особенно желательны в случае авторитарного режима в целевой стране. Такие санкции в идеале должны подрывать власть автократа (а также сокращать ресурсы, доступные его сторонникам), не нанося серьезного побочного ущерба гражданам целевой страны, подвергающимся репрессиям². В исследованиях санкций используется модель, включающая два фактора устойчивости такой власти — репрессии и лояльность. Использование данной модели позволяет сделать вывод, что санкции могут увеличить бюджет диктатора и таким образом укрепить его положение, если он сможет присвоить часть ренты, получаемой от изменений условий торговли³. Если же санкции нанесут такой ущерб экономике целевой страны, что ее население обнищает, то влияние внутренней оппозиции может быть ослаблено. Кроме того, способность режима подавлять инакомыслие может быть увеличена, если бедная часть населения будет подвергаться жесткому контролю. В этом случае «цена репрес-

Vol. 49. P. 337–359). Следовательно, санкции, возлагающие издержки на такие группы, приведут к большему увеличению расходов на лоббирование противодействия нежелательной политике, чем санкции, нацеленные на более заметные группы, такие как элиты или контрэлиты. Однако потенциальным препятствием для оценки эффективности «умных» санкций является сложность получения данных для измерения их воздействия на целевые группы.

¹ У. Кемпфер и А. Ловенберг приводят пример спортивного эмбарго против апартеида в Южной Африке, введенного группой стран, где играют в регби и крикет, которое, возможно, оказало большее влияние на белых в этой стране, чем многие из самых суровых экономических санкций. При этом какой-либо вред черному населению причинен не был (*Kaempfer W. H., Lowenberg A. D. Unilateral versus multilateral international sanctions: A public choice perspective*). О санкциях, влекущих запрет на проведение культурных и спортивных мероприятий, см.: *Hanlon J., Omond R. The Sanctions Handbook*. Harmondsworth : Penguin Books, 1987. P. 225.

² *Kaempfer W. H., Lowenberg A. D., Mertens W. International economic sanctions against a dictator // Economics and Politics. 2004. Vol. 16. P. 29–51.*

³ *Wintrobe R. The tinpot and the totalitarian: An economic theory of dictatorship // American Political Science Review. 1990. Vol. 84. P. 849–872 ; Idem. The Political Economy of Dictatorship. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1998.*

сий» снижается, и режим в целевой стране их усиливает. С другой стороны, если санкции ограничивают доступ режима к инструментам репрессий, таким как полиция и военная техника, или если санкции поощряют оппозиционные силы к организации коллективных действий, тогда цена репрессий может возрасти. Влияние санкций на цену лояльности зависит от настроений внутренних групп интересов в момент введения санкций. Санкции могут побудить группы, близкие к правящим кругам, увеличить свою поддержку, чтобы извлечь большую санкционную ренту. Тем самым цена лояльности этих групп для режима целевой страны снижается. Однако противники режима могут приложить больше усилий для оказания сопротивления, тогда цена лояльности оппозиционных групп для режима возрастет. Изменение количества репрессий также влияет на уровень дохода и лояльность режиму, потому что в совокупности репрессии сокращают благосостояние. Вызванные санкциями изменения цены власти характеризуются как эффектами замены и дохода, так и эффектом бюджетных ограничений в целевой стране.

1.4. ИДЕНТИФИКАЦИЯ ВОЗДЕЙСТВИЯ САНКЦИЙ В ИГРОВЫХ МОДЕЛЯХ

Таким образом, мы рассмотрели санкционное поведение и политические последствия санкций с точки зрения теории групп интересов в политическом процессе. Согласно этому подходу наблюдаемая политика в международных отношениях и ее последствия рассматриваются как результат конфигураций внутренней политики групп интересов в странах-инициаторах и целевых странах. Национальные правительства рассматриваются как более или менее беспристрастные арбитры в борьбе с давлением соперничающих внутри страны групп; сами правительства не имеют независимых политических предпочтений или планов. Этот подход согласуется с методологическим индивидуализмом неоклассической экономической теории в том плане, что поведение групп интересов основывается на принципе максимизации полезности для отдельных членов группы¹.

Однако при изучении санкций используется и другой методологический подход, основанный на допущении существования единственного рационального субъекта. При таком подходе предметом исследо-

¹ О методологическом индивидуализме в международной политической экономике см.: *Kaempfer W. H., Lowenberg A. D. Using threshold models to explain international relations.*

вания служат не отдельные члены группы интересов, избиратели или политики, а национальные государства как целостные образования. Государства являются основными игроками на международной арене, и решения о применении санкций, принятии их или сопротивлении им принимаются государствами. Использование этой методологии необязательно позволит делать выводы, полностью противоречащие теории групп интересов. Две разные методологии ориентированы на исследование разных аспектов. Выводы, порожденные теориями единственного рационального актора, необязательно несовместимы с выводами теорий групп интересов — скорее две методологии сосредоточены на разных вопросах. Основная задача моделей групп интересов состоит в том, чтобы показать, как выбор национальной политики отражает интересы групп населения внутри государства. В моделях с одним рациональным актором, напротив, основная цель состоит в том, чтобы показать, как решения в сфере международной политики одной страны влияют на решения правительств других стран или находятся под их влиянием. Эти решения обычно являются стратегическими. Для анализа поведения государств часто используется теория игр.

Так, Д. Дрезнер явно выступает за использование теоретико-игровой модели экономического принуждения, в которой и страны-инициаторы, и целевые страны рассматриваются как национальные государства¹. Модель содержит ожидания будущих конфликтов, а также краткосрочные альтернативные издержки принятия тех или иных решений. Дрезнер выделяет «парадокс санкций», напрямую связанный с конфликтными ожиданиями. Парадокс заключается в том, что страны-инициаторы, которые предвидят частые конфликты с целевой страной, с большей вероятностью инициируют санкции, чем государства, которые предполагают мало конфликтов с целевой страной в будущем. И напротив, целевые страны, которые ожидают конфликта с инициатором в будущем, с меньшей вероятностью будут реагировать на санкции и соблюдать требования инициатора из опасения, что уступки, сделанные в настоящем, будут использованы для усиления давления в будущем². Из этого следует, что инициаторы с большей вероятностью введут санкции против противников, чем против союзников, но от союзников получают более существенные уступки,

¹ Drezner D. W. Conflict expectations and the paradox of economic coercion // *International Studies Quarterly*. 1998. Vol. 42. P. 709–731 ; *Idem*. The Sanctions Paradox: Economic Statecraft and International Relations. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1999.

² Drezner D. W. Conflict expectations and the paradox of economic coercion. P. 711.

поскольку те меньше обеспокоены относительными выгодами от стремления к лучшей переговорной позиции в будущем в связи с низкой вероятностью ожидаемого конфликта. Д. Дрезнер находит эмпирические данные, подтверждающие реалистичность модели конфликтных ожиданий. Более того, он отвергает внутреннюю политику как причину инициирования санкций, находя подтверждение своей позиции в том факте, что санкционные события тесно связаны с кризисами, в которых интересы государств находятся под прямой угрозой. Санкционные события, как правило, не «распределяются» случайным образом по всем международным кризисам, как это следует из гипотезы внутренней политики.

Из теоретико-игровых подходов к санкциям наиболее известны в литературе подходы Дж. Итона и М. Энгерса¹. Используя теорию торга в условиях неполной информации, они продемонстрировали, что успех более вероятен, когда стоимость угрожающих санкций для страны-инициатора низка по сравнению с выгодой для инициатора, обусловленной изменением поведения целевой страны, в то время как цена санкций для целевой страны высока по сравнению с ценой соблюдения требований страны, наложившей санкции. Хотя этот результат вполне предсказуем, модель позволяет сделать некоторые интересные выводы. В мире совершенной информации санкции не применялись бы никогда: если бы предполагаемая санкция была достаточно эффективной, целевая страна немедленно подчинилась бы требованиям инициатора, избавив его от необходимости налагать санкцию. И наоборот, если бы санкция была неэффективной, инициатор не стал бы угрожать ею как первоочередной мерой. Тот факт, что санкции вводятся, означает, что либо страна, наложившая санкции, недооценила стоимость реакции со стороны целевой страны, и в этом случае санкция не работает, либо целевая страна недооценила решимость страны, налагающей санкции, и в этом случае санкция сработала.

Хотя во многих случаях простой угрозы санкций будет достаточно, чтобы побудить целевую страну подчиниться, возможны случаи неполной информации, когда страна-инициатор налагает санкции, а целевая страна твердо придерживается прежней политики. Например, страна-инициатор может наложить санкции на целевую страну, для которой цена соблюдения требований инициатора превышает

¹ Eaton J., Engers M. Sanctions // *Journal of Political Economy*. 1992. Vol. 100. P. 899–928 ; *Idem*. Sanctions: Some simple analytics // *American Economic Review*. 1999. Vol. 89. P. 409–414.

стоимость санкции либо потому, что страна-инициатор хочет укрепить свою репутацию носителя жесткой политической линии, либо потому, что страна-инициатор не может отличить «покладистую» целевую страну от «упрямой». Дж. Итон и М. Энгерс, а также Д. Лейси и Э. Ниу предложили использовать многоступенчатую игровую модель, чтобы продемонстрировать, что реально вводимые санкции обычно не достигают успеха. Напротив, санкции, которые могли бы быть успешными, обычно остаются угрозами и на деле не применяются. При таком подходе можно предположить, что наблюдение за реально введенными санкциями, скорее всего, позволит сделать вывод, что санкции не работают, так как большинство потенциально успешных санкций существуют лишь на стадии угрозы. Тогда эмпирические исследования, основанные только на наблюдаемых санкциях, не могут дать объективную оценку касательно их успешности. Однако Итон и Энгерс также отмечают, что страна-инициатор может налагать санкции неоднократно — просто для того, чтобы продемонстрировать свою решимость, и тем самым вынудить целевую страну с течением времени пойти на уступки. В этом случае эмпирический анализ, основанный на наблюдениях за реально применяемыми санкциями, будет свидетельствовать об их успехе. В целом санкции, которые фактически вводятся, «представляют собой весьма нерепрезентативную верхушку айсберга»¹.

При регулярных взаимодействиях страны-инициатора и целевой страны, как показывают Итон и Энгерс, обязательства страны-инициатора в случае упорного неповиновения целевой страны являются важным фактором, определяющим успех санкций. Обязуясь использовать санкции всегда, а не принимать решения в каждом конкретном случае, страна-инициатор устраняет у целевой страны стимул уклоняться в надежде повысить вероятность того, что санкции будут сняты в будущем². Уровень уступок со стороны целевой страны, которого может достичь санкционная политика, зависит не только от стоимости санкции для каждой стороны, но и от терпения обеих. Авторы предлагают разработать меру жесткости, основанную на готовности

¹ Eaton J., Engers M. Sanctions: Some simple analytics. P. 410 ; Lacy D., Niou E. M. S. A theory of economic sanctions and issue linkage: The roles of preferences, information, and threats // Journal of Politics. 2004. Vol. 66. P. 25–42.

² Х. Доруссен и Дж. Мо, тем не менее, демонстрируют, что стратегии приверженности, помогая государствам улучшить свои позиции на переговорах, усложняют разрешение конфликтов и, следовательно, увеличивают продолжительность действия санкций (Dorussen H., Mo J. Ending economic sanctions: Audience costs and rent-seeking as commitment strategies // Journal of Conflict Resolution. 2001. Vol. 45. P. 395–426).

страны нести расходы, связанные с санкциями. Чем меньше степень «нетерпения» в целевой стране и чем ниже цена для инициатора, тем больше вероятность того, что введение санкций будет успешным.

Однако настойчивость инициатора и высокая стоимость санкций для целевой страны могут на самом деле помешать выполнению требований инициатора. Поскольку ожидание такой дорогостоящей санкции само по себе достаточно для того, чтобы добиться выполнения требований инициатора, постоянная угроза применения такой санкции не заслуживает доверия. Так как терпеливый инициатор не будет применять санкции часто, целевая страна может воспользоваться этим и отложить выполнение требований инициатора. В этой ситуации даже незначительная санкция, которая наносит меньший вред целевой стране (например, символическая санкция или торговая санкция, затрагивающая лишь небольшую долю общего объема торговли), может быть более эффективной, если она применяется регулярно¹.

1.5. АНАЛИЗ ВОЗДЕЙСТВИЯ САНКЦИОННЫХ МЕХАНИЗМОВ: ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В специальной литературе можно найти множество попыток рассмотреть вопрос о том, какие факторы определяют эффективность санкций для достижения поставленных целей. В одном из исследований используется балльная система: каждому случаю введения санкций в зависимости от достигнутых результатов выставляется оценка от 1 до 16. Санкции считаются успешными при оценке выше 8 баллов. Далее выделяются 18 потенциальных коррелятов успеха санкций. На основании модели множественной регрессии проверяется влияние этих коррелятов на показатель успешности санкций. Тем не менее полученные результаты нельзя признать удовлетворительными. Модель объясняет лишь 21 % вариаций показателя успешности санк-

¹ См.: *Eaton J., Engers M. Sanctions*. P. 902. Однако Т. Морган и В. Швебах утверждают, что санкции окажут наибольшее влияние на распределение ожидаемых результатов, если цена санкций будет достаточно высока по сравнению с поставленными на карту ценностями. В частности, пространственная модель переговоров Моргана и Швебаха показывает, что санкции будут успешными для достижения политических целей в целевой стране только в том случае, если они влекут за собой значительные издержки для политически влиятельных сегментов общества целевой страны по сравнению с тем значением, которое эти сегменты придают спорному вопросу (*Morgan T. C., Schwebach V. L. Economic sanctions as an instrument of foreign policy: The role of domestic politics // International Interactions*. 1996. Vol. 21. P. 247–263 ; *Idem. Fools suffer gladly: The use of economic sanctions in international crises // International Studies Quarterly*. 1997. Vol. 41. P. 27–50).

ций¹. Одна из основных причин таких слабых результатов заключается в использовании обычного способа оценки методом наименьших квадратов, который не подходит для случая ограниченной зависимой переменной, такой как показатель успешности санкций². Обозначенная проблема решалась разными авторами с использованием оценок дискретных зависимых переменных³.

Результаты исследований в большой степени зависят от специфики модели, но обнаруживается несколько общих закономерностей, в частности положительная корреляция успеха санкций с политической нестабильностью и экономической слабостью в целевой стране и с тесным характером отношений между страной-инициатором и целевой страной до введения санкций⁴. Подтверждается изречение «Лучше наказать друга, чем врага». Многие, хотя и не все эмпирические исследования обнаруживают значительную положительную связь между стоимостью санкций для целевой страны, измеренной в процентах от ее ВВП, и успехом санкций⁵. Кроме того, ряд авторов приходят к выводу, что стоимость санкций для страны-инициатора отрицательно влияет на их успех. Также встречаются утверждения, что рычаги воздействия страны-инициатора или ее способность влиять на издержки целевой страны зависят от степени торговых связей между двумя странами до введения санкций⁶.

¹ Bonetti S. The analysis and interpretation of economic sanctions // *Journal of Economic Studies*. 1997. Vol. 24, № 5. P. 324–348 ; Leitzel J. Review of Hufbauer et al. (1985) // *Kyklos*. 1987. Vol. 40. P. 286–288.

² Bonetti S. Op. cit. ; Bergeijk P. A. G. van. Op. cit. ; Lam S. L. Economic sanctions and the success of foreign policy goals: A critical evaluation // *Japan and the World Economy*. 1990. Vol. 2. P. 239–248 ; Hart R. A. Democracy and the successful use of economic sanctions // *Political Research Quarterly*. 2000. Vol. 53. P. 267–284.

³ Некоторые авторы используют логистическую регрессию для выявления обстоятельств, когда успех или неудача санкций имеют высокую вероятность (Bergeijk P. A. G. van. Success and failure of economic sanctions // *Kyklos*. 1989. Vol. 42. P. 385–404 ; Bonetti S. Distinguishing characteristics of degrees of success and failure in economic sanctions episodes // *Applied Economics*. 1998. Vol. 30. P. 805–813).

⁴ Lam S. L. Op. cit. ; Bergeijk P. A. G. van. Success and failure of economic sanctions ; *Idem*. Economic Diplomacy, Trade and Commercial Policy: Positive and Negative Sanctions in a New World Order ; Bonetti S. Distinguishing characteristics of degrees of success and failure in economic sanctions episodes.

⁵ Dehejia R. H., Wood B. Economic sanctions and econometric policy evaluation: A cautionary note // *Journal of World Trade*. 1992. Vol. 26. P. 73–84 ; Dashti-Gibson J., Davis P., Radcliff B. Op. cit. ; Drury A. C. Revisiting 'Economic Sanctions Reconsidered' // *Journal of Peace Research*. 1998. Vol. 35. P. 497–509.

⁶ Miyagawa M. Do Economic Sanctions Work? N. Y. : McMillan Press, 1992 ; Dashti-Gibson J., Davis P., Radcliff B. Op. cit. ; Bonetti S. Distinguishing characteristics of degrees of success and failure in economic sanctions episodes.

Таким образом, например, П. ван Бергейк приходит к выводу, что потенциальная потеря благосостояния для целевой страны, в частности измеряемая пропорционально торговым связям (зависит от доли торгового оборота страны-инициатора и целевой страны в ВВП целевой страны), является важным фактором, определяющим успех санкций¹. А. Друри отмечает: «более тесная связь с целевой страной увеличивает возможности инициатора нанести ущерб, и, согласно общепринятому мнению, чем больше ущерб, тем эффективнее будут санкции». Тем не менее Друри не обнаруживает существенного влияния торгового потока до введения санкций на их результат².

Большинство исследований показывают, что многостороннее сотрудничество между странами-инициаторами оказывает негативное влияние на успех санкций, однако Друри утверждает, что этот результат справедлив только в том случае, если к санкциям неприменимы международные организации³. Более того, хотя обычно ожидается, что помощь целевой стране со стороны третьих стран снизит вероятность успеха санкций, Друри считает, что это верно только в том случае, если целевая страна изначально зависела от импорта из страны-инициатора. Другим фактором успеха санкций, рассмотренным в литературе, является характер цели санкций. При этом более амбициозные цели, как правило, негативно влияют на успех, поскольку таких целей труднее достичь⁴. Однако Друри не обнару-

¹ *Bergeijk P. A. G. van. Economic Diplomacy, Trade and Commercial Policy: Positive and Negative Sanctions in a New World Order ; Hart R. A. Op. cit.*

² *Drury A. C. Op. cit. P. 502.*

³ Этот вывод может показаться нелогичным, поскольку, как отмечалось ранее, многосторонние санкции в большинстве случаев сильнее влияют на условия торговли для объекта, чем односторонние санкции. Однако У. Кемпфер и А. Ловенберг утверждают, что многосторонние санкции на самом деле менее эффективны, чем односторонние, именно потому, что большее воздействие на условия торговли порождает санкционную ренту, которая часто присваивается целевым режимом. Кроме того, значительные последствия изменения условий торговли создают сильные стимулы для членов многосторонних коалиций к мошенничеству. Речь идет о торговле в обход санкций, в результате чего правительству целевой страны посылается контрпродуктивный сигнал поддержки (*Kaempfer W. H., Lowenberg A. D. Unilateral versus multilateral international sanctions: A public choice perspective*). А. Майерс и Т. Морган предложили внедрить подход многомерного пространственного моделирования для учета более высокой частоты неудач многосторонних санкций, чем односторонних (*Miers A. C., Morgan T. C. Multilateral sanctions and foreign policy success: Can too many cooks spoil the broth? // International Interactions. 2002. Vol. 28. P. 117–136*).

⁴ Например, свергнуть правящий режим в какой-либо целевой стране — гораздо более труднодостижимая цель, чем добиться незначительных изменений в ее политике.

живает существенного влияния амбициозности цели на результат санкций¹. Страны, часто прибегающие к санкциям, в среднем менее успешны в этом, чем те страны, которые редко применяют санкции. Влияние продолжительности применения санкций является спорным². Некоторые авторы утверждают, что затраты на поддержание уровня благосостояния в целевой стране, обусловленные санкциями, со временем увеличиваются, поэтому длительные санкции более эффективны, чем краткосрочные³. Другие ученые говорят, что между продолжительностью санкций и их успехом наблюдается отрицательная корреляция⁴.

Эмпирические исследования эффективности санкций часто подвергаются критике в связи с особенностями отбора данных. В ряде исследований рассматриваются последствия только реально введенных санкций. Однако на практике было немало случаев, когда санкции выступали лишь как угроза, но в действительности не применялись. Как указывалось ранее, зачастую этого бывало достаточно для того, чтобы заставить целевую страну изменить свою политику. В целом Дж. Ферон указывает, что выборки случаев реального применения санкций и выборки случаев, когда все заканчивалось угрозами, практически сопоставимы⁵. Т. Морган и А. Майерс, Р. Харт, а также И. Нооруддин утверждают, что санкции как «экономическое принуждение» обычно используются только в самых неразрешимых ситуациях, когда непримиримые разногласия между страной-инициатором и целевой страной снижают вероятность того, что введение санкций

¹ Drury A. C. Op. cit.

² Paarlberg R. Using food power: Opportunities, appearances, and damage control // Dilemmas of Economic Coercion: Sanctions in World Politics / eds.: M. Nincic, P. Wallensteen. N. Y. : Praeger, 1983. P. 131–153 ; Daoudi M. S., Dajani M. S. Economic Sanctions: Ideals and Experience. L. : Routledge and Kegan Paul, 1983 ; Brady L. J. The utility of economic sanctions as a policy instrument // The Utility of International Economic Sanctions / ed. D. Leyton-Brown. N. Y. : St. Martin's Press, 1987. P. 297–302 ; Bolks S. M., Al-Sowayel D. How long do economic sanctions last? Examining the sanctioning process through duration // Political Research Quarterly. 2000. Vol. 53. P. 241–265.

³ Дж. Галтунг предполагает, что по мере того, как затраты на санкции со временем растут, угрожая серьезным экономическим ущербом и политической дезинтеграцией, целевая страна, вероятно, в конечном счете выполнит требования инициатора, несмотря на преобладание эффектов ралли при более низких уровнях затрат (Galtung J. Op. cit.).

⁴ Dilemmas of Economic Coercion: Sanctions in World Politics / eds. M. Nincic, P. Wallensteen. N. Y. : Praeger, 1983 ; Leyton-Brown D. Op. cit. ; Martin L. L. Coercive Cooperation: Explaining Multilateral Economic Sanctions. Princeton : Princeton Univ. Press, 1992.

⁵ Fearon J. D. Domestic political audiences and the escalation of international disputes // American Political Science Review. 1994. Vol. 88, № 3. P. 577–592.

приведет к изменению поведения целевой страны¹. Из этого можно сделать вывод, что исследования, основанные только на реально введенных санкциях, не дадут объективных результатов. Чтобы решить эту проблему, Дрезнер изучает случаи, когда санкции применялись для достижения экономических или политических целей. В этих случаях угрозы введения санкций часто становятся публичными до того, как санкции реально вводятся². Такие ситуации идеально подходят для проверки качества отбора эмпирического материала.

Результаты исследований Дрезнера показывают, что санкции, которые привели к значительным уступкам, скорее всего, обычно заканчивались на стадии угрозы. Дрезнер предполагает, что значение экономического принуждения могло быть сильно недооценено, поскольку оно во многом противоречит сложившемуся в современной литературе консенсусу относительно того, что санкции, как правило, не достигают своих политических целей и что их продолжающееся применение можно объяснить только таким мотивом, как внутренняя политика в странах-инициаторах. Однако утверждение, что результаты эмпирических исследований в целом опровергают возможный успех санкций, ни в коем случае не является универсальным. Как отмечалось ранее, страна-инициатор может неоднократно применять санкции, создавая у целевой страны стимул к выполнению предъявленных требований³.

Проблема отбора эмпирических данных является частью более широкой проблемы, а именно: факторы, вызывающие применение санкций, неразрывно связаны с факторами, определяющими их успех⁴. Этот момент поясняют Итон и Энгерс: «Любой анализ ситуаций, в которых инициаторы действительно прибегают к принятию мер, может создать ложную картину роли санкций в международном порядке: мера может быть принята только в редких случаях,

¹ *Morgan T. C., Miers A. C.* When threats succeed: A formal model of the threat and use of economic sanctions // Annual Meeting of the American Political Science Association. Atlanta, GA, 1999 ; *Hart R. A.* Op. cit. ; *Nooruddin I.* Modeling selection bias in studies of sanctions efficacy // International Interactions. 2002. Vol. 28. P. 59–75.

² *Drezner D. W.* Outside the box: Explaining sanctions in pursuit of foreign economic goals // International Interactions. 2001. Vol. 26. P. 379–410 ; *Idem.* The hidden hand of economic coercion // International Organization. 2003. Vol. 57. P. 643–659.

³ *Eaton J., Engers M.* Sanctions: Some simple analytics.

⁴ *Smith A.* Op. cit. ; *Morgan T. C., Miers A. C.* Op. cit. ; *Bolks S. M., Al-Sowayel D.* Op. cit. ; *Jing C., Kaempfer W. H., Lowenberg A. D.* Instrument choice and the effectiveness of international sanctions: A simultaneous equations approach // Journal of Peace Research. 2003. Vol. 40. P. 519–535.

когда инициатор думает, что он может что-то сделать, или когда целевая страна не подчиняется воле инициатора. Любая попытка количественной оценки эффективности санкций должна в первую очередь учитывать обстоятельства, которые привели к их применению. Для этого требуется эконометрический подход»¹.

С эмпирической точки зрения проблема заключается в том, что инструменты политики (например, торговые санкции, финансовые санкции или военное вмешательство) являются эндогенными по отношению к политическому процессу и, в частности, к результату политики, к которому стремится страна-инициатор².

Однако выбор инструмента также влияет на исход санкций. Поэтому некоторые переменные, от которых зависит эффективность санкций, например выбранные типы санкций или структура санкционной стратегии, сами выводятся из других переменных. С. Цзин с коллегами предлагают решить эту проблему эндогенности путем оценки модели одновременных уравнений, в которой совместно определяются результаты политики санкций и вероятности использования страной-инициатором различных инструментов санкций. Выводы ученых подтверждают результаты некоторых проведенных ранее исследований. Но есть и некоторые различия. Так, дополняется известное ранее положение, что санкции более эффективны при тесном экономическом сотрудничестве между страной-инициатором и целевой страной до введения санкций. При этом эффективность санкций отрицательно зависит от экономической и политической мощи целевой страны. В свою очередь Цзин и коллеги отмечают, что чем больше размер страны-инициатора по сравнению с целевой страной, тем ниже вероятность успеха санкций и что на эффективность санкций не оказывает существенного влияния как помощь третьих стран целевой стране, так и стоимость санкций для страны-инициатора и для целевой страны. Также Цзин и коллеги не делают однозначных выводов об эффективности торговых санкций по сравнению с финансовыми. Некоторые другие исследователи утверждают, что финансовые санкции более эффективны³.

¹ Eaton J., Engers M. Sanctions: Some simple analytics. P. 413.

² Военная интервенция, например, обычно обходится стране-инициатору дороже, чем торговые или финансовые санкции, и поэтому, скорее всего, применяется только для достижения наиболее амбициозных или высокоприоритетных политических результатов.

³ Alerassool M. Op. cit. ; Dashti-Gibson J., Davis P., Radcliff B. Op. cit. ; Drury A. C. Op. cit. ; Selden Z. Op. cit. ; Jing C. C., Kaempfer W. H., Lowenberg A. D. Op. cit.

1.6. ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ НА ХАРАКТЕР ДЕЙСТВИЯ САНКЦИЙ

Еще одно направление исследований — роль институтов в контексте вероятности применения санкций и последующих политических результатов. Одним из наиболее важных аспектов внутренних институтов является характер политического режима как в целевой стране, так и в стране-инициаторе. Во многих исследованиях демократический политический режим противопоставляется недемократическому¹. Интерес к типу режима проистекает из литературы по международным отношениям о так называемом демократическом мире, в которой содержится теория о том, что демократические режимы с меньшей вероятностью вступят в военный конфликт, чем недемократические². Кроме того, большое значение в данном контексте имеет уровень доходов населения. Богатые страны скорее будут искать мирный способ разрешения конфликта по сравнению с бедными³.

Обычно для доказательства данных теоретических положений приводится следующий аргумент: в условиях демократии политическая конкуренция способствует раскрытию информации о степени решимости руководства страны в определенной ситуации, и во многих случаях это помогает избежать перехода разногласий в военный

¹ Так, например, Аллен обнаруживает, что внутренние политические структуры в целевых странах сильно влияют на их реакцию на санкции, в то время как Болкс и Аль-Совайел показывают, что институты целевой страны и политическая уязвимость ее режима существенно влияют на продолжительность действия санкций (см.: Allen S. H. The determinants of economic sanctions success and failure // *International Interactions*. 2005. Vol. 31, № 2. P. 117–138 ; Bolks S. M., Al-Sowayel D. Op. cit.).

² В некоторых исследованиях демократический режим представляется как своеобразный «гарант мира». В данном контексте выдвигаются гипотезы «либерального мира» и «умиротворяющего эффекта» торговли (см.: Oneal J. R., Russett B. M. The classical liberals were right: Democracy, interdependence, and conflict, 1950–1985 // *International Studies Quarterly*. 1997. Vol. 41. P. 267–294 ; *Idem*. The Kantian peace: The pacific benefits of democracy, interdependence, and international organizations, 1885–1992 // *World Politics*. 1999. Vol. 52. P. 1–37 ; *Idem*. Assessing the liberal peace with alternative specifications: Trade still reduces conflict // *Journal of Peace Research*. 1999. Vol. 36. P. 423–442 ; *Idem*. Clear and clean: The fixed effects of the liberal peace // *International Organization*. 2001. Vol. 55. P. 469–485 ; *Idem*. Modeling conflict while studying dynamics // *Globalization and Armed Conflict* / eds.: G. Schneider, K. Barbieri, N. P. Gleditsch. Lanham, MD : Rowman and Littlefield, 2003. P. 179–188 ; Oneal J. R., Russett B. M., Berbaum M. L. Causes of peace: Democracy, interdependence, and international organizations, 1885–1992 // *International Studies Quarterly*. 2003. Vol. 47. P. 371–393).

³ Mousseau M. Market prosperity, democratic consolidation, and democratic peace // *Journal of Conflict Resolution*. 2000. Vol. 44. P. 472–507 ; *Idem*. The nexus of market society, liberal preferences, and democratic peace: Interdisciplinary theory and evidence // *International Studies Quarterly*. 2003. Vol. 47. P. 483–510.

конфликт¹. Еще один аргумент заключается в том, что подотчетность демократических политиков широким кругам избирателей дает им больший стимул для проведения успешной внешней политики и защиты своих граждан от военных издержек. Авторитарные же режимы, напротив, меньше заботятся об общественном благополучии и поэтому с большей вероятностью втянут свои страны в военный конфликт².

Б. Буэно де Месquita и Р. Сиверсон стремятся найти эмпирические доказательства того, что участие в войне чревато потерей постов для всех типов лидеров, но особенно для демократов³. Также Ф. Макгилливрей и А. Смит утверждают, что подотчетные обществу политики несут издержки в виде снижения уровня одобрения со стороны избирателей из-за того, что они не умеют сотрудничать с иностранными государствами⁴. Лидеры, которых легко можно переиз-

¹ *Lektzian D., Souva M.* The economic peace between democracies: Economic sanctions and domestic institutions // *Journal of Peace Research*. 2003. Vol. 40. P. 641–660.

² См.: An institutional explanation for the democratic peace / B. Bueno de Mesquita, J. D. Morrow, R. M. Siverson [et al.] // *American Political Science Review*. 1999. Vol. 93. P. 791–808 ; *The Logic of Political Survival* / B. Bueno de Mesquita, A. Smith, R. M. Siverson [et al.]. Cambridge, MA : MIT Press, 2003. Также высказывалась гипотеза, что отсутствие либерально-демократических норм у лидеров недемократических государств порождает ожидание агрессивных намерений и презумпцию враждебности со стороны демократических лидеров (*Farnham B.* The theory of democratic peace and threat perception // *International Studies Quarterly*. 2003. Vol. 47. P. 395–415). Ряд авторов отмечают большое количество коалиций между демократическими режимами (*Gartzke E.* Preferences and the democratic peace // *International Studies Quarterly*. 2000. Vol. 44. P. 191–212 ; *Siverson R. M., Emmons J.* Birds of a feather: Democratic political systems and alliance choices in the twentieth century // *Journal of Conflict Resolution*. 1991. Vol. 35. P. 285–306).

³ *Bueno de Mesquita B., Siverson R. M.* War and the survival of political leaders: A comparative study of regime types and political accountability // *American Political Science Review*. 1995. Vol. 89, № 4. P. 841–855.

⁴ Направление причинно-следственной связи может быть и противоположным, то есть наблюдаемая редкость войн между демократиями может быть объяснена негативным влиянием войны на демократию, а не наоборот. Например, можно предположить, что режимы становятся более авторитарными по мере подготовки к надвигающимся войнам. Некоторые авторы стремятся проверить данную гипотезу. Также предпринимаются попытки создать систему уравнений, где уровень демократии и вероятность войны были бы эндогенными параметрами (*Mousseau M., Shi Y.* A test for reverse causality in the democratic peace relationship // *Journal of Peace Research*. 1999. Vol. 36. P. 639–663 ; *James P., Solberg E., Wolfson M.* An identified systemic model of the democracy-peace nexus // *Defence and Peace Economics*. 1999. Vol. 10. P. 1–37 ; *Reuveny R., Li Q.* The joint democracy-dyadic conflict nexus: A simultaneous equations model // *International Studies Quarterly*. 2003. Vol. 47. P. 325–346 ; *Major S., McGann A. J.* Op. cit. ; *McGillivray F., Smith A.* Trust and cooperation through agent-specific punishments // *International Organization*. 2000. Vol. 54. P. 809–824).

брать, если они не будут соблюдать международные договоренности о сотрудничестве, с высокой вероятностью будут стремиться к кооперации¹. Перспектива лишиться высокой должности делает подотчетных лидеров более заслуживающими доверия в глазах иностранных контрагентов и способствует широкому международному сотрудничеству. Но в тех случаях, когда смена лидеров затруднена, сотрудничество бывает менее надежным, что часто приводит к межгосударственным столкновениям. Отметим, что лидеры авторитарных государств получают поддержку узкого круга избирателей, а сменяющие друг друга диктаторы обычно опираются на борющиеся друг с другом группы сторонников. В итоге смена руководства приводит к тому, что новый лидер представляет интересы других групп, и политические приоритеты пересматриваются. Демократические лидеры апеллируют к более широкому кругу избирателей, состав которых существенно не меняется при смене руководства. Поэтому маловероятно, что политика, в том числе внешнеэкономическая, значительно изменится при смене власти демократическим путем. В эмпирическом исследовании торговых отношений Макгилливрей и Смит подтверждают, что влияние смены руководства на экономические отношения между демократиями гораздо менее выражено, чем в случаях автократий².

Теория демократического мира отнюдь не бесспорна, некоторые ученые оспаривают как ее логическую основу, так и эмпирические доказательства³. Тем не менее эта концепция довольно популярна.

¹ *McGillivray F., Smith A.* The impact of leadership turnover and domestic institutions on international cooperation // *Journal of Conflict Resolution*. 2005. Vol. 49. P. 639–660. Аналогичные выводы распространяются и на экономические санкции в целом. Смена руководства в недемократических странах-инициаторах и целевых странах тесно связана с окончанием санкций, тогда как смена руководства в демократических государствах не связана с продолжительностью санкций. Когда санкции отменяются, демократические режимы возвращаются к досанкционному уровню отношений быстрее, чем недемократические или смешанные.

² *McGillivray F., Smith A.* The impact of leadership turnover on trading relations between states // *International Organization*. 2004. Vol. 58. P. 567–600.

³ Гесс и Орфанидес, например, утверждают, что, поскольку действующим демократическим лидерам часто необходимо удерживать власть при плохих экономических показателях, у них иногда возникает стимул инициировать международный конфликт, чтобы спасти внутреннюю репутацию (*Hess G. D., Orphanides A.* War and democracy // *Journal of Political Economy*. 2001. Vol. 109. P. 776–810). Розато приходит к выводу, что мир не может быть в первую очередь обусловлен демократической природой государств (*Rosato S.* The flawed logic of democratic peace theory // *American Political Science Review*. 2003. Vol. 97. P. 585–602). Хендерсон связывает послевоенную стабильность среди демократических режимов не с совместной демократией, а с наличием режима международной безопасности, характеризующегося bipolarностью, ядерным сдерж-

Одни авторы пытаются исследовать вероятность экономических санкций между демократическими режимами. По мнению других авторов, вероятность жестких санкций в этом случае невелика, так как в странах-инициаторах и целевых странах действуют аналогичные факторы: прозрачность намерений правящей элиты и зависимость политиков от избирателей и результатов проводимой политики¹.

При этом Лекциан и Сува, а также Кокс и Друри показывают, что демократические режимы применяют санкции чаще, чем другие типы режимов². Лекциан и Сува предполагают, что склонность к санкциям связана с тем фактом, что правящие коалиции в демократиях охватывают большее разнообразие групп интересов, которые необходимо удовлетворить. Торговые санкции полезны, в частности, для демократических правительств как средство оправдания защиты отечественной промышленности при одновременном декларировании приверженности либеральному торговому режиму. Кокс и Друри добавляют, что демократии могут предпочесть санкции военным действиям, потому что ненасильственные меры обычно привлекают меньше общественного внимания и не обуславливают противодействия. Вместе с тем Лекциан и Сува, Кокс и Друри также обнаруживают, что демократии с большей вероятностью накажут недемократические страны, чем другие демократии. Кокс и Друри предполагают, что этот результат возникает вследствие того, что две наиболее распространенные причины, по которым демократические государства вводят санкции (для продвижения демократии и наказания за нарушение прав человека), в основном применимы к авторитарным целям; демократические государства обычно невиновны в нарушении политических прав или прав человека своих граждан³. Более того, учитывая настоятельную необходимость для демократических лидеров прово-

живанием, членством в альянсах и торговыми связями (*Henderson E. A. Neoidealism and the democratic peace // Journal of Peace Research. 1999. Vol. 36. P. 203–231 ; Idem. Democracy and War: The End of an Illusion? Boulder, CO : Lynne Rienner Publishers, 2002*). Сенезе обнаруживает в определении интенсивности конфликта, что зрелость режима так же важна, как и тип режима (*Senese P. D. Democracy and maturity: Deciphering conditional effects on levels of dispute intensity // International Studies Quarterly. 1999. Vol. 43. P. 483–502*).

¹ *Lektzian D., Souva M. Op. cit. ; Cox D. G., Drury A. C. Democratic sanctions: Connecting the democratic peace and economic sanctions // Journal of Peace Research. 2006. Vol. 43. P. 709–722.*

² *Lektzian D., Souva M. Op. cit. ; Cox D. G., Drury A. C. Op. cit.*

³ Следует отметить, что мажоритарные демократии особенно подвержены давлению со стороны групп интересов, поддерживающих введение санкций. Иногда эти группы интересов действительно негодуют против неприемлемого поведения иностранного режима, но часто ими движут тонко замаскированные протекционист-

дить успешную внешнюю политику, они, как правило, предпочитают выбирать «недемократические» цели для введения санкций. «Демократическая цель... предпримет все необходимые меры для компенсации или противодействия санкциям, используя возможность предоставления общественных благ членам коалиции»¹.

Гипотеза о том, что демократии более мотивированны, чем недемократические страны, как для применения санкций, так и для сопротивления требованиям внешних инициаторов, частично основывается на введенном Фироном понятии «затраты на аудиторию». Это издержки утраченной политической поддержки, которые несут лидеры страны, когда общественность разочаровывается в способностях политических лидеров. По словам Фирона, демократия, которая сталкивается с высокими затратами на внутреннюю аудиторию, всегда с меньшей вероятностью отступит в публичной конфронтации во время международных кризисов, чем недемократия, где затраты на аудиторию значительно ниже и, следовательно, существует большая гибкость для изменения своей политики при внешнем давлении². Отсюда следует, что любой сигнал, исходящий от демократического режима, внушает больше доверия, чем сигнал, посылаемый авторитарным режимом. Потенциальная демократическая страна-инициатор, вынужденная считаться с собственными внутренними политическими институтами и избегать провалов во внешней политике³, с меньшей вероятностью инициирует санкции против другой демократической страны. Галтунг подтверждает относительную устойчивость

ские интересы (*Kaempfer W. H., Lowenberg A. D. The theory of international economic sanctions: A public choice approach*).

¹ Лекзиан и Сува также отмечают, что, имея стимулы проводить успешную внешнюю политику и минимизировать вред для своего населения, демократические режимы с большей вероятностью, чем недемократические, будут использовать финансовые санкции вместо торговых. По той же причине демократии с большей вероятностью будут преследовать второстепенные внешнеполитические цели, чем пытаться добиться амбициозных политических изменений в целевых странах (*Lektzian D., Souva M. Op. cit.*).

² При эмпирической проверке теории Фирона Партелл и Палмер обнаружили, что внутренняя политическая аудитория действительно оказывает сильное влияние на то, какие страны в условиях кризиса могут достичь успешных результатов, хотя относительные национальные возможности также оказываются важны (*Partell P. J., Palmer G. Audience costs and interstate crises: An empirical assessment of Fearon's model of dispute outcomes // International Studies Quarterly. 1999. Vol. 43. P. 389–405*).

³ Харт предполагает, что демократические страны, как правило, более успешны в применении санкций, чем недемократические, потому что затраты на аудиторию, с которыми сталкиваются демократические правительства, гарантируют, что они будут инициировать санкции только в случае вероятного реального успеха (*Hart R. A. Op. cit.*).

демократических целей, указывая на то, что демократии обладают большей легитимностью и, следовательно, с большей вероятностью, чем автократии, сплачивают своих граждан под флагом сопротивления санкциям¹.

Однако, как и ее политический аналог о демократическом мире, гипотеза экономического мира вызывает споры. В частности, многие ученые отвергают утверждение о том, что демократическая целевая страна с меньшей вероятностью уступит санкциям, чем недемократическая. Например, Нооруддин утверждает, что именно потому, что демократические политические лидеры вынуждены учитывать предпочтения своей общественности, вполне вероятно, что демократическое правительство целевой страны согласится на требования инициаторов санкций, чтобы добиться отмены санкций и облегчить положение своих избирателей². Также Болкс и Аль-Совайел показывают, что демократические правительства обычно недолго сопротивляются санкциям в связи с внутренними политическими издержками, которые их электорат будет им создавать³. Почти такой же аргумент выдвигает Носсаль⁴. Он отмечает, что политические лидеры в целевых странах, которые не могут изменить свое поведение, чтобы положить конец экономическим проблемам, обусловленным санкциями, рискуют быть отстраненными от должности⁵. Напротив, в недемократических странах непопулярные правящие элиты часто могут защитить себя и своих сторонников, переложив экономическое бремя санкций на бесправные слои населения⁶. Когда руководство государством сосредоточено в руках нескольких человек, оно лучше способно осуществлять контрмеры, ограждающие правительство от экономических трудностей, вызванных санкциями. Недемократическим и нелиберальным режимам особенно легко выстоять перед лицом

¹ *Galtung J.* Op. cit.

² *Nooruddin I.* Op. cit.

³ *Bolks S. M., Al-Sowayel D.* Op. cit.

⁴ *Nossal K. R.* Liberal democratic regimes, international sanctions, and global governance // *Globalization and Global Governance* / ed. by R. Väyrynen. Lanham, MD : Rowman and Littlefield, 1999. P. 130.

⁵ *Ibid.* P. 127–150.

Опираясь на большую базу данных по странам и временным рядам, Маринов находит эмпирические доказательства дестабилизирующего воздействия экономического давления на правительство целевых стран (*Marinov N.* Do economic sanctions destabilize country leaders? // *American Journal of Political Science*. 2005. Vol. 49. P. 564–576).

⁶ Папе приводит пример Ирака, который не уступил, несмотря на самые разрушительные экономические санкции в истории, когда ВВП сократился на 48 % (*Pape R. A.* Op. cit. P. 93).

разрушительных санкций, потому что они могут «просто переложить расходы на санкции на некоторые слои населения и полагаться на вооруженные силы для сдерживания политических противников, недовольных проводимой политикой»¹. Более того, всепроникающий национализм часто побуждает граждан недемократических государств терпеть серьезные трудности, а не отказываться от политики, которая, как считается, отвечает национальным интересам. Папе, а также Кортрайт и Лопес утверждают, что «санкции предоставляют авторитарным правительствам рычаги для создания эффекта „сплочения вокруг флага“ как средства подавления внутренней оппозиции»². Дамрош утверждает, что санкции почти неизбежно принесут пользу авторитарному режиму, потому что режим всегда будет в лучшем положении, чем гражданское население с точки зрения контроля над внешними операциями и внутренней экономикой³. По мнению Дамроша, создание и обогащение преступного класса, который наживается на контрабандной торговле или дефицитных товарах, означает, что даже самые искусно направленные санкции послужат лишь укреплению власти правящей элиты⁴.

Болкс и Аль-Совайел, а также Нооруддин стремятся представить эмпирические доказательства того, что санкции, налагаемые на авторитарные цели, менее эффективны, чем санкции, налагаемые на демократические государства⁵. Нооруддин делает логический вывод, что инициаторы с большей вероятностью наложат санкции на демократические страны, чем на недемократические, именно потому, что демократии уступят с большей вероятностью⁶. Еще од-

¹ Таким образом, для авторитарных обществ характерен меньший риск протестов и революций, так как авторитары способны успешно подавлять потенциальные диссидентские группы (*Collier P., Hoeffler A. Civil war // Handbook of Defense Economics. Defense in a Globalized World / eds by T. Sandler, K. Hartley. Amsterdam : Elsevier, 2007. Vol. 2. P. 711–739.*)

² *Pape R. A. Op. cit. P. 93 ; Cortright D., Lopez G. A. The Sanctions Decade: Assessing UN Strategies in the 1990s. P. 214 ; Willett T. D., Jalalighajar M. US trade policy and national security // Cato Journal. 1983/84. Vol. 3. P. 717–727.*

³ *Damrosch L. F. The civilian impact of economic sanctions // Enforcing Restraint: Collective Intervention in Internal Conflicts / ed. by L. F. Damrosch. N. Y. : Council on Foreign Relations Press, 1993. P. 299.*

⁴ *Ibid. P. 274–315.*

⁵ *Bolks S. M., Al-Sowayel D. Op. cit. P. 241–265 ; Nooruddin I. Op. cit. P. 73.*

⁶ *Nooruddin I. Op. cit. P. 69–70.* Однако этот вывод не обязательно опровергает идею экономического мира между демократиями. Экономический мир представляет собой диалектическое явление (*Lektzian D., Souva M. Op. cit. P. 647*); он требует, чтобы пары демократических стран с меньшей вероятностью были вовлечены в санкции, чем пары недемократических стран или смешанные пары. Хотя Нооруддин считает, что демокра-

ним аргументом в поддержку утверждения о том, что демократии, в частности, склонны применять санкции против демократических противников, является утверждение, что демократические режимы предпочитают заменять невоенное принуждение, включая санкции, милитаризованными инструментами внешней политики при столкновении с недемократическими режимами¹.

Таким образом, в литературе, посвященной проблемам политической экономии санкций, ведутся острые дискуссии по поводу зависимости распространенности и эффективности санкций от особенностей политических режимов в странах-инициаторах и целевых странах. Единый подход к решению данной проблемы не выработан. Одни авторы предполагают, что демократические режимы скорее уступают под давлением санкций, другие считают более уступчивыми авторитарные режимы. Некоторые исследователи утверждают, что авторитарные режимы чаще рассматриваются в качестве целей для санкционного давления, в то время как другие ученые допускают обратное. Наконец, некоторые авторы утверждают, что демократические режимы охотнее применяют санкционное давление по сравнению с авторитариями и делают это более эффективно.

1.7. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ И ВЫВОДЫ

Несмотря на дискуссионность изучаемой проблематики, исследователи отмечают ряд областей для возможного консенсуса. Например, существует единодушное согласие относительно полезности «умных» санкций, предназначенных для избирательного воздействия на определенные группы в целевой стране. Кроме того, как экономисты, так и политологи пришли к выводу, что процессы, посредством

тии чаще становятся целями санкций, он не проверяет, являются ли демократические страны более вероятными, чем недемократические, инициаторами санкций. На самом деле данные этого ученого включают только санкции, введенные США (Nooruddin I. Op. cit. P. 63, 70).

¹ Palmer G., Wohlander S. B., Morgan T. C. Give or take: Foreign aid and foreign policy substitutability // *Journal of Peace Research*. 2002. Vol. 39. P. 5–26 ; Morgan T. C., Palmer G. To protect and to serve: Alliances and foreign policy portfolios // *Journal of Conflict Resolution*. 2003. Vol. 47. P. 180–203.

Также приводятся доказательства того, что демократии предпочитают использовать позитивные экономические стимулы, а не санкции, особенно в отношениях с другими демократиями (Davidson J., Shambaugh G. Who's afraid of economic incentives? The efficacy-externality tradeoff // *Sanctions as Economic Statecraft: Theory and Practice* / eds by S. Chan, A. C. Drury. L. : Macmillan, 2000. P. 37–64 ; Drezner D. W. The trouble with carrots: Transaction costs, conflict expectations, and economic inducements // *Security Studies*. 2000. Vol. 9. P. 188–218).

которых политика санкций начинает проводиться в странах-инициаторах, и процессы, обуславливающие результаты санкций, представляют собой ключ к ответу на два вопроса политической экономии санкций: 1) какие факторы определяют, когда санкции будут использоваться в качестве предпочтительного инструмента оказания влияния в международных отношениях, и 2) какие факторы определяют вероятность успеха или неудачи санкций в достижении их политических целей? Теоретико-игровые подходы к санкциям способствовали четкому пониманию того, что эти два вопроса неразрывно связаны: наблюдаемые случаи применения санкций представляют собой лишь небольшую часть санкционных стратегий, большинство из которых заканчивается без фактического введения санкций.

Это понимание было перенесено в эмпирическую литературу, в которой большинство практиков теперь признают наличие ошибок при отборе данных о наблюдаемых эпизодах санкций. Таким образом, сегодня широко распространены подходы с уравнениями, направленными на одновременное решение проблемы выбора инструмента воздействия на целевую страну и достижения успеха. Более того, ученые все чаще признают важность политических институтов как в странах, применяющих санкции, так и в странах-объектах, влияющих на решение о введении санкций и эффективность принятых мер в достижении их целей.

Несмотря на то что совокупность знаний о процессах, порождающих санкции и определяющих их успех, несомненно, расширилась, а анализ санкций, как теоретический, так и эмпирический, с годами значительно усложнился, остаются загадки, которые еще предстоит решить. Например, почему использование санкций стало более интенсивным после окончания холодной войны и почему одни страны чаще прибегают к санкциям, чем другие? Последний вопрос особенно актуален для США, которые на сегодняшний день являются главным инициатором санкций в мире¹.

Вероятно, распад Советского Союза вызвал всплеск санкционной активности, потому что инициаторы санкций больше не должны беспокоиться о том, что их действия усугубят напряженность между блоками сверхдержав². Возможно, страны, которые с наиболь-

¹ О склонности США к применению санкций см.: *Hufbauer G. C. Sanctions-happy USA // Institute for International Economics Policy Brief. 1998. № 98-4.*

² Вердье утверждает, что теперь мировая конфигурация менее прозрачна, чем во времена холодной войны. Поэтому санкции полезны для разделения противников на «устрашаемых» и «неустрашимых».

шей вероятностью будут полагаться на санкции, уже не имеют доступа к альтернативным средствам давления, которые можно было бы использовать в споре, например исторические, колониальные или культурные связи с потенциальными объектами. При исследовании феномена санкций нужно учитывать не только стандартные экономические и политические факторы, но также культурные и исторические особенности наций.

В современной литературе все чаще применяют экономические модели для объяснения того, как культурные или нормативные атрибуты государств определяют институты, политический выбор и экономические показатели¹.

Часто высказывается мнение, что страны, которые имеют общие политические институты, могут лучше сигнализировать об уровне решимости или приверженности в международных спорах, чем страны, не имеющие таких институтов. В целом можно ожидать, что государства с аналогичными политическими и экономическими институтами будут иметь схожие предпочтения во внешней политике и, следовательно, с меньшей вероятностью вступят в конфликт друг с другом². Это же можно сказать и о других факторах национального сходства, включая культуру и исторический опыт. Следует предположить, что страны, имеющие ряд общих культурных атрибутов, более эффективно сообщают о своих коллективных предпочтениях и намерениях, чем страны, отличающиеся в культурном отношении. Тем самым конфликты смягчаются и повышается вероятность успешного разрешения межгосударственных споров. В дальнейших исследованиях проблемы экономических санкций будет учитываться более широкий перечень поведенческих детерминант³.

¹ The Quality of Government / R. La Porta, F. Lopez-de-Silanes, A. Shleifer, R. Vishny // *Journal of Law, Economics, and Organization*. 1999. Vol. 15. P. 222–227 ; *Acemoglu D., Johnson S. H., Robinson J. A.* The colonial origins of comparative development: An empirical investigation // *American Economic Review*. 2001. Vol. 91, № 5. P. 1369–1401 ; *Idem.* Institutions as the fundamental cause of long-run growth // NBER Working Paper. 2004. № 10481 ; *Rodrik D., Subramanian A.* The primacy of institutions (and what this does and does not mean) // *Finance and Development*. 2003. Vol. 40. P. 31–34 ; *Tabellini G.* Culture and institutions: Economic development in the regions of Europe : Working Paper. Milan : Innocenzo Gasparini Institute for Economic Research, Bocconi University, 2005.

² *Souva M.* Institutional similarity and interstate conflict // *International Interactions*. 2004. Vol. 30. P. 263–280.

³ *Kaempfer W. H., Lowenberg A. D.* The Political Economy of Economic Sanctions // *Handbook of Defense Economics*. 2007. Vol. 2. P. 876–911. DOI: 10.1016/S1574-0013(06)02027-8.

На основании проведенного анализа можно сделать следующие выводы.

Феномен санкций получил столь широкое распространение в мировой практике, что стал предметом теоретических исследований, и в результате появился специальный раздел экономической теории — политическая экономия санкций. Данный раздел включает экономические, политические и социологические аспекты. С точки зрения экономики представляет интерес тот факт, что для исследования причин и последствий введения санкций широко используются микро- и макроэкономические модели, предполагающие характерные *ex ante*-рассуждения. Также в политической экономии санкций используется инструментарий теории игр. Предпринимаются попытки эмпирического осмысления теоретических выводов.

Краткий обзор теоретических подходов в рамках политической экономии санкций позволяет сделать вывод о крайне неоднозначных положениях, касающихся возможного успеха для введенных санкций для страны-инициатора. Во многих исследованиях признается, что возможный успех (или его отсутствие) при введении санкций зависит от многих факторов, таких как доля целевой страны в торговом обороте страны-инициатора, размер экономики страны-инициатора и целевой страны, особенности активов в целевых странах, наличие определенных политических групп в странах-инициаторах и целевых странах, особенности политических режимов в странах-инициаторах и целевых странах и т. д. Многие авторы приходят к выводу, что результат введения санкций может быть и противоположным, то есть целевая страна может не изменить свою политику и только укрепить свои позиции. Также следует учитывать и особые социально-культурные факторы, например психологическая готовность народа в целевой стране терпеть временные трудности. Отсюда следует, что политическая экономия санкций как раздел экономической науки содержит большой потенциал для развития. Также крайне важным является сочетание теоретических и эмпирических исследований, содержащих детальный анализ каждого конкретного случая.

В контексте задач настоящего исследования важно теоретическое положение о потенциально возможном (в том числе и негативном) воздействии введенных санкций не только на целевую экономику, но и на экономику страны-инициатора. Так, в случае, если доля целевой страны в торговом обороте страны-инициатора довольно велика, изменение условий торговли влияет и на экономику страны, инициировавшей введение санкций, в том числе на рынок труда. Тем самым

подтверждаются значимость и актуальность проблематики, рассматриваемой в данной работе. Россия и ЕС на протяжении многих лет осуществляют довольно интенсивную торговлю. Поэтому введение антироссийских санкций и их последующее резкое ужесточение не могут не сказаться на экономике стран ЕС, в том числе на ситуации на европейском рынке труда. Данная проблематика подробнее рассмотрена в следующих главах.

Глава 2

САНКЦИОННАЯ ВОЙНА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА ПРОТИВ РОССИИ: КРАТКИЙ ОБЗОР

2.1. САНКЦИОННЫЕ МЕРЫ В ОТНОШЕНИЯХ РОССИИ И ЕС: РАЗВИТИЕ СИТУАЦИИ В 2014–2022 ГОДАХ

Санкционный режим в отношениях России и Европейского союза был введен в 2014 году после присоединения Крыма к России. Страны Европейского союза не были инициаторами введения антироссийских санкций, но поддержали инициативу США¹. Таким образом, в дальнейших исследованиях мы исходим из того, что Европейский союз выступает страной-инициатором, в то время как Россия — целевой страной (см. главу 1). В 2014–2022 годах периодически вводились все новые санкции. Первые санкции ЕС в отношении России, введенные марте–июле 2014 года, носили персональный характер. Речь шла о запрете въезда на территорию ЕС и блокировке активов отдельных лиц. В августе 2014 года впервые были введены секторальные санкции против России со стороны ЕС. Европейский союз ограничил доступ на европейский рынок капитала крупнейшим государственным российским банкам (Сбербанк, ВТБ, Газпромбанк, Россельхозбанк, Внешэкономбанк). Также санкционные ограничения затронули нефтегазовый сектор (некоторые трубы и средства для бурения) и товары двойного назначения для оборонной промышленности. В сентябре 2014 года Евросоюз запретил поставлять товары двойного назначения для девяти российских оборонных компаний. Был наложен запрет на предоставляемые европейскими компаниями российским партнерам услуги по разведке и производству глубоководной и арктической нефти, а также для проектов сланцевой нефти. В дальнейшем действие санкций ЕС против России неоднократно продлевалось.

В свою очередь, Россия принимала ответные меры, то есть вводила контрсанкции. Первые контрсанкции со стороны России в отноше-

¹ Как отмечает Ю. Князев, «хотя Европейский союз поддержал США и регулярно объявлял антироссийские санкции вслед за аналогичными американскими действиями, делалось это не очень охотно, так как санкционная война наносит отдельным странам и всей европейской экономике ощутимый ущерб, какого не испытывает американское государство, имеющее с Россией гораздо менее обширные торгово-экономические связи» (Страны Центрально-Восточной Европы в санкционной войне Запада против России: политические позиции и экономические последствия : доклад / под ред. Ю. Князева. М. : Ин-т экономики РАН, 2015).

нии ЕС также носили персональный характер и в значительной мере были зеркальными. В августе 2014 года Россия ограничила импорт некоторых сельскохозяйственных товаров (говядина, свинина, фрукты, птица, сыры и молочная продукция, орехи) из тех стран, которые ввели санкции. Данная мера получила название «продовольственное эмбарго». В дальнейшем продовольственное эмбарго неоднократно продлевалось, хотя периодически из него исключались сельхозпродукты, замещение которых было связано с определенными трудностями. Аналогичные ограничения затронули некоторые товары легкой промышленности (ткани, верхнюю одежду и спецодежду, одежду из кожи, нательное белье, обувь, изделия из меха и др.). В целом существовавший с 2014 года санкционный режим оказывал негативное влияние на характер и интенсивность сотрудничества России и ЕС. Тем не менее все это время Европейский союз оставался крупнейшим экономическим и инвестиционным партнером России.

Ситуация начала резко меняться после 24 февраля 2022 года, когда началась специальная военная операция России на Украине. Страны Запада начали оказывать на Россию беспрецедентное санкционное давление. И здесь инициаторами выступили США. Однако ЕС вновь поддержал американские инициативы и начал проводить собственную санкционную политику. В феврале–апреле 2022 года Европейский союз принял в отношении России пять пакетов санкций: первый (23 февраля 2022 г.), второй (25 февраля 2022 г.), третий (28 февраля — 10 марта 2022 г.), четвертый (15 марта 2022 г.) и пятый (8 апреля 2022 г.). Прежде всего Европейский союз расширил персональные санкции против физических и юридических лиц. Речь идет о запрете на въезд на территорию ЕС и заморозке активов (постановления № 2022/259, 2022/260, 2022/261 как поправки к регламенту 269/2014).

Активы физических и юридических лиц, не включенных в санкционный список ЕС, но принадлежащих или контролируемых включенными в него лицами или организациями, также должны быть заморожены. Кроме того, запрещено предоставлять средства или экономические ресурсы, в том числе криптоактивы, в распоряжение включенным в список физическим и юридическим лицам, а также организациям, принадлежащим или иным образом контролируемым включенным в список физическим или юридическим лицам. По состоянию на 8 апреля 2022 года санкционный список ЕС включал 1091 физическое и 80 юридических лиц. В число этих организаций вошли компании, работавшие, в частности, в энергетическом,

оборонном, судостроительном и транспортном секторах, а также следующие российские банки: Российский национальный коммерческий банк (РНКБ), банк «Россия», Промсвязьбанк, Внешэкономбанк (ВЭБ), банк «Открытие», Новикомбанк, Совкомбанк, Банк ВТБ. Помимо персональных и секторальных санкций первые пять пакетов санкционных мер включали также финансовые санкции и торговые санкции, которые рассматриваются ниже.

Финансовые санкции

— *Ограничения на ведение дел с некоторыми российскими государственными предприятиями.* С 16 марта 2022 года запрещено прямое или косвенное участие в каких-либо сделках с физическим или юридическим лицом, созданным в России, которое контролируется или принадлежит России, российскому правительству или Центральному банку России¹. Был предусмотрен переходный период до 15 мая 2022 года, в течение которого лицам из ЕС было разрешено исполнять контракты, заключенные до 16 марта 2022 года, и вспомогательные договоры, необходимые для исполнения вышеупомянутых контрактов.

Запрет не распространяется на: а) операции, строго необходимые для импорта, или транспортировку природного газа и нефти, включая продукты переработки нефти, а также титана, алюминия, меди, никеля, палладия и железной руды из России в страны ЕС, страны — члены Европейской экономической зоны (ЕЭЗ), Швейцарию или Западные Балканы; б) сделки, связанные с энергетическими проектами за пределами России, в которых организация, указанная в приложении XIX к (измененному) Регламенту 833/2014, является миноритарным акционером; в) сделки по покупке, импорту или транспортировке в ЕС угля и других твердых ископаемых видов топлива, перечисленных в приложении XXII (с поправками) к Регламенту 833/2014, до 10 августа 2022 года.

— *Отключение от системы SWIFT.* С 12 марта 2022 года ЕС запретил предоставлять специализированные услуги обмена финансовыми сообщениями нескольким российским банкам, перечисленным в приложении XIV к (измененному) Регламенту 833/2014. Таким образом, ЕС фактически исключил эти банки из системы межбанковских сообщений, управляемой базирующимся в Бельгии Обществом всемирной межбанковской финансовой телекоммуникации (SWIFT).

¹ Приложение XIX к (измененному) Регламенту 833/2014.

Этот запрет не позволяет банкам, включенным в список, передавать платежные инструкции другим членам SWIFT по всему миру.

— *Ограничения на операции с российским суверенным долгом, резервами и активами.* Запрещено предоставление кредитов и займов, а также покупка, продажа или торговля переводными ценными бумагами и облигациями, выпущенными Правительством РФ, Центральным банком России или любой организацией, действующей от имени или по указанию Центрального банка России, включая российский Фонд национального благосостояния.

Лицам из ЕС также запрещено совершать любые сделки, связанные с управлением резервами и активами Центрального банка России, с любым физическим или юридическим лицом, действующим от имени или по указанию Центрального банка России. Власти государств — членов ЕС могут санкционировать эти операции только в том случае, если они необходимы для поддержания финансовой стабильности в ЕС или отдельном государстве, входящем в ЕС.

— *Ограничения на операции с российским корпоративным долгом и ценными бумагами.* Лицам из ЕС запрещено покупать, продавать, предоставлять инвестиционные услуги или помогать в выпуске или иным образом иметь дело с переводными ценными бумагами, включая криптоактивы, и инструменты денежного рынка, выпущенные такими организациями, как: а) государственные российские финансовые учреждения; б) крупные оборонные компании; в) государственные нефтяные компании; г) крупные государственные кредитные учреждения; д) другие государственные и контролируемые государством предприятия¹.

С 26 февраля 2022 года всем вышеупомянутым организациям не могут предоставляться какие-либо займы и кредиты, в том числе в форме криптоактивов. Исключения затрагивают финансирование торговли незапрещенными товарами, а также изъятия и выплаты, произведенные по контрактам, заключенным до 26 февраля 2022 года. С 12 апреля 2022 года запрещено проводить операции со всеми ценными бумагами вышеупомянутых организаций.

— *Ограничения на инвестиции в российский энергетический сектор.* С 16 марта 2022 года запрещено приобретать новые доли участия или расширять существующие доли участия в капитале любого юридического лица, работающего в энергетическом секторе России независимо от места регистрации этого юридического лица. Понятие

¹ Приложения III, V, VI, XII, XIII к (измененному) Регламенту 833/2014.

«энергетический сектор» охватывает: а) разведку, добычу, распределение на территории России или добычу сырой нефти, природного газа или твердого ископаемого топлива, переработку топлива, сжижение природного газа или регазификацию; б) производство или распространение в России продуктов переработки твердого ископаемого топлива, нефтепродуктов или газа; в) строительство объектов, установку оборудования или предоставление услуг и технологии для деятельности, связанной с выработкой электроэнергии за исключением гражданской ядерной сферы.

Запрещается предоставлять какие-либо новые займы (в том числе акционерный капитал) юридическим лицам, работающим в российском энергетическом секторе. Кроме того, лицам из ЕС запрещено создавать новые совместные предприятия с юридическими лицами, работающими в российском энергетическом секторе. Предоставление соответствующих инвестиционных услуг также запрещено. Власти государств — членов ЕС могут санкционировать запрещенную транзакцию, если это будет признано необходимым для обеспечения критически важных поставок энергии внутри ЕС. Разрешение также может быть выдано, если инвестиции касаются исключительно юридического лица, действующего в энергетическом секторе России, но учрежденного и зарегистрированного в соответствии с законодательством государства, входящего в ЕС.

— *Ограничения на прием депозитов и предоставление кошельков и счетов с криптоактивами.* Запрещено принимать депозиты на сумму более 100 тыс. евро от российских юридических и физических лиц, зарегистрированных в России или постоянно проживающих на территории России, за исключением граждан ЕС, ЕЭЗ и Швейцарии. Также запрещено предоставлять российским физическим или юридическим лицам услуги кошелька, счета или хранения криптоактивов стоимостью более 10 тыс. евро, за исключением граждан ЕС, ЕЭЗ и Швейцарии.

Исключение применяется для приема депозитов и предоставления услуг кошелька, счета или хранения, если они предназначены для поставки незапрещенных товаров и услуг. Кроме того, власти государств — членов ЕС могут разрешать (по запросу) депозиты и криптоактивы, предназначенные для ограниченного числа законных целей. Также запрещено продавать российским физическим и юридическим лицам ценные бумаги, номинированные в евро, если они выпущены после 12 апреля 2022 года.

— *Ограничения на трасты, созданные российскими физическими и юридическими лицами или приносящие им пользу.* Также запрещается регистрировать, предоставлять зарегистрированный офис, служебный или административный адрес, а также услуги по управлению трастом или любому аналогичному юридическому соглашению, в рамках которого в качестве доверителей или бенефициаров выступают: а) граждане России или физические лица, проживающие в России; б) юридические лица, созданные в России; в) юридические лица, права собственности на которых прямо или косвенно принадлежат более чем на 50 %¹ физическим или юридическим лицам, упомянутым в п. а и б; г) юридические лица, контролируемые физическими или юридическими лицами, упомянутыми в п. а–в; д) физическое или юридическое лицо, действующие от имени или по указанию физических или юридических лиц, упомянутых в п. а–в.

Был предусмотрен переходный режим, позволяющий исполнять контракты, заключенные до 9 апреля 2022 года, и вспомогательные договоры, необходимые для исполнения этих контрактов до 10 мая 2022 года. После этого лицам из ЕС было запрещено выступать в качестве доверенного лица, номинального акционера, директора или секретаря или же занимать аналогичную должность в трасте, созданном российскими физическими или юридическими лицами или приносящим им пользу, а также юридическими и физическими лицами, принадлежащими, контролируемыми или действующими от их имени. Исключения применяются к трастам, доверителем или бенефициаром которых является гражданин государства, входящего в ЕС, или физическое лицо, имеющее временный или постоянный вид на жительство в государстве — члене ЕС.

— *Ограничения в отношении депозитариев ценных бумаг и систем кредитных рейтингов.* С 12 апреля 2022 года центральные депозитарии ценных бумаг не могут предоставлять финансовые услуги физическим и юридическим лицам, проживающим или учрежденным в России, за исключением граждан ЕС. Кроме того, с 15 апреля 2022 года запрещено предоставлять услуги по оценке кредитоспособности, а также доступ к любым услугам подписки, связанным с деятельностью по оценке кредитоспособности, любому

¹ Guide to the EU Sanctions against Russia // Van Bael and Bellis. 2022. 12 Apr. URL: https://www.vbb.com/media/Insights_News/Guide_to_the_EU_sanctions_against_Russia_12.04.pdf ; Guidance Note: EU trade sanctions in response to situation in Ukraine // Department of Enterprise, Trade and Employment. URL: <https://enterprise.gov.ie/en/publications/publication-files/guidance-note-eu-trade-sanctions-in-response-to-russia%E2%80%99s-aggression-against-ukraine.pdf>.

физическому или юридическому лицу, проживающему или учрежденному в России.

— *Ограничения на внесение взносов в фонды.* Лицам из ЕС запрещено инвестировать, участвовать или иным образом вносить вклад в проекты, совместно финансируемые Российским фондом прямых инвестиций, Фондом национального благосостояния России. Тем не менее государства могут разрешать инвестиции по контрактам, заключенным до 2 марта 2022 года.

— *Ограничения на государственную поддержку инвестиций и торговли с Россией.* За исключением случаев, когда обязательные финансовые соглашения были заключены до 26 февраля 2022 года, лицам из стран ЕС запрещено предоставлять государственное финансирование или финансовую помощь для торговли с Россией или инвестиций в российскую экономику. Запрет не распространяется на государственное финансирование или финансовую помощь для торговли продуктами питания, а также для сельскохозяйственных, медицинских или гуманитарных целей. Это также не относится к государственному финансированию или финансовой помощи, оказываемой малым и средним предприятиям, созданным в ЕС, при условии, что сумма финансирования не превышает общую стоимость 10 млн евро за один проект.

— *Исключение из системы государственных закупок ЕС.* С 10 октября 2022 года российские граждане и юридические лица, а также организации, прямо или косвенно принадлежащие российским гражданам или юридическим лицам, исключены из государственных закупок ЕС. Ограничение распространяется, в частности, и на тот случай, когда на долю субподрядчиков приходится более 10 % от стоимости контракта. Вводится запрет на заключение новых государственных или концессионных контрактов с российскими физическими и юридическими лицами, а также выполнение текущих контрактов.

Предусмотрен переходный режим, позволяющий выполнять государственные или концессионные контракты, заключенные соответственно до 9 апреля и 10 октября 2022 года. Власти государств — членов ЕС тем не менее могут санкционировать контракты, предназначенные для поддержания и эксплуатации ядерного потенциала, межправительственного сотрудничества в космических программах, предоставления не имеющих альтернатив строго необходимых товаров или услуг в достаточных количествах, а также для выполнения определенных дипломатических и консульских функций. Исключения также возможны для импорта или транспортиров-

ки из России в ЕС природного газа и нефти, а также титана, алюминия, меди, никеля, палладия и железной руды.

— *Исключение из государственного финансирования и финансовой помощи.* Запрещается оказывать прямую или косвенную поддержку, включая финансирование и финансовую помощь или любые другие льготы в рамках национальных программ и контрактов ЕС любому юридическому лицу, созданному в России, с более чем 50 % государственной собственности или общественного контроля. По данным комиссии, этот запрет затрагивает финансирование, предоставляемое в рамках программ Horizon 2020, Horizon Europe, Euratom и Erasmus+.

Запрет не распространяется на финансирование и финансовую помощь, предназначенные для гуманитарных целей и предотвращения стихийных бедствий, фитосанитарных и ветеринарных программ, межправительственного сотрудничества в космических программах и в рамках Международного термоядерного соглашения об экспериментальном реакторе, гражданской ядерной деятельности, климатических и экологических программ и дипломатических целей.

Торговые санкции

Помимо финансовых санкций, Европейский союз ввел и торговые санкции. Прежде всего речь идет об ограничениях на импорт черной металлургии, твердого ископаемого топлива и товаров, приносящих значительный доход российской экономике. Субъектам из ЕС запрещено прямо или косвенно импортировать или транспортировать некоторые категории товаров, а также предоставлять соответствующую техническую помощь, брокерские услуги, финансовую помощь, а также услуги по страхованию и перестрахованию. Под санкции попадают следующие категории товаров.

— *Изделия из чугуна и стали.* Перечень изделий приведен в приложении XVII к (измененному) Регламенту 833/2014. Этот запрет действует с 16 марта 2022 года. Европейская комиссия перераспределила квоты на импорт, первоначально выделенные России, в другие третьи страны (см. Постановление 434/2022). Переходный период был предусмотрен до 17 июня 2022 года. До срока разрешено выполнять контракты, заключенные до 16 марта 2022 года, и вспомогательные договоры, необходимые для выполнения этих контрактов.

— *Цемент, древесина, шины, некоторые механизмы, икра и водка.* Эти товары входят в категорию товаров, приносящих значительные доходы российской экономике. Они включены в перечень, содержащийся в приложении XXI к (измененному) Регламенту 833/2014. Импорт и транспортировка этих товаров из России запрещены с 10 июля 2022 года. До этого момента был предусмотрен переходный период, в течение которого можно было выполнять условия контрактов, заключенных до 9 апреля 2022 года, и вспомогательных договоров, необходимых для выполнения этих контрактов.

— *Уголь и другие твердые виды ископаемого топлива.* Соответствующий перечень товаров указан в приложении XXII к (измененному) Регламенту 833/2014. С 16 марта 2022 года импорт из России запрещен.

Был предусмотрен переходный период до 10 августа 2022 года, когда разрешалось исполнение контрактов, заключенных до 9 апреля 2022 года, и вспомогательных договоров, необходимых для выполнения этих контрактов.

— *Товары для разведки и добычи нефти (включая трубопроводы, используемые для нефте- или газопроводов), перечисленные в приложении II к (измененному) Регламенту 833/2014.* Запрет не распространяется на товары, необходимые для транспортировки ископаемого топлива из России в ЕС, а также на товары, необходимые для предотвращения или смягчения последствий событий, которые могут оказать серьезное воздействие на здоровье человека или окружающую среду. Государства — члены ЕС могут разрешить продажу, поставку, передачу или экспорт товаров, перечисленных в приложении II к (измененному) Регламенту 833/2014, необходимых для обеспечения критически важных поставок энергии в пределах ЕС или исключительно в интересах организаций, зарегистрированных или учрежденных в соответствии с законодательством государств, входящих в ЕС.

Субъекты из ЕС могут исполнять контракты, заключенные до 16 марта 2022 года, и договоры, необходимые для исполнения этих контрактов, до 17 сентября 2022 года, при условии, что представитель ЕС информирует власти государств — членов ЕС не менее чем за пять рабочих дней.

— *Товары и технологии, используемые для переработки нефти и сжижения природного газа, перечисленные в приложении X к (измененному) Регламенту 833/2014, а также соответствующая техническая и финансовая помощь и брокерские услуги.* Власти госу-

дарств, входящих в ЕС, могут разрешать продажу, поставку, передачу или экспорт товаров, перечисленных в приложении X к (измененному) Регламенту 833/2014, а также предоставлять соответствующие услуги, если это необходимо для предотвращения стихийных бедствий. Субъекты из ЕС могли до 27 мая 2022 года исполнять контракты, заключенные до 26 февраля 2022 года, и вспомогательные договоры, необходимые для выполнения этих контрактов.

— *Аэрокосмические товары, перечисленные в приложении XI, и реактивное топливо и присадки к топливу, перечисленные в приложении XX к (измененному) Регламенту 833/2014, включая соответствующую техническую помощь, финансовые или брокерские услуги.* Пункт о прекращении действия договора. Лица из ЕС могли исполнять до 28 марта 2022 года контракты, заключенные до 26 февраля 2022 года, и вспомогательные договоры, необходимые для исполнения этих контрактов.

— *Товары и технологии для морского судоходства, перечисленные в приложении XVI к (измененному) Регламенту 833/2014, включая соответствующую техническую помощь и финансовые или брокерские услуги.* Запрет не распространяется на товары, перечисленные в приложении XVI к (измененному) Регламенту 833/2014 и связанные с ним услуги для невоенного использования и для невоенного конечного пользователя, предназначенные для гуманитарных целей, чрезвычайных ситуаций в области здравоохранения, срочного предотвращения или смягчения последствий события, способного оказать серьезное и значительное воздействие на здоровье и безопасность людей или окружающую среду, а также для предотвращения стихийных бедствий¹.

Власти государств — членов ЕС могут разрешать продажу, поставку, передачу или экспорт товаров, перечисленных в приложении XVI к (измененному) Регламенту 833/2014, и предоставлять соответствующие услуги, если они предназначены для обеспечения безопасности на море.

— *Предметы роскоши, перечисленные в приложении XVIII к (измененному) Регламенту 833/2014, при условии, что стоимость товаров превышает 300 евро за единицу, если в приложении XVIII не указан иной порог.* Запрет не распространяется на товары, необходимые для официальных целей дипломатических представительств и международных организаций, пользующихся иммунитетом в соответствии

¹ Guide to the EU Sanctions against Russia ; Guidance Note: EU trade sanctions in response to situation in Ukraine.

с международным правом. Власти государств — членов ЕС могут разрешить продажу транспортных средств для перевозки лиц, перечисленных в приложении XVIII к (измененному) Регламенту 833/2014, стоимостью более 50 тыс. евро, а также соответствующих аксессуаров и запасных частей, если товары предоставляются в гуманитарных целях.

Помимо вышеперечисленных товаров, торговые санкции ЕС распространяются и на некоторые другие товарные категории. В частности, страны ЕС стремятся ослабить стратегические сектора российской экономики. Экспортные ограничения затрагивают товары двойного назначения и связанные с нефтью, аэрокосмической промышленностью, морской навигацией и предметами роскоши.

Субъектам ЕС запрещается экспортировать в Россию товары двойного назначения, программное обеспечение или технологии, перечисленные в приложении I к Регламенту 821/2021 (Регламент двойного назначения), а также технологические товары, перечисленные в приложении VII к (измененному) Регламенту 833/2014. Также запрещены техническая помощь, брокерские и финансовые услуги, связанные с данными категориями товаров.

Запрет не распространяется на товары, предназначенные для использования в гуманитарных или медицинских целях, при условии, что экспортер уведомит об использовании этого исключения органы власти государств — членов ЕС в течение 30 дней с момента совершения сделки. Власти государств — членов ЕС могут разрешить экспорт соответствующих предметов, если они используются для ограниченного списка законных целей или подлежат оплате по контрактам, заключенным до 26 февраля 2022 года. Разрешение не может быть выдано, если предметы предназначены для военного использования, авиационной или космической промышленности или конечного использования субъектами, указанными в приложении IV к (измененному) Регламенту 833/2014.

Кроме того, с 10 июля 2022 года субъектам ЕС запрещается экспортировать товары, которые могут способствовать укреплению промышленного потенциала России и перечислены в приложении XXIII к (измененному) Регламенту 833/2014, в том числе пековый кокс, вазелин, ацетон и метионин, любому физическому или юридическому лицу, организации или учреждению в России для использования в России, а также предоставлять техническую помощь, брокерские и финансовые услуги, связанные с этими товарами.

Запрет не распространяется на товары, необходимые для официальных целей дипломатических или консульских представительств государств-членов или стран-партнеров в России или международных организаций, пользующихся иммунитетом в соответствии с международным правом, или на личные вещи сотрудников данных организаций¹. Власти государств — членов ЕС могут разрешить экспорт товаров и технологий, перечисленных в приложении XXIII к (измененному) Регламенту 833/2014, при условии, что товары или технологии или предоставление соответствующей технической или финансовой помощи необходимы для гуманитарных целей. Лица из ЕС могли до 10 июля 2022 года исполнять контракты, заключенные до 9 апреля 2022 года, и вспомогательные договоры, необходимые для выполнения этих контрактов.

Прочие санкции

Помимо финансовых и торговых санкций, Европейский союз ввел по отношению к России и некоторые другие санкции. Речь идет о следующих ограничениях.

— *Ограничения на обмен банкнот, деноминированных в евро.* Субъектам ЕС запрещено продавать, поставлять, переводить или экспортировать в Россию банкноты, номинированные в любой официальной валюте государств — членов ЕС. Ограничения затрагивают российских физических и юридических лиц, в том числе Правительство и Центральный банк России. Исключения применяются для личного пользования и дипломатических миссий.

— *Ограничения на сделки с субъектами на территории Крыма, Донецкой и Луганской областей.* Субъектам из ЕС запрещено ввозить товары, произведенные на территории Крыма, Донецкой и Луганской областей. Кроме того, этим регионам запрещено предоставлять туристические услуги, а также осуществлять инвестиции в эти регионы и экспортировать товары и технологии для использования в телекоммуникационном, транспортном, нефтегазовом и минеральном секторах. Также запрещено оказание технической помощи, посредничества, строительных и инженерных услуг в Донецкой и Луганской областях, если речь идет о вышеупомянутых отраслях.

— *Ограничения на использование воздушного, автомобильного и морского транспорта.* ЕС закрыл свое воздушное пространство

¹ Guide to the EU Sanctions against Russia ; Guidance Note: EU trade sanctions in response to situation in Ukraine.

для любых воздушных судов, эксплуатируемых российскими авиаперевозчиками, зарегистрированных в России, а также воздушных судов, принадлежащих российским юридическим и физическим лицам. С 16 апреля 2022 года любому автотранспортному предприятию, созданному в России, запрещено перевозить товары автомобильным транспортом по территории ЕС, включая транзитные товары. Автотранспортное предприятие означает любое физическое или юридическое лицо, занимающееся с коммерческой целью перевозкой грузов с помощью автотранспортных средств.

Запрет не распространяется на предприятия автомобильного транспорта, перевозящие почту в качестве универсальной услуги, а также на товары, находящиеся транзитом через ЕС между Калининградской областью и Россией, если перевозка этих товаров иным образом не запрещена в соответствии с (измененным) Регламентом 833/2014. Власти государств — членов ЕС могут разрешить перевозку грузовым автотранспортным предприятиям, созданным в России, если это необходимо для импорта или транспортировки следующих товаров: а) природного газа и нефти, включая нефтепродукты, а также титана, алюминия, меди, никеля, палладия и железной руды; б) фармацевтических медицинских, сельскохозяйственных и пищевых продуктов, включая пшеницу и удобрения, импорт и транспортировка которых разрешены в соответствии с (измененным) Регламентом 833/2014; в) операций, осуществляемых в гуманитарных и дипломатических целях; г) культурных ценностей, которые предоставляются взаимы в контексте официального культурного сотрудничества с Россией¹.

До 16 апреля 2022 года автомобильные перевозки грузов российским автомобильным транспортом были разрешены, если товар уже находился на территории ЕС 9 апреля 2022 года или товары уже пересекли территорию ЕС транзитом при возвращении в Россию. С 16 апреля 2022 года запрещено предоставлять доступ в порты на территории ЕС любому судну, зарегистрированному под флагом России, и любому российскому судну, которое сменило свой флаг или регистрацию на любое другое государство после 24 февраля 2022 года. Речь идет о следующих видах судов: а) суда, подпадающие под действие соответствующих международных конвенций; б) яхты длиной не менее 15 метров, которые не несут грузы и вмеща-

¹ Guide to the EU Sanctions against Russia ; Guidance Note: EU trade sanctions in response to situation in Ukraine.

ют максимум 12 пассажиров; в) прогулочные суда или личные плавсредства, определенные Директивой 2013/53/EU.

Запрет не применяется в случае, если судну требуется помощь в поиске убежища, при экстренном заходе в порт в связи с опасностью на море или для спасения жизни на море. Власти государств — членов ЕС могут разрешить российскому судну заход в порт, если это необходимо: а) для импорта или транспортировки в ЕС природного газа и нефти, включая нефтепродукты, титан, алюминий, медь, никель, палладий и железную руду, а также некоторые химические изделия из железа, перечисленные в приложении XXIV к (измененному) Регламенту 833/2014; б) для импорта или транспортировки фармацевтических, медицинских, сельскохозяйственных и пищевых продуктов, включая пшеницу и удобрения, импорт и транспортировка которых разрешены в соответствии с (измененным) Регламентом 833/2014; в) для гуманитарных целей; г) для перевозки ядерного топлива и других товаров, строго необходимых для функционирования гражданского ядерного потенциала; д) для импорта или транспортировки в ЕС до 10 августа 2022 года угля и других твердых ископаемых видов топлива, перечисленных в приложении XXII к (измененному) Регламенту 833/2014.

— *Визовые ограничения и ограничения для СМИ.* ЕС приостановил облегченный доступ к визам ЕС в соответствии с Соглашением 2007 года между Европейским сообществом и Российской Федерацией об упрощении выдачи краткосрочных виз для российских правительственных чиновников и бизнесменов. Кроме того, лицам из ЕС запрещено транслировать или содействовать трансляции контента российских СМИ, перечисленных в приложении XV к (измененному) Регламенту 833/2014.

После принятия первых пяти пакетов санкций Европейский союз продолжил санкционное давление на Россию в 2022 году: 3 июня был принят шестой пакет санкций, 25 июля — седьмой, 6 октября — восьмой.

Шестой пакет содержит полный запрет на импорт всей российской морской сырой нефти и нефтепродуктов. Это покрывает 90 % текущего импорта нефти из России. Запрет подлежит определенному переходному периоду, чтобы позволить сектору и мировым рынкам адаптироваться, и временному освобождению для трубопроводной сырой нефти, чтобы гарантировать, что российская нефть будет поэтапно выведена из эксплуатации упорядоченным образом. Это позволит ЕС и его партнерам обеспечить альтернативные поставки

и минимизирует влияние на мировые цены на нефть. Что касается экспортных ограничений, то шестой пакет включает ограничения на химические вещества, которые могут быть использованы при производстве химического оружия.

Таким образом, вводятся следующие ограничения.

— *Ограничения на импорт нефти.* В 2021 году ЕС импортировал из России сырой нефти на сумму 48 млрд евро и нефтепродуктов на сумму 23 млрд евро. На основе совместного предложения Высокого представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности и Европейской комиссии государства — члены ЕС приняли решение ввести эмбарго на импорт этой продукции. Эти санкции вступили в силу немедленно с момента принятия пакета и постепенно ведут к прекращению импорта из России в ЕС упорядоченным образом. Для морской сырой нефти сделки на спотовом рынке и исполнение существующих контрактов были разрешены в течение шести месяцев после вступления в силу шестого пакета санкций, в то время как для нефтепродуктов они разрешены в течение восьми месяцев после вступления в силу данного пакета. Государства — члены ЕС, которые имеют непосредственную зависимость от трубопровода из России, могут продолжать получать сырую нефть, поставляемую по трубопроводу, до тех пор, пока Европейский совет не примет иного решения. Однако в этом случае государства-члены не смогут перепродавать такую сырую нефть и нефтепродукты другим государствам-членам или третьим странам.

В связи со специфическим географическим положением было согласовано специальное исключение до конца 2024 года для Болгарии, которая сможет продолжать импортировать сырую нефть и нефтепродукты морским транспортом¹. Кроме того, Хорватия сможет осуществлять до конца 2023 года импорт российского вакуумного газойля, необходимого для функционирования НПЗ.

— *Ограничения на услуги по транспортировке нефти.* Через шесть месяцев после принятия пакета операторам ЕС было запрещено страховать и финансировать транспортировку нефти в третьи страны, в частности по морским маршрутам. Данная мера направлена на затруднение для России продолжения экспорта своей сырой нефти и нефтепродуктов в остальной мир, поскольку операторы ЕС являются важными поставщиками таких услуг.

¹ Guide to the EU Sanctions against Russia ; Guidance Note: EU trade sanctions in response to situation in Ukraine.

— *Ограничения на меры по оказанию финансовых и деловых услуг.* Еще три российских банка, в том числе крупнейший отечественный банк Сбербанк, и еще один белорусский банк отключены от системы SWIFT.

Меры в отношении трастов были уточнены и соответствующие исключения были установлены в пересмотренном варианте (например, для гуманитарных целей или гражданского общества). Также запрещается предоставление определенных связанных с бизнесом услуг, таких как бухгалтерский учет, аудит, обязательный аудит, бухгалтерский и налоговый консалтинг, бизнес- и управленческий консалтинг, а также услуги по связям с общественностью для российского правительства, а также юридических лиц, созданных в России.

— *Приостановка вещания.* Приостановлена вещательная деятельность еще трех российских государственных СМИ: «Россия РТР/РТР Планета», «Россия 24» и «ТВ Центр International». Несколько регулирующих органов в государствах — членах ЕС уже приняли меры против этих контролируемых Российским государством вещателей и каналов. Теперь им запрещено распространять свой контент по всему ЕС в любой форме (по кабелю, через спутник, в Интернете или через приложения для смартфонов). Также запрещена реклама товаров или услуг в санкционированных торговых точках.

— *Экспортные ограничения.* Шестой пакет содержит дополнительные экспортные ограничения. Список предметов передовых технологий, запрещенных к экспорту в Россию, был расширен за счет включения дополнительных химических веществ, которые могут быть использованы в процессе производства химического оружия, уже контролируемого с 2013 года для других направлений, таких как Сирия.

Кроме того, принятый пакет еще больше расширяет перечень физических и юридических лиц, связанных с оборонно-промышленным комплексом России. Речь идет о физических и юридических лицах, которые участвуют в таких секторах, как электроника, связь, оружие, верфи, инженерные и научные исследования.

Помимо введенных санкций Европейская комиссия отметила наличие неотложной задачи — снизить зависимость ЕС от импорта энергоносителей из России. Определенным шагом в данном направлении явилось принятие 18 мая 2022 года плана REPowerEU.

Седьмой пакт санкций был нацелен на операции с золотом, деятельностью Сбербанка и дополнениями к ранее введенным санк-

циям. С 21 июля 2022 года ЕС ввел дополнительные ограничения на замораживание активов в отношении ряда физических и юридических лиц. В частности, ЕС включил в санкционный список 58 новых физических лиц и 11 новых организаций, в том числе Сбербанк.

В соответствии с мерами по замораживанию активов ЕС все средства и экономические ресурсы, прямо или косвенно принадлежащие или контролируемые включенными в перечень физическими и юридическими лицами, должны быть заморожены. До 22 августа 2023 года останавливаются операции Сбербанка, в том числе корреспондентские банковские отношения, заключенные с ним до 21 июля 2022 года. К 31 октября 2022 была завершена текущая продажа или передача прав собственности, прямо или косвенно принадлежащей Сбербанку, субъектам ЕС. Также к 31 октября произошла передача активов, прямо или косвенно принадлежащих субъектам ЕС. Здесь предусмотрен переходный период — шесть месяцев с момента вступления в силу данного постановления. Крайний срок — 9 октября 2022 года.

ЕС запретил прямой или косвенный импорт золота и золотых ювелирных изделий, а также связанных с ними услуг (за исключением ювелирных изделий, указанных в приложении XXVII) после 22 июля 2022 года. С этого дня значительно расширен перечень высокотехнологичных товаров (и связанных с ними программного обеспечения и технологий), на которые распространяется запрет на прямые и косвенные передачи или экспорт для использования в России (и предоставление сопутствующих услуг), установленный ст. 2а (измененного) Регламента 833/2014. Элементы, добавленные к приложению VII к правилам, включают некоторые предметы горнодобывающей промышленности или связанные с нефтью и газом предметы, наноматериалы, подшипники, кольцевые магниты, клапаны, сосуды, химические агенты, волокнистые материалы, полимеры, станки и измерительное оборудование.

ЕС внес изменения в перечень предметов, обычно используемых при переработке нефти и сжигании природного газа, для которых запрещены прямые и косвенные передача или экспорт для использования в России. Хотя некоторые коды таможенной классификации были удалены (что, по-видимому, сужает сферу действия ограничений), добавлен пункт «Градири и аналогичные установки для прямого охлаждения (без разделительной стенки) с помощью рециркулированной воды, предназначенной для использования с технологией, перечисленной в настоящем приложении».

Запрет на предоставление российским судам доступа в порты ЕС после 29 июля 2022 года распространяется и на морские шлюзы на территории ЕС. Кроме того, органы государств — членов ЕС могут теперь также разрешать доступ к портам и шлюзам ЕС для судов, которые отказались от российского флага или зарегистрировались в любом другом государстве до 16 апреля 2022 года, при условии, что российский флаг или регистрация были необходимы по контракту, и доступ нужен для разгрузки незапрещенных товаров, строго необходимых для завершения проектов в области возобновляемых источников энергии в ЕС.

В приложении XXIII сокращен перечень товаров, которые могли бы способствовать укреплению российского промышленного потенциала и на которые распространяется запрет на прямые или косвенные передачи или экспорт (и связанные с ними услуги) для использования в России. Примечательно, что код тарифа 8208 40 для ножей и режущих лезвий для сельскохозяйственных, садоводческих и лесных машин был полностью исключен, а некоторые позиции для механических приборов были заменены.

В дополнение к существующим исключениям, необходимым для гуманитарных целей, могут действовать и другие исключения в случае использования под полным контролем государств — членов ЕС для выполнения обязательств по техническому обслуживанию в соответствии с долгосрочными соглашениями об аренде между государствами — членами ЕС и Россией.

В настоящее время имеются дополнительные исключения в отношении запрета на прямые и косвенные операции с некоторыми российскими государственными предприятиями (ГП). Кроме того, разрешены сделки, если это необходимо для прямого или косвенного импорта или транспортировки фармацевтической, медицинской, сельскохозяйственной и пищевой продукции, включая пшеницу и удобрения, а также для обеспечения доступа к судебным, административным или арбитражным разбирательствам. Теперь также можно запросить разрешение на операции, необходимые для импорта природного газа, титана, алюминия, меди, никеля, палладия и железной руды из России или через Россию не только в ЕС, но и в страны Европейской экономической зоны, Швейцарию или Западные Балканы. Крайний срок для закрытия совместных предприятий и аналогичных соглашений с зарегистрированными на бирже государственными предприятиями был продлен с начала сентября до 31 декабря 2022 года.

Запрет на прием вкладов на сумму свыше 100 тыс. евро от российских граждан или лиц, проживающих в России, а также от юридических лиц, учрежденных в России, теперь распространяется на депозиты юридических лиц, учрежденных в третьих странах, контрольный пакет которых принадлежит российским гражданам или физическим лицам, проживающим в России. Однако исключение применяется к депозитам, необходимым для обслуживания незапрещенной трансграничной торговли товарами и услугами между ЕС и Россией.

В соответствии с седьмым пакетом санкций все субъекты, попадающие под юрисдикцию ЕС, должны незамедлительно сообщать компетентным национальным органам и Европейской комиссии информацию о счетах и активах, находящихся под юрисдикцией ЕС, принадлежащих или находящихся под их контролем независимо от того, были ли они заморожены или нет. Дополнительные положения требуют обмена информацией между национальными компетентными органами и Европейской комиссией.

Субъекты ЕС, замораживающие активы, также до 1 сентября 2022 года (или через шесть недель с момента их включения в перечень) обязаны были сообщать о любых средствах и экономических ресурсах, принадлежащих им, находящихся в их владении, а также удерживаемых или контролируемых ими, компетентному органу государства — члена ЕС, в котором находятся активы. Невыполнение этого требования считается обходом санкций ЕС, что запрещено.

Восьмой пакет санкций содержит расширенные ограничения на импорт и экспорт, ограничения цен на транспортировку российской морской нефти в ЕС, расширение ограничений в отношении неподконтрольных правительству Украины украинских регионов, запрет на предоставление определенных услуг российским гражданам, а также санкции в отношении Российского морского регистра судоходства. Речь идет о следующих ограничениях.

— *Экспортные ограничения.* Меры ЕС направлены на ухудшение оборонного потенциала России путем расширения категории товаров, подпадающих под экспортные ограничения, включая дополнительные менее чувствительные промышленные и технологические товары. В приложение XXIII были добавлены следующие категории товаров, на которые распространяются экспортные ограничения ЕС: а) изделия, поддерживающие российскую промышленность, в том числе кокс и полукокс угля; б) электрические компоненты, используемые при изготовлении российского оружия; в) технические изделия, используемые в авиационном секторе России; г) некоторые химиче-

ские вещества; д) некоторые виды стрелкового оружия и его основных компонентов.

— *Ограничения на импорт.* ЕС расширил запреты на импорт российских товаров, включив в них ряд новых предметов: готовые изделия и полуфабрикаты из стали (с учетом переходного периода для отдельных видов продукции), машины и приборы, пластмассы, транспортные средства, текстиль, обувь, кожа, керамика, некоторые химические продукты, ювелирные изделия без золота.

— *Ограничение цен на российскую нефть.* В дополнение к запрету ЕС на импорт российской нефти новые санкционные меры направлены на дальнейшее сокращение российских энергетических доходов путем введения начальных этапов ценового ограничения на российскую нефть для третьих стран. Механизм установления цен будет функционировать в качестве исключения из запрета на предоставление третьим странам услуг по морским перевозкам сырой нефти и некоторых нефтепродуктов, которые закупаются по заранее установленной цене, согласованной коалицией государств.

Дата вступления в силу ценового потолка в отношении российской сырой нефти — 5 декабря 2022 года, в отношении продуктов переработки нефти — 5 февраля 2023 года.

— *Ограничения на сделки с субъектами из Херсонской и Запорожской областей.* Новые санкционные меры расширяют географический охват ограничений ЕС на сделки с неподконтрольными украинскому правительству территориями Украины, включая Херсонскую и Запорожскую области. Эти ограничения содержат широкий спектр деятельности, в том числе импорт из данных регионов в Европейский союз, инвестиции и приобретение недвижимости, а также предоставление туристических услуг.

— *Блокировка услуг.* Европейский союз ввел ограничения на прямое и косвенное предоставление нескольких видов услуг Правительству РФ и юридическим лицам, созданным в России. Речь идет о юридических консультативных услугах, информационно-технологических услугах, архитектурных и инженерных услугах.

Возможны исключения для услуг, предоставляемых для исключительного использования компаниями, принадлежащими или контролируруемыми государствами — членами ЕС, странами — членами Экономической зоны Европейского союза, Швейцарией или другими странами-партнерами, включая США. Для контрактов, заключенных до даты вступления в силу данного санкционного ограничения, запрет не будет распространяться на предоставление услуг, строго

необходимых для прекращения несоответствующих контрактов до 8 января 2023 года. ЕС также расширил запрет на услуги криптокошельков независимо от суммы кошелька, устранив предыдущий лимит в 10 тыс. евро.

— *Замораживание активов и ограничения для компаний, принадлежащих государству.* В восьмой пакет вошли ограничения по отношению к некоторым высокопоставленным государственным и военным чиновникам и нескольким компаниям российского оборонного сектора. Все средства и экономические ресурсы, принадлежащие обозначенным физическим и юридическим лицам, должны быть заморожены в соответствии с законодательством ЕС, а тем, кто подпадает под юрисдикцию ЕС, запрещено предоставлять средства прямо или косвенно обозначенным субъектам.

ЕС также расширил запрет на сделки с российскими государственными предприятиями (ГП), включив в него Российский морской регистр судоходства. Новые правила также запрещают гражданам ЕС занимать должности в руководящих органах попавших под санкции государственных предприятий, обозначенных в приложении XIX.

2.2. ВЛИЯНИЕ САНКЦИОННЫХ МЕР НА ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И ЕС

Санкционный режим в отношениях Европейского союза и России начался в 2014 году. С тех пор до 2022 года действующие санкции периодически продлевались, в некоторых случаях вводились новые. В то же время Евросоюз оставался важнейшим партнером России. Так, в 2021 году на долю стран ЕС приходилось 36 % российского торгового оборота. По сравнению с 2014 годом показатель снизился более чем на 13 %. Тогда доля ЕС в российском внешнеторговом обороте превышала 49 %. Помимо санкций определенную роль здесь сыграли общие структурные преобразования в мировой экономике. Так, Китай постепенно становился крупнейшей экономикой мира, и одновременно возрастали объемы его взаимной торговли с Россией. Определенное влияние санкционного режима здесь также нельзя исключать.

В табл. 1 и 2 представлены данные о взаимной торговле России со странами ЕС, а также с Великобританией, Норвегией и Швейцарией в 2014–2021 годах.

Таблица 1

Экспорт России в страны ЕС (млн долл. США)

Страна	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Страны ЕС								
Австрия	752	1163	1052	1887	3376	3517	1574	3228
Бельгия	9926	6366	6744	6802	9211	6722	5732	8672
Болгария	1462	1887	2315	2897	2943	2691	1974	2685
Венгрия	5181	3030	2650	3387	4801	4083	2648	3719
Германия	37 132	25 351	21 256	25 705	34 184	28 050	18 532	29 647
Греция	3672	2523	2665	3407	4056	3884	2466	4197
Дания	2902	1943	1400	2916	3891	3200	1706	2985
Ирландия	332	273	317	413	678	437	277	466
Испания	4579	2683	1951	2214	2361	2559	1674	3844
Италия	36 225	22 294	11 960	13 838	16 401	14 324	10 010	19322
Кипр	610	244	289	306	787	765	263,2	230,1
Нидерланды	68 040	40 848	29 215	35 577	43 440	44 789	24822	42 155
Польша	15 941	9664	9098	11 577	16 540	12 445	9462	16 723
Румыния	1461	1311	1233	1619	1824	1463	2050	3343
Словакия	5196	1760	1666	2007	2193	2162	3032	5101
Франция	7578	5711	4778	5829	7633	6369	4641	9839
Финляндия	11 380	9762	6535	8642	11 372	10 080	7106	9656
Чехия	5162	3260	2693	3964	4896	4861	2431	4017
Швеция	4794	2435	2224	1934	3141	2298	1044	1072
Ведущие страны Европы, не входящие в ЕС								
Великобритания	11 505	7472	6494	8688	9706	13 260	23 186	22 666
Норвегия	935	752	737	776	1141	2833	1088	1815
Швейцария	3667	2645	3110	3852	4776	3671	2910	2790

Источники: Россия в цифрах : крат. стат. сб. М. : Росстат, 2017; 2018; 2019; 2020; 2021.

Таблица 2

Импорт России из стран ЕС (млн долл. США)

Страна	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Страны ЕС								
Австрия	3438	2013	1836	2183	2414	2632	1873	2657
Бельгия	3576	2093	2269	2922	2471	2398	2157	2552
Болгария	655	486	481	550	525	577	521	570,5
Венгрия	2740	1715	1662	2091	2165	2274	2108	2268
Германия	32 975	20 441	19 455	24 232	25 513	25 112	23 418	27 348
Греция	496	229	213	240	277	258	223	299

Окончание табл. 2

Страна	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Дания	1605	875	831	926	1000	1169	1133	1251
Ирландия	1302	831	897	1120	1325	1616	1550	2101
Испания	4343	2824	2451	3128	3398	3320	3074	3505
Италия	12 729	8320	7840	10 102	10 581	10 899	10 213	12 032
Кипр	48,6	59,2	51,7	8,1	12,0	21,9	16,1	42,1
Нидерланды	5294	3096	3022	3894	3694	3978	2482	4284
Польша	7081	4097	3960	4908	5142	5080	4862	5806
Румыния	2210	1311	1233	1619	1824	1463	1293	1590
Словакия	2864	1760	1666	2007	2193	2162	1669	1950
Франция	10 630	5969	8489	9630	9558	8562	8091	12 204
Финляндия	4571	2671	2483	3785	3383	3484	2897	3566
Чехия	4898	2846	2766	3422	3775	3699	3678	3622
Швеция	3239	1853	1669	2110	2222	2235	1927	2491
Ведущие страны Европы, не входящие в ЕС								
Великобритания	7809	3722	3433	4051	4062	4036	3888	4466
Норвегия	1151	627	666	646	480	505	452	903
Швейцария	3260	1974	1942	2197	2612	2849	2714	3373

Источники: Россия в цифрах : крат. стат. сб. М. : Росстат, 2017; 2018; 2019; 2020; 2021.

Здесь целесообразно выделить три условных этапа: допандемийный период (2014–2019), кризисный год пандемии (2020) и восстановительный год (2021). В 2014 году санкции ЕС в отношении России были введены впервые. В 2015 году падение торгового оборота было довольно значительным. Эта тенденция затронула торговые взаимоотношения практически со всеми странами ЕС. Особенно отчетливо это проявилось в торговле с Германией, Нидерландами, Францией, Польшей. Вероятно, этот феномен можно объяснить не только введением санкций, но и падением мировых цен на нефть в 2014–2015 годах. Введение санкций в сочетании с падением цен на нефть привело к довольно резкому снижению российского экспорта в 2015 году. Соответственно несколько уменьшились доходы российского населения, что само по себе ограничивало возможности для импорта в Россию. В дальнейшем объемы торговых операций начали стабилизироваться, хотя в 2019 году объемы торговых операций России с большинством стран ЕС были несколько ниже, чем в 2014-м. В данном контексте примечательно значительное сокращение объемов российского экспорта в Италию (с 36 225 млн долл. в 2014 г. до 14 324 млн в 2019-м).

Также значительно сократился российский экспорт в Нидерланды: в 2016 году он составил меньше половины от уровня 2014 года, однако в дальнейшем начал возрастать. Для некоторых стран (Австрии, Болгарии, Греции, Великобритании) характерен рост российского экспорта в 2014–2019 годах. Все же, несмотря на некоторое сокращение объемов внешнеторговых операций между Россией и ЕС в 2014–2019 годах, его нельзя считать критичным для хозяйственных систем обоих регионов.

В 2020 году на фоне рецессии, вызванной стремительным распространением COVID-19, произошло некоторое сокращение объемов торговых операций России практически со всеми странами Европейского союза. Наличие санкций в данном случае не оказало существенного влияния, так как санкционные ограничения к тому моменту действовали уже на протяжении нескольких лет. В 2021 году на фоне быстрого восстановления мировой экономики после рецессии 2020 года объемы торговли России со странами ЕС вновь начали возрастать. Примечателен и тот факт, что торговый оборот России с рядом европейских стран, в том числе с крупными торговыми партнерами (Францией, Германией, Италией, Великобританией), в 2021 году был больше, чем в 2019-м. Это свидетельствует о постепенной адаптации торговых взаимоотношений России к санкционным ограничениям и достаточно благоприятной экономической конъюнктуре в 2021 году.

Также в 2014–2021 годах продолжалось и инвестиционное сотрудничество между Россией и странами ЕС. В 2018 году доля европейских инвесторов составила 48 % среди всех иностранных инвесторов, а в 2019 году увеличилась до 60 %. По количеству проектов лидируют Германия, Франция, Италия.

О продолжении инвестиционной активности компаний — резидентов стран ЕС свидетельствуют и данные табл. 3, где представлены объемы накопленных инвестиций на начало 2016 — 2022 год. Объемы накопленных прямых для отдельных стран ЕС инвестиций в указанный период то сокращались, то увеличивались (табл. 4). Примечателен некоторый рост объемов накопленных прямых инвестиций из Германии, Франции и Италии.

После резкого ужесточения санкций со стороны ЕС ожидалось, что объемы взаимной торговли России и ЕС сократятся и это (по замыслу ЕС как инициатора санкций) окажет негативное влияние на экономику России. Однако в действительности ситуация развивалась не столь однозначно.

Таблица 3

**Количество инвестиционных проектов, осуществляемых резидентами
из стран Европы в российскую экономику (2014–2020)**

Страна	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Германия	11	36	43	28	24	36	26
Италия	4	12	7	17	11	6	13
Финляндия	6	9	7	7	8	10	4
Франция	14	20	20	11	13	22	12
Швейцария	8	8	7	11	9	9	7

Источник: Исследование инвестиционной привлекательности стран Европы за 2020 год: Россия. URL: https://assets.ey.com/content/dam/ey-sites/ey-com/ru_ru/news/2021/06/european-attractiveness-survey-2021-russia-ver-2.pdf.

Таблица 4

**Накопленные объемы прямых инвестиций по состоянию на начало года,
период 2016–2022 годов (млн долл. США)**

Страна	На 1 янв. 2016 г.	На 1 янв. 2017 г.	На 1 янв. 2018 г.	На 1 янв. 2019 г.	На 1 янв. 2020 г.	На 1 янв. 2021 г.	На 1 янв. 2022 г.
Австрия	4756,3	4941,0	5583,3	5604,3	6811,8	5966,0	6894,5
Бельгия	1041,2	1104,2	979,1	1333,2	1367,6	1189,1	1357,4
Болгария	26,3	86,8	93,8	84,8	110,9	130,1	92,3
Венгрия	411,2	534,0	607,3	541,6	670,2	543,2	572,3
Германия	12 971,1	16 630,4	18 109,3	16 412,3	20 375,7	18 114,9	20 973,3
Греция	81,2	167,3	46,8	42,5	48,3	28,7	32,5
Дания	295,1	185,4	367,6	536,6	510,3	529,8	712,5
Ирландия	8253,3	6582,5	5492,7	5823,6	6244,6	5792,0	7638,6
Испания	302,6	521,8	630,7	353,8	574,7	563,1	636,2
Италия	957,0	3852,8	4723,4	4627,2	5176,5	4811,4	4762,3
Кипр	90 964,2	139 755,3	162 539,2	124 731,9	166 597,3	144 831,4	173 294,9
Латвия	180,0	283,9	308,8	328,9	339,1	359,3	390,5
Литва	138,9	272,9	309,5	270,2	292,3	309,6	319,3
Люксембург	8083,1	11 942,8	19 245,9	19 561,0	7831,2	4822,8	6344,4
Мальта	92,0	109,5	233,8	231,7	320,7	529,2	855,3
Нидерланды	30 816,0	41 218,2	40 682,3	40 355,7	40 945,8	38 484,5	34 837,5
Польша	295,5	418,0	467,5	460,0	487,6	540,8	586,4
Португалия	10,0	8,7	5,6	6,3	6,8	7,7	7,9
Румыния	8,7	11,9	13,4	12,5	12,7	13,3	12,6
Словакия	22,3	37,1	44,5	39,3	42,2	37,0	37,0
Словения	151,5	183,9	218,0	192,6	228,8	235,6	370,0
Финляндия	6776,8	3856,2	3705,5	4397,7	7077,4	6217,2	7245,5
Франция	10 004,5	14 654,8	15 129,3	17 294,7	22 377,6	19 462,3	23 544,5
Чехия	216,3	360,9	474,4	421,7	386,3	352,1	345,7

Окончание табл. 4

Страна	На 1 янв. 2016 г.	На 1 янв. 2017 г.	На 1 янв. 2018 г.	На 1 янв. 2019 г.	На 1 янв. 2020 г.	На 1 янв. 2021 г.	На 1 янв. 2022 г.
Швеция	2431,1	3886,5	5132,3	4531,4	5049,4	3070,7	3055,5
Эстония	124,6	355,9	405,2	379,5	478,0	395,7	412,0
Итого:	179 431,4	252 022,4	285 623,2	248 642,3	294 465,2	257 432,3	295 457,1

Источник: Центральный банк РФ : [сайт]. URL: <https://cbr.ru/>.

Объем взаимной торговли между Россией и ЕС за первые восемь месяцев 2022 года составил 171 млрд евро и оказался на 30 % выше показателя за аналогичный период 2021 года. От роста взаимной торговли в денежном выражении выиграла Россия. Импорт в Россию европейских товаров снизился на 33 % (до 34 млрд евро), а экспорт российского сырья и товаров в ЕС вырос на 69 % (до 137 млрд евро). По объему взаимной торговли Россия поднялась на третье место среди крупнейших торговых партнеров ЕС вслед за США и Китаем. Агентство Eurostat, не приводя конкретных цифр, сообщило, что несырьевой экспорт из России в Европу плавно растет. Европейские компании активно покупают российскую сельхозпродукцию, удобрения, косметику, металлы, текстиль.

В соответствии с прогнозами экспертов в 2022 году ожидалось крупнейшее за последнее десятилетие сокращение инвестиций в Россию¹. Под влиянием резкого ужесточения антироссийских санкций иностранные компании приостановили новые инвестиции, изменили инвестиционные планы, отложили выпуск новых товаров на территории России. Так, в течение нескольких месяцев 2022 года свою деятельность в России прекратили многие европейские компании в следующих сферах: одежда и ретейл (Decathlon, Ganni, Burberry, The Other Stories, Monki, Matches, H&M, Zara, Pull&Bear, Bershka, Massimo Dutti, Chanel, Louis Vuitton, Moët Hennessy, IKEA, Yves Saint Laurent, Marks & Spencer, Mango, Mothercare, Oysho, Stradivarius, Reserved, Sinsay, Mohito, Hugo Boss, OBI, Gucci, Balenciaga, Hermes, Golden Goose); электроника и бытовая техника (Siemens, Logitech, Bosch, Nokia, Ericsson); программное обеспечение (Avast, SAP); ювелирные украшения и аксессуары (Cartier, Rolex, Swarovski); продукты питания (Dolmio, Lavazza, Lindt, Valio, Paulig, Tchibo GmbH, Brown-Forman, Budweiser Budvar, Staropramen, Jameson, Plzensky

¹ Иностранные инвесторы ожидают крупнейшего падения инвестиций в Россию за последние 11 лет // Деловой Петербург. 2022. 9 июня. URL: https://www.dp.ru/a/2022/06/09/Inostrannie_investori_ozhi.

Prazdroj); автомобилестроение (Mercedes Benz, MAN, Volvo, Skoda, Renault, Volkswagen, KIA, Audi, BMW, Ducati, Land Rover); авиастроение (Airbus, AerCap, Dassault Aviation); кафе, рестораны, гостиницы (Hesburger); нефтегазовая отрасль (Shell); косметические и лекарственные средства (Lush, L'Occitane). Уход с российского рынка не только наносит ущерб экономике России, но и, несомненно, снижает возможности самих компаний при реализации своих бизнес-моделей.

Таким образом, введение экономических санкций ЕС в 2014 году и их резкое ужесточение в 2022-м оказывают существенное воздействие на характер торговых и инвестиционных взаимоотношений. Результаты не всегда соответствуют ожиданиям. Однако бесспорным является тот факт, что характер экономической кооперации между Россией и ЕС существенно меняется.

На основании проведенного анализа можно сделать следующие выводы.

Санкционный режим в отношениях между Россией и ЕС существует с 2014 года. Изначально санкции, введенные ЕС против России, носили умеренный характер. Очевидно, не ставилась задача оказать существенное влияние на характер торговых и инвестиционных взаимоотношений ЕС и России. Зачастую санкции носили несколько формальный характер, то есть вводились для выражения политической позиции. Ситуация принципиально изменилась после 24 февраля 2022 года. Начало специальной военной операции на Украине привело к резкому ужесточению антироссийских санкций. С момента начала СВО ЕС ввел восемь пакетов антироссийских санкций (в декабре 2022 г. предметом обсуждения стал девятый пакет). Перечень санкций довольно широк, он охватывает торговые и финансовые ограничения, а также запрет на вещание некоторых СМИ. Под торговые ограничения попали изделия из чугуна и стали, уголь и другие твердые виды ископаемого топлива, товары для разведки и добычи нефти, товары и технологии для морского судоходства, аэрокосмические товары, предметы роскоши. Существенные ограничения введены на экспорт российской нефти и газа в страны ЕС.

Резкое ужесточение антироссийских санкций коренным образом меняет характер торговых и инвестиционных взаимоотношений России и ЕС. Уже сегодня это проявляется в резком сокращении российского импорта из стран ЕС и инвестиций европейских компаний в экономику России. Учитывая взаимную важность России и ЕС как торговых и инвестиционных партнеров, можно предполо-

жить, что санкционная война оказала и продолжает оказывать влияние на экономику страны-инициатора (в данном случае речь идет об экономике стран ЕС), в том числе на рынок труда. В последующих главах рассмотрено влияние антироссийских санкций на рынок труда европейских стран. При этом разграничиваются периоды 2014–2021 годов (глава 3) и период после начала СВО на Украине (глава 4).

Глава 3

РАЗВИТИЕ РЫНКА ТРУДА В СТРАНАХ ЕС В 2014–2021 ГОДАХ **(после введения антироссийских санкций)**

3.1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СИТУАЦИИ НА РЫНКЕ ТРУДА СТРАН ЕС **В 2014–2021 ГОДАХ**

Как уже отмечалось ранее, впервые экономические санкции ЕС против России были введены в 2014 году и до 2022 года санкционный режим во взаимоотношениях России и ЕС носил умеренный характер, затем последовало объявление «санкционной войны». Исходя из задач настоящего исследования, целесообразно сначала рассмотреть положение дел на рынке труда ЕС в 2014–2021 годах, а затем тенденции, наблюдавшиеся в 2022 году.

Период с 2014 по 2021 год можно рассматривать как довольно противоречивый этап в истории развития ЕС. С одной стороны, экономика большинства стран преодолевала последствия мирового экономического кризиса. В 2014–2019 годах наблюдалась некоторая стабилизация темпов экономического роста. Наивысшие темпы роста в этот период демонстрировали страны Восточной Европы (Венгрия, Польша, Румыния, Чехия, Словакия, Словения, Болгария, Литва, Латвия, Эстония). В этих странах темпы роста колебались в диапазоне от 2 до 5,5 %. Также высокие темпы роста демонстрировали и некоторые другие страны (Ирландия, Мальта). Однако этот факт является скорее исключением. Что касается наиболее богатых и развитых стран (Германия, Франция, Австрия, Бельгия, Нидерланды, Дания, Швеция, Финляндия), то темпы экономического роста здесь были сравнительно низкими и практически не превышали 2 %. В данном контексте показательно сравнение с США и Китаем. В США за аналогичный период темпы экономического роста регулярно превышали 2 % и периодически приближались к 3 %. В Китае темпы роста были значительно выше — от 6 до 7,4 % (табл. 5).

Практика показывает, что ситуация на рынке труда так или иначе коррелирует с общим состоянием экономической конъюнктуры. В таблице приведены данные по динамике уровня безработицы в 2014–2021 годах. Определенная стабилизация темпов экономического роста в 2014–2019 годах привела к некоторому снижению уровня безработицы. Особенно значительное снижение безработицы (более 3 %) было характерно для Бельгии, Болгарии, Венгрии, Греции, Ирландии,

Испании, Кипра, Латвии, Нидерландов, Польши, Португалии, Словакии, Словении, Хорватии, Чехии и Эстонии. При этом традиционный для ЕС значительный разрыв в уровне безработицы отдельных стран сохранился. Так, в 2014 году наивысший уровень безработицы среди стран ЕС был характерен для Греции и Испании (26,5 и 24,4 %), наименьший — для Австрии и Германии (5,6 и 5 %). В целом можно говорить о том, что по состоянию на 2014 год уровень безработицы в странах ЕС в среднем был довольно высоким (выше, чем в других ведущих европейских странах, США и Китае). В 2019 году ситуация несколько изменилась, хотя разрыв в уровне безработицы остался достаточно большим. Наибольший уровень безработицы был также отмечен в Греции и Испании. Однако к 2019 году он снизился до 17,3 и 14,1 % соответственно. При этом в ряде стран (Чехии, Германии, Нидерландах, Польше) уровень безработицы опустился ниже 3,5 %. В целом положение дел на рынке труда ЕС в 2019 году несколько улучшилось по сравнению с 2014 годом. В большинстве стран ЕС в 2019 году уровень безработицы все же был выше, чем в Великобритании, Норвегии, Швейцарии, США и Китае. Однако отличия были уже не столь значительными, как в 2014 году (табл. 6).

Таблица 5

Темпы экономического роста в странах ЕС, Великобритании, Норвегии, Швейцарии, Китае и США в 2014–2021 годах (%)

Страна	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Страны ЕС								
Австрия	0,7	1,0	2,0	2,4	2,6	1,4	–6,6	3,4
Бельгия	1,6	2,0	1,3	1,6	1,8	1,8	–6,3	6,2
Болгария	1,9	4,0	3,8	3,5	3,1	3,7	–4,2	4,2
Венгрия	4,2	3,8	2,1	4,3	5,4	4,6	–5,0	7,1
Германия	2,2	1,5	2,2	2,6	1,3	0,6	–4,9	2,9
Греция	0,7	–0,4	–0,5	1,3	1,6	1,9	–8,2	8,3
Дания	1,6	2,3	3,2	2,8	2,2	2,8	–2,7	4,7
Ирландия	8,8	25,2	2,0	9,1	8,5	5,0	3,4	13,5
Испания	1,4	3,8	3,0	3,0	2,4	2,0	–10,8	5,1
Италия	0,0	0,8	1,3	1,7	0,9	0,3	–8,9	6,6
Кипр	–1,8	3,2	6,4	5,2	5,2	3,1	–5,4	5,5
Латвия	1,1	4,0	2,4	3,3	4,0	2,0	–3,6	4,5
Литва	3,5	2,0	2,5	4,3	3,9	4,3	–0,9	5,0
Люксембург	4,3	4,3	4,6	1,8	3,1	2,3	–1,3	6,9
Мальта	7,6	9,6	4,1	8,1	5,2	5,5	–7,0	9,4

Окончание табл. 5

Страна	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Нидерланды	1,4	2,0	2,2	2,9	2,4	1,7	–3,7	5,0
Польша	3,4	4,2	3,1	4,8	5,4	4,5	–2,8	5,7
Португалия	0,8	1,8	2,0	3,5	2,8	2,5	–7,6	4,9
Румыния	3,6	3,0	4,7	7,3	4,5	4,1	–3,9	5,9
Словакия	2,6	4,8	2,1	3,0	3,7	2,5	–4,8	3,0
Словения	2,8	2,2	3,2	4,8	4,4	3,2	–5,5	8,0
Финляндия	–0,4	0,5	2,8	3,2	1,3	1,3	2,8	3,5
Франция	1,0	1,1	1,1	2,3	1,8	1,5	–8,1	7,0
Хорватия	–0,3	2,4	3,5	3,4	2,8	2,9	–8,4	10,4
Чехия	2,3	5,4	2,5	5,2	3,2	2,3	–5,6	3,3
Швеция	2,7	4,5	2,1	2,6	2,0	1,4	–2,8	4,8
Эстония	3,0	1,8	3,2	5,5	4,4	5,0	–2,9	8,3
Ведущие страны Европы, не входящие в ЕС								
Великобритания	2,9	2,4	1,7	1,7	1,3	1,4	–9,8	7,4
Норвегия	2,0	2,0	1,1	2,3	1,1	0,9	–0,8	3,9
Швейцария	2,4	1,7	2,0	1,6	3,0	1,1	–2,9	3,7
Другие крупнейшие экономики мира								
США	2,3	2,5	1,7	2,3	2,9	2,3	–3,4	5,7
Китай	7,4	7,0	6,8	6,9	6,7	6,0	2,2	8,1

Источник: Worldbank 2019 : Statistic data. URL: www.worldbank.org.

Таблица 6

**Динамика уровня безработицы в странах ЕС, Великобритании,
Норвегии, Швейцарии, Китае и США в 2014–2021 годах (%)**

Страна	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Страны ЕС								
Австрия	5,6	5,7	6,0	5,5	4,8	4,5	5,8	6,3
Бельгия	8,5	8,5	7,8	7,1	5,9	5,4	6,0	6,4
Болгария	11,4	9,1	7,6	6,2	5,2	4,2	5,7	5,4
Венгрия	7,7	6,8	5,1	4,2	3,7	3,4	4,3	4,1
Германия	5,0	4,6	4,1	3,8	3,4	3,1	4,3	3,5
Греция	26,5	24,9	23,5	21,5	19,3	17,3	16,9	14,8
Дания	6,9	6,3	6,0	5,8	5,1	5,0	5,7	4,8
Ирландия	11,9	9,9	8,4	6,7	5,7	4,9	5,9	6,6
Испания	24,4	22,1	19,6	17,2	15,3	14,1	15,7	14,7
Италия	12,7	11,9	11,7	11,2	10,6	9,9	9,3	9,8
Кипр	16,1	14,9	12,9	11,1	8,4	7,1	7,2	6,1

Окончание табл. 6

Страна	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Латвия	10,0	9,9	9,6	8,7	7,4	6,3	8,2	7,6
Литва	10,7	9,1	7,9	7,1	6,2	6,3	8,4	7,9
Люксембург	5,8	6,7	6,3	5,5	5,6	5,6	7,0	5,2
Мальта	5,7	5,4	4,7	4,0	3,7	3,4	4,1	3,5
Нидерланды	7,4	6,8	6,0	4,8	3,8	3,4	3,1	4,0
Польша	9,0	7,5	6,2	4,9	3,8	3,3	3,5	3,4
Португалия	13,9	12,4	11,1	8,9	7,0	6,5	7,2	6,7
Румыния	6,8	6,8	5,9	4,9	4,2	3,9	4,8	5,2
Словакия	13,2	11,5	9,7	8,1	6,5	5,8	6,8	6,7
Словения	9,7	9,0	8,0	6,6	5,1	4,4	5,2	4,4
Финляндия	8,7	9,4	8,8	8,6	7,4	6,7	7,8	7,5
Франция	10,3	10,4	10,0	9,4	9,0	8,4	8,6	7,1
Хорватия	17,3	16,2	13,1	11,2	8,4	6,6	7,2	8,7
Чехия	6,1	5,1	4,0	2,9	2,2	2,0	2,9	2,9
Швеция	7,9	7,4	7,0	6,7	6,4	6,8	8,4	8,7
Эстония	7,3	6,2	6,8	5,8	5,4	4,4	6,5	6,3
Ведущие страны Европы, не входящие в ЕС								
Великобритания	6,1	5,3	4,8	4,3	4,0	3,7	4,3	3,9
Норвегия	3,5	4,3	4,7	4,2	3,8	3,7	4,6	5,0
Швейцария	4,8	4,8	4,9	4,8	4,7	4,4	4,9	5,3
Другие крупнейшие экономики мира								
США	6,2	5,3	4,9	4,4	3,9	3,7	8,1	5,3
Китай	4,6	4,6	4,5	4,4	4,3	4,5	5,0	4,8

Источник: Worldbank 2019 : Statistic data. URL: www.worldbank.org.

Стабилизация темпов экономического роста и позитивное развитие ситуации на рынке труда оказали влияние и на показатель ВВП на душу населения, характеризующий уровень общественного благосостояния. И здесь наметился определенный рост. За исключением Швеции, значение показателя в 2019 году было выше, чем в 2014 году (табл. 7). Следовательно, можно предположить, что вводимые до недавнего времени Европейским союзом в отношении России санкции носили умеренный характер, экономики европейских стран (как, впрочем, и экономика России) в значительной мере смогли к ним адаптироваться.

Тем самым до пандемии COVID-19 общемировая тенденция стабилизации рынка труда проявилась и в странах ЕС. Умеренный

характер введенных в отношении России санкций обусловил их незначительное влияние на экономику и соответственно на рынок труда. С 2014 года в подавляющем большинстве стран ЕС в течение последующих пяти лет снижение безработицы сопровождалось некоторым ростом ВВП на душу населения (то есть общественного благосостояния)¹. В этом временном интервале экономика стран ЕС начала преодолевать последствия мирового экономического кризиса 2008–2009 годов, то есть экономическая конъюнктура, несмотря на введенные против экономики России санкции, несколько улучшилась.

Таблица 7

Динамика ВВП на душу населения (долл. США)

Страна	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Европейский союз	26 682	27 465	27 969	28 684	29 249	29 642	27 405	29 033
Австрия	39 889	39 894	40 211	40 948	41 737	42 217	39 699	41 491
Бельгия	36 435	36 961	37 331	37 917	38 295	38 625	35 680	37 876
Болгария	6080	6363	6652	6936	7202	7480	6995	7472
Венгрия	10 998	11 400	11 631	12 255	12 503	12 867	11 128	11 697
Германия	36 776	37 094	37 616	38 400	38 869	38 995	36 400	38 470
Греция	16 345	16 381	16 418	16 698	17 056	17 409	15 801	17 144
Дания	47 299	48 050	49 292	50 008	50 866	51 756	48 527	50 804
Ирландия	45 136	55 972	57 381	61 366	65 582	68 287	62 509	65 814
Испания	22 340	23 219	23 902	24 550	25 021	25 315	22 917	24 393
Италия	27 021	27 257	27 657	28 160	28 422	28 547	25 840	27 546
Кипр	20 229	21 031	22 347	23 105	23 751	24 231	22 184	23 275
Латвия	11 861	12 353	12 688	13 291	13 968	14 371	13 398	14 353
Литва	12 474	12 848	13 345	14 107	14 762	15 389	14 186	15 302
Люксембург	89 403	91 440	93 211	92 848	93 876	94 071	87 469	90 708
Мальта	19 971	21 620	22 361	23 156	23 993	24 246	22 171	22 808
Нидерланды	40 127	40 732	41 405	42 359	43 205	43 700	40 399	42 079
Польша	10 776	11 189	11 066	11 904	12 530	12 948	11 880	12 228
Португалия	16 974	17 350	17 756	18 424	18 940	19 363	18 057	19 107
Румыния	7751	8087	8439	8936	9218	9438	8782	9191
Словакия	14 042	14 709	14 998	15 433	16 033	16 367	15 259	16 254
Словения	18 437	18 830	19 406	20 332	21 106	21 448	19 891	21 175
Финляндия	38 488	38 570	39 509	40 639	41 241	41 604	38 907	40 292

¹ Здесь рынок труда ЕС рассматривается кратко с учетом задач настоящего исследования.

Окончание табл. 7

Страна	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Франция	32 788	33 019	33 257	33 890	34 366	34 921	31 956	34 228
Хорватия	10 254	10 603	11 184	11 762	12 269	12 693	11 338	12 165
Чехия	15 058	15 980	16 485	17 625	18 541	18 923	16 999	17 575
Швеция	46 116	46 349	46 304	45 979	43 637	42 363	38 481	39 592
Эстония	15 508	15 824	16 209	17 144	17 913	18 609	17 270	18 242

Источник: Worldbank 2019 : Statistic data. URL: www.worldbank.org; расчеты — автора.

3.2. ОСОБЕННОСТИ СОСТОЯНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО РЫНКА ТРУДА В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ

В соответствии с задачами настоящего исследования определенный интерес представляет анализ ситуации на рынке труда ЕС в 2020 и 2021 годах в условиях пандемии COVID-19. В данном случае нас интересует не столько само влияние пандемии, сколько состояние европейского рынка труда непосредственно перед новыми испытаниями, обусловленными участием в «санкционной войне» против экономики России в 2022 году.

Как известно, пандемия COVID-19 началась в 2020 году. В странах ЕС несколько раз объявлялись локдауны, что закономерно оказало негативное влияние на ситуацию на рынке труда. При этом для ЕС характерны определенные региональные отличия, касающиеся способности реагировать на кризис с точки зрения как инфраструктуры здравоохранения, так и бюджетных возможностей для проведения адаптивной денежно-кредитной и фискальной политики¹. Перспективы восстановления также неодинаковы в разных субрегионах из-за различий в распространении вакцин (особенно по мере того, как новые варианты и волны вируса наносили ущерб), а также из-за вариативной доступности финансирования для стимулирования роста и реализации политики защиты рабочих мест и доходов. Например, в то время как большинство западноевропейских стран могут получить доступ к финансированию через механизмы Европейского союза, некоторые страны Восточной Европы сталкиваются с существенными бюджетными ограничениями.

¹ World Employment and Social Outlook: Trends 2021 // International Labour Organization (ILO) : [сайт]. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/-dcomm/---publ/documents/publication/wcms_795453.pdf.

Наибольшее число зарегистрированных случаев заболевания COVID-19 на ранних стадиях пандемии было характерно для северной, южной и западной частей Европы. В результате значительная нагрузка пришлась на систему здравоохранения, произошло сокращение рабочих мест. Общее число потерянных рабочих мест в 2020 году составило 2,7 млн. Правительствам некоторых стран удалось снизить потери рабочих мест и ограничить рост безработицы за счет активного использования различных схем (отпуска или временные увольнения) и сокращения рабочего времени¹. Использование таких схем обусловило большую долю высокорентабельных рабочих мест в их общем сокращении. Данная тенденция была характерна для всех трех субрегионов. В некоторых случаях в этом процессе использовался социальный диалог. Сокращение рабочего времени в субрегионе составило около 12,8 млн полных рабочих мест в 2020 году по сравнению с 2019-м (табл. 8). Однако в 2021 году ситуация изменилась: начался подъем, сопровождавшийся созданием рабочих мест. Этот факт дал основание для позитивных прогнозов на будущее². Однако восстановление в разных отраслях происходит неравномерно.

Таблица 8

**Динамика рабочего времени и отработанного времени в странах ЕС
(2022 и 2023 гг. — прогнозные значения)**

Регион/субрегион	Отношение общего количества отработанных часов в неделю к численности населения в возрасте 15–64 лет (%)					Общее количество рабочих часов в неделю на эквивалентных работах с полной занятостью (FTE = 48 часов в неделю) (млн)				
	2019	2020	2021	2022	2023	2019	2020	2021	2022	2023
Северная, Южная и Западная Европа	25,8	23,7	25,0	25,9	26,1	157	144	152	157	158
Восточная Европа	26,7	25,3	26,3	26,8	26,9	109	102	105	106	106
	Отношение занятости к численности населения (%)					Занятость (млн человек)				
	2019	2020	2021	2022	2023	2019	2020	2021	2022	2023
Северная, Южная и Западная Европа	54,4	53,5	53,8	54,1	54,2	209	206	208	210	210
Восточная Европа	56,6	55,7	55,6	55,8	55,8	138	135	135	135	135

¹ OECD Employment Outlook 2021: Navigating the COVID-19 Crisis and Recovery. Paris : OECD Publishing, 2021. URL: https://blog.oecd-berlin.de/wp-content/uploads/2021/07/EMO2021_Launch_Berlin.pdf.

² Fault Lines Widen in the Global Recovery. World Economic Outlook Update, July 2021 // International Monetary Fund (IMF) : [сайт]. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2021/07/27/world-economic-outlook-update-july-2021>.

Окончание табл. 8

	Уровень безработицы (%)					Безработица (млн человек)				
	2019	2020	2021	2022	2023	2019	2020	2021	2022	2023
Северная, Южная и Западная Европа	6,9	7,3	7,3	6,8	6,6	15,6	16,3	16,5	15,2	14,9
Восточная Европа	4,7	5,6	5,3	4,9	4,7	6,8	8,0	7,5	7,0	6,7
	Коэффициент участия рабочей силы (%)					Рабочая сила (млн человек)				
	2019	2020	2021	2022	2023	2019	2020	2021	2022	2023
Северная, Южная и Западная Европа	58,4	57,8	58,0	58,1	58,1	225	223	224	225	225
Восточная Европа	59,4	59,0	58,7	58,7	58,5	145	143	142	142	141

Источник: World Employment and Social Outlook: Trends 2022 // International Labour Organization (ILO) : [сайт]. URL: https://www.ilo.org/global/research/global-reports/weso/trends2022/WCMS_834081/lang-en/index.htm.

Некоторые отрасли промышленности серьезно пострадали от нехватки комплектующих из-за сбоев в цепочках поставок и рабочей силы в связи с чрезвычайной ситуацией в области здравоохранения¹.

В Восточной Европе, где уровень неформальных взаимоотношений относительно высок, перевод рабочей силы с наемной работы на самозанятость позволил уменьшить рост безработицы. Тем не менее в 2020 году в этом европейском субрегионе было потеряно около 2,7 млн рабочих мест. При этом 1,1 млн человек стали безработными, а еще 1,6 млн человек перестали рассматриваться как рабочая сила (см. табл. 8).

В целом для Европы было характерно дифференцированное влияние кризиса, обусловленного пандемией. В одних отраслях оно проявлялось больше, чем в других. Так, среди сильно пострадавших субъектов были предприятия малого и среднего бизнеса, в частности розничная торговля и туризм. Их доступ к мерам поддержки был существенно ограничен². Особенно уязвимыми были занятые на временной основе, работники низкооплачиваемых профессий и трудящиеся-мигранты.

Как и в большинстве других регионов, в Европе пандемия существенно затронула молодежь, на ее долю приходится большая часть

¹ Trade and Development Report 2021: From Recovery to Resilience: The Development Dimension. Geneva, 2021 // UNCTAD : [сайт]. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/tdr2021_en.pdf.

² Coronavirus (COVID-19): SME Policy Responses, 15 July 2020 // OECD : [сайт]. URL: <https://www.oecd.org/coronavirus/policy-responses/coronavirus-covid-19-sme-policy-responses-04440101/>.

(более трети) общей потери рабочих мест в 2020 году. Доля молодежи, потерявшей работу в это время, была особенно высока в Северной Европе (77 %). Гендерные последствия пандемии также были вариативны в отдельных субрегионах. Так, число женщин, потерявших рабочие места в 2020 году, было больше, чем их доля в общей занятости; в Южной и Восточной Европе имела место обратная тенденция. В соответствии с прогнозами 2021 года уровень безработицы в Северной, Южной и Западной Европе к 2022 году должен был снизиться до уровня, существовавшего до пандемии, или ниже, а в Восточной Европе — к 2023 году. При этом доля занятости в общей численности населения еще некоторое время (по крайней мере до 2023 г.) должна быть ниже допандемийного уровня. Существует опасение, что после пандемии в крупных экономиках Европы может увеличиться неравенство. Работники с более высоким доходом, вероятно, потеряли меньше рабочих часов и доходов и, возможно, сэкономили больше средств. Они могут почувствовать, что их доходы восстанавливаются быстрее, чем доходы работников с более низкой заработной платой, которые не имели возможности удаленной работы и поэтому потеряли больше доходов и меньше сэкономили. В то же время в ближайшие годы правительства могут оказаться перед необходимостью сокращать расходы. Кроме того, сохранение политического акцента на поддержку экспортных секторов может привести к дальнейшему увеличению разрыва в заработной плате у работников ведущих и отстающих секторов.

До пандемии рынки труда уже были неблагоприятны для молодежи в большей части Европы, как и в большинстве других регионов. Если говорить о спросе, то во многих странах наблюдался разрыв между высокими темпами экономического роста и созданием рабочих мест¹. Что касается предложения, то сохранялся разрыв между результатами систем образования и профессиональной подготовки и спросом на рынке труда². Эти структурные проблемы нашли выражение в переходе от школы к работе, высокой безработице среди молодежи, большом числе молодежи, не имеющей работы, образования

¹ World Employment and Social Outlook: Trends 2020 // International Labour Organization (ILO) : [сайт]. URL: <https://www.ilo.org/global/research/global-reports/weso/2020/lang--en/index.htm>.

² Towards Full and Productive Employment in Uzbekistan: Achievements and Challenges. Moscow, 2021 // International Labour Organization (ILO) : [сайт]. URL: https://www.ilo.org/moscow/information-resources/publications/WCMS_782059/lang--en/index.htm.

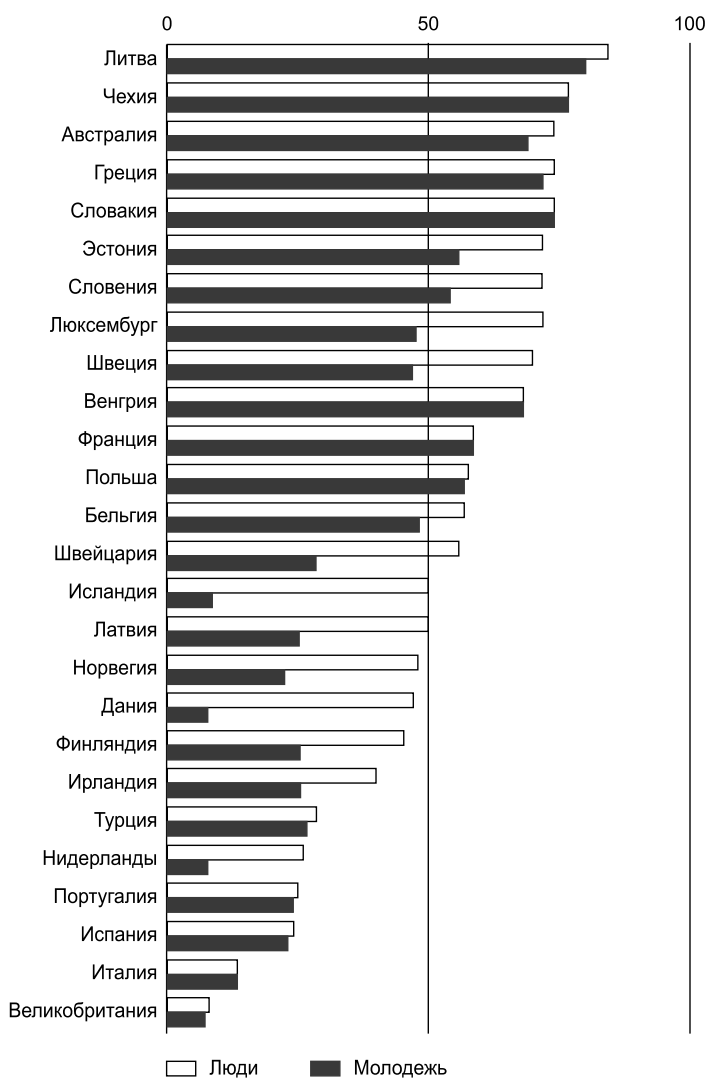

Рис. 4. Доля безработных, обратившихся в государственные службы занятости во втором–четвертом кварталах 2020 года

Источник: OECD Employment Outlook 2021: Navigating the COVID-19 Crisis and Recovery. Paris : OECD Publishing, 2021. URL: https://blog.oecd-berlin.de/wp-content/uploads/2021/07/EMO2021_Launch_Berlin.pdf.

или профессиональной подготовки (NEET), а также в значительных гендерных диспропорциях.

Пандемия усугубила эти трудности, создав для многих молодых людей серьезные риски психологических травм. Отсроченный выход на рынок труда, трудоустройство на работу более низкого качества по сравнению с возможностями при отсутствии пандемии, длительные или повторяющиеся периоды пребывания без работы — все эти факторы могут иметь долгосрочные последствия для карьерного роста и перспектив заработка молодых людей. Во время пандемии правительства по всему региону внедрили и расширили программы ALMP для защиты рабочих мест и поддержки спроса на рабочую силу. Некоторые европейские страны (включая Францию, Грецию, Венгрию, Ирландию, Люксембург, Португалию, Румынию и Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии) использовали стимулы для трудоустройства, специально предназначенные для молодых соискателей¹. Поскольку в 2020 году большое число работников покинуло рынок труда, ключевой задачей стало привлечение молодежи на рынок труда. Охват государственными службами занятости (ГСЗ) молодежи существенно различается в разных странах и в большинстве из них остается намного ниже по сравнению с охватом взрослых, о чем свидетельствует доля безработных, обратившихся в государственные службы занятости с целью трудоустройства в период со второго по четвертый квартал 2020 года (рис. 4).

В то же время в 2021 году наступил период восстановления экономик европейских стран после рецессии 2020 года. Ситуация на рынке труда начала улучшаться, о чем свидетельствуют данные табл. 6. И в этот момент политика на рынке труда была крайне вариативной в разных странах². В 2021 году ожидалось, что программы поддержки занятости должны охватить как можно более широкие слои населения (включая категорию NEET). В исследованиях 2021 года признавалось целесообразным переключение с сохранения и защиты рабочих мест и доходов на предоставление работодателям стимулов для соз-

¹ Designing Active Labour Market Policies for the Recovery, 15 July 2021 // OECD : [сайт]. URL: <https://www.oecd.org/coronavirus/policy-responses/designing-active-labour-market-policies-for-the-recovery-79c833cf/>.

² Brown A. J. G., Koettl J. Active Labor Market Programs — Employment Gain or Fiscal Drain? // IZA : Journal of Labor Economics. 2015. Vol. 4 (12). URL: <https://izajole.springeropen.com/articles/10.1186/s40172-015-0025-5> ; Pignatti C., Belle E. van. Better Together: Active and Passive Labour Market Policies in Developed and Developing Economies // ILO Research Department Working Paper. 2018. Vol. 37. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---inst/documents/publication/wcms_660003.pdf.

дания рабочих мест (таких как целевые субсидии на найм) и содействие возвращению к активному поиску работы среди безработных.

Таким образом, анализ изменений на рынке труда стран ЕС в период пандемии дает неоднозначные результаты касательно общего положения дел в рассматриваемой сфере. С одной стороны, в условиях пандемии произошел закономерный спад в экономике практически всех стран ЕС. Это привело к сокращению ВВП на душу населения и росту уровня безработицы. Однако уже в 2021 году наступил подъем и положение дел несколько выправилось. В ряде стран после роста число безработных в 2020 году вновь стало сокращаться. Это дало некоторые основания для сдержанного оптимизма в оценке перспектив европейского рынка труда в ближайшие годы. С другой стороны, при этом только в некоторых странах ЕС (Дания, Люксембург) в 2021 году уровень безработицы был ниже, чем в 2019-м. В подавляющем большинстве стран в ходе восстановления в 2021 году допандемийный уровень занятости так и не был достигнут. Более того, в некоторых странах (Австрии, Бельгии, Румынии, Хорватии) уровень безработицы начал расти в 2021 году и продолжил расти в 2022-м. Таким образом, некоторая волатильность на рынке труда ЕС сохранилась, а последствия пандемии быстро преодолеть не удалось. Перед 2022 годом пандемия стала серьезным испытанием для европейского рынка труда, с которым он справился лишь частично.

На основании проведенного анализа можно сделать следующие выводы.

К моменту введения антироссийских санкций уровень безработицы в странах ЕС был довольно высоким. В связи с тем, что в 2014–2021 годах санкции ЕС против России носили умеренный характер, они не привели к дальнейшему ухудшению ситуации на европейском рынке труда. Напротив, принятые меры в рамках политики занятости в ЕС обусловили некоторое снижение уровня безработицы в большинстве стран ЕС, сопровождающееся ростом среднедушевых доходов. Так продолжалось до 2019 года. Перед началом пандемии в некоторых странах (Греции, Испании) уровень безработицы был все еще довольно высоким, и в целом по ЕС он был несколько выше, чем в Швейцарии, Норвегии, Китае и США. Тем самым период 2014–2019 годов можно считать относительно благоприятным для рынка труда ЕС.

Существенным испытанием для рынка труда ЕС стала пандемия. Серия локдаунов и смена режимов работы в 2020 году привели к росту безработицы практически во всех странах ЕС. В 2021 году

в результате реализации различных программ поддержки занятости ситуация на европейском рынке труда начала улучшаться, хотя и не во всех странах и секторах был достигнут допандемийный уровень занятости.

Введение антироссийских санкций со стороны ЕС в 2014 году изначально не оказало существенного воздействия на экономику ЕС как «страны-инициатора». Вероятно, это обусловлено тем, что объемы торговых и инвестиционных сделок между Россией и странами ЕС в этот период менялись незначительно (см. гл. 2). В 2022 году экономика стран ЕС в целом и рынок труда ЕС в частности столкнулись с новыми испытаниями, обусловленными резким ужесточением антироссийских санкций. Об этом пойдет речь в следующей главе.

Глава 4

РЫНОК ТРУДА ЕС В ПЕРИОД РЕЗКОГО УЖЕСТОЧЕНИЯ АНТИРОССИЙСКИХ САНКЦИЙ¹

4.1. ФАКТОРЫ ИЗМЕНЕНИЯ СИТУАЦИИ НА РЫНКЕ ТРУДА ЕС В 2022 ГОДУ

Как отмечалось в предыдущей главе, в 2014–2021 годах экономика ЕС в известной степени адаптировалась к новым условиям, которые возникли в связи с введением санкций в отношении экономики России и соответствующих контрсанкций. В этом заключается одна из причин относительно благоприятного развития ситуации на рынке труда ЕС. С 2014 по 2019 год уровень безработицы устойчиво снижался. Пандемия явилась серьезным испытанием для экономики стран ЕС, но спад 2020 года сменился подъемом в 2021-м. Новый подъем экономической активности, начавшийся весной 2021 года, вернул экономику ЕС к уровню производства, существовавшему до пандемии уже в третьем квартале 2021 года. По мере того как экономика переходила от восстановления к экспансии, импульс роста был несколько ослаблен. Возобновление пандемии привело к восстановлению ограничений, хотя в целом они носили более мягкий или целенаправленный характер, чем в предыдущие волны. Сохраняющиеся узкие места в логистике и снабжении сказывались на производстве, равно как и высокие цены на энергоносители и другие сырьевые товары, а также некоторая нехватка рабочей силы во многих странах ЕС.

К началу 2022 года экономика ЕС, по оценкам ряда экспертов, подошла с хорошими шансами на вступление в длительную фазу подъема. Ситуация с пандемией улучшилась, и в начале 2022 года ожидалось, что большинство проблем, связанных с логистикой и «узкими местами» в поставках, а также давлением на цены на энергоносители и другие сырьевые товары, к концу 2022 года будут успешно решены. Помимо относительно благоприятной ситуации на рынке труда, определенный вклад в поддержание экономической активности должны были внести значительные объемы накопленных сбережений, так как это создавало хорошие условия для деятельности Фонда восстановления и устойчивости европейской экономики (RRF).

Однако специальная военная операция России на Украине изменила положение дел. Как известно, США выступили инициатором

¹ Исследование проводилось в конце 2021-го — первой половине 2022 года, поэтому некоторые данные на 2022 и 2023 годы приведены в виде прогнозируемых результатов.

резкого ужесточения санкционного давления на Россию. Европейский союз поддержал американскую инициативу и последовательно ввел в отношении России восемь санкционных пакетов. Масштабы экономических последствий войны весьма неопределенны и в значительной мере зависят от ее продолжительности. Основной сценарий прогноза мировой экономики и экономики ЕС предполагает, что геополитическая напряженность сохранится до конца 2023 года. Предполагается, что все санкции против России, включая те, которые уже были введены после присоединения Крыма Россией в 2014 году, все это время будут оставаться в силе¹.

Однако введение санкций против российской экономики со стороны ЕС привело к новым перебоям в мировых поставках и усилению давления на цены на сырьевые товары. Кроме того, в новых условиях резко усиливается степень неопределенности дальнейших сценариев развития мировой экономики. ЕС занимает первое место среди регионов с развитой экономикой, которые страдают из-за географической близости к России и Украине, сильной зависимости от импортируемого ископаемого топлива (особенно из России) и тесной интеграции в глобальные производственно-сбытовые цепочки. За первые десять недель после начала СВО на Украине на территорию ЕС въехало около 5 млн украинских беженцев, что создает для ЕС дополнительную организационную и координационную проблему. По прогнозам, к концу 2022 года число украинских беженцев должно было составить 6 млн человек и существенно не изменится до конца 2023 года. Поддержка больших потоков людей, покидающих Украину, является проблемой для принимающих государств-членов и ЕС в целом, но также создаст и определенные возможности. Неотложные потребности в приеме и защите большой волны перемещенных лиц с Украины обуславливают проблему для организационного потенциала принимающих государств-членов, в основном соседних, и приводят к увеличению расходов. Введение в действие Директивы о временной защите как минимум на один год дает этим лицам право оставаться в ЕС, а также иметь доступ к образованию и профессиональной подготовке, рынку

¹ МВФ также предполагает, что санкции останутся в силе до конца 2023 года. В 2022 году возможно сокращение ВВП Украины примерно на 35 %, но на 2023 год ситуация остается неопределенной. Европейский центральный банк предположил, что 1) дальнейшей эскалации войны не будет; 2) со временем конфликт будет урегулирован, но не уточнил, когда это произойдет. Наконец, не было сделано никаких предположений относительно беженцев. Прогнозы для Украины, включенные в отчет Consensus Economics за март 2022 года, заметно различаются (например, рост ВВП в 2022 г. составит от -15,0 до -46,5 %, а в 2023-м — от -6,5 до +70 %).

труда, здравоохранению, жилью и социальному обеспечению. Ожидается, что со временем все большее число перемещенных лиц начнет работать, что облегчит ситуацию на отраслевых рынках труда ЕС с дефицитом рабочей силы и приведет к сокращению государственных расходов. Доля занятых украинских беженцев в ЕС по итогам 2022 года должна составить 8 %, а в 2023 году должна увеличиться в среднем до 20 %¹. По некоторым оценкам, деятельность украинских беженцев на территории ЕС может быть сопоставима с занятостью наиболее мобильного сегмента рынка труда ЕС.

С учетом новых реалий в табл. 9 представлены данные о динамике некоторых макроэкономических показателей, приводятся данные за 2021 год и прогнозные значения показателей в 2022 и 2023 годах.

При составлении данного прогноза были сделаны некоторые важные допущения, которые касаются украинских беженцев, оказавшихся на территории ЕС (количество людей, продолжительность пребывания на территории ЕС, степень интеграции на европейском рынке труда, финансовые запросы). Как уже отмечалось, основное допущение связано с сохранением геополитической напряженности до конца 2023 года. Кроме того, в то время как COVID-19 значительно ослабил свое влияние на экономику ЕС, это не относится к другим частям мира, и нельзя исключать риски новых волн заболевания. Прогноз основан на предположении, что COVID-19 более не вызовет значительных сбоев в экономической активности в ЕС в течение прогнозируемого горизонта. Однако экономика ЕС по-прежнему косвенно подвержена влиянию пандемии через взаимодействие с другими регионами.

В настоящее время в ЕС прогнозируются более низкие темпы роста и более высокая инфляция, особенно на 2022 год. Реальный рост ВВП как в ЕС, так и в еврозоне в настоящее время ожидается на уровне 2,7 % в 2022 году и 2,3 % в 2023-м (меньше по сравнению с 4,0 и 2,8 % (2,7 % в еврозоне) соответственно), как ожидалось в промежуточном прогнозе на зиму 2022 года. Понижение прогнозов на 2022 год следует рассматривать на фоне импульса роста, набранного экономикой ЕС весной и летом 2022 года, что могло бы добавить около двух процентных пунктов к годовому темпу роста в 2022 году.

¹ Географическое распределение украинских беженцев по Европейскому союзу можно предсказать на основании следующих детерминант: 1) распределение украинских иммигрантов в ЕС в 2021 году; 2) распределение потоков украинских иммигрантов по странам за последние годы (2015–2020); 3) относительное население государств-членов; 4) фактическое распределение людей, покидающих Украину, по всему ЕС по состоянию на 23 марта 2022 года.

Таблица 9

Динамика избранных макроэкономических показателей (%) (2022 и 2023 гг. — прогнозные значения)

Страна	Реальный ВВП			Инфляция			Уровень безработицы			Текущий счет платежного баланса			Состояние государственного бюджета		
	2021	2022	2023	2021	2022	2023	2021	2022	2023	2021	2022	2023	2021	2022	2023
Бельгия	6,2	2,0	1,8	3,2	7,8	1,9	6,3	5,8	5,6	0,6	-1,1	-0,6	-5,5	-5,0	-4,4
Германия	2,9	1,6	2,4	3,2	6,5	3,1	3,6	3,3	3,2	7,2	6,1	6,5	-3,7	-2,5	-1,0
Эстония	8,3	1,0	2,4	4,3	11,2	2,5	6,2	6,8	6,9	-0,7	1,3	2,3	-2,4	-4,4	-3,7
Ирландия	13,5	5,4	4,4	2,4	6,1	3,1	6,2	4,6	5,0	14,3	12,8	13,1	-1,9	-0,5	0,4
Греция	8,3	3,5	3,1	0,6	6,3	1,9	14,7	13,7	13,1	-8,3	-8,4	-6,4	-7,4	-4,3	-1,0
Испания	5,1	4,0	3,4	3,0	6,3	1,8	14,8	13,4	13,0	1,0	1,8	2,1	-6,9	-4,9	-4,4
Франция	7,0	3,1	1,8	2,1	4,9	3,1	7,9	7,6	7,6	-2,4	-3,0	-2,0	-6,5	-4,6	-3,2
Италия	6,6	2,4	1,9	1,9	5,9	2,3	9,5	9,5	8,9	2,5	1,2	1,6	-7,2	-5,5	-4,3
Кипр	5,5	2,3	3,5	2,3	5,2	2,7	7,5	7,8	7,3	-7,2	-8,8	-7,3	-1,7	-0,3	-0,2
Латвия	4,5	2,0	2,9	3,2	9,4	3,5	7,6	7,3	7,1	-0,5	-3,9	-3,2	-7,3	-7,2	-3,0
Литва	5,0	1,7	2,6	4,6	12,5	3,0	7,1	7,2	7,2	2,0	-1,8	-2,1	-1,0	-4,6	-2,3
Люксембург	6,9	2,2	2,7	3,5	6,8	2,3	5,3	5,2	5,1	7,5	5,9	5,5	0,9	-0,1	0,1
Мальта	9,4	4,2	4,0	0,7	4,5	2,6	3,5	3,6	3,6	4,1	1,9	1,9	-8,0	-5,6	-4,6
Нидерланды	5,0	3,3	1,6	2,8	7,4	2,7	4,2	4,0	4,2	9,5	8,7	8,7	-2,5	-2,7	-2,1
Австрия	4,3	3,9	1,9	2,8	6,0	3,0	6,2	5,0	4,8	-0,5	-1,0	-0,8	-5,9	-3,1	-1,5
Португалия	4,9	5,8	2,7	0,9	4,4	1,9	6,6	5,7	5,5	-1,1	-1,7	-0,7	-2,8	-1,9	-1,0
Словения	8,1	3,7	3,1	2,0	6,1	3,3	4,8	4,8	4,6	4,4	1,7	2,6	-5,2	-4,3	-3,4
Словакия	3,0	2,3	3,6	2,8	9,8	6,8	6,8	6,7	6,3	-2,4	-4,3	-4,1	-6,2	-3,6	-2,6
Финляндия	3,5	1,6	1,7	2,1	4,5	2,3	7,7	7,2	6,9	0,7	0,2	0,4	-2,6	-2,2	-1,7
Зона евро	5,4	2,7	2,3	2,6	6,1	2,7	7,7	7,3	7,0	3,2	2,4	2,9	-5,1	-3,7	-2,5
Болгария	4,2	2,1	3,1	2,8	11,9	5,0	5,3	5,4	5,3	-1,1	-1,8	-1,8	-4,1	-3,7	-2,4

Окончание табл. 9

Страна	Реальный ВВП			Инфляция			Уровень безработицы			Текущий счет платежного баланса			Состояние государ- ственного бюджета		
	2021	2022	2023	2021	2022	2023	2021	2022	2023	2021	2022	2023	2021	2022	2023
Чехия	3,3	1,9	2,7	3,3	11,7	4,5	2,8	2,6	2,6	-2,3	-3,7	-3,8	-5,9	-4,3	-3,9
Дания	4,7	2,6	1,8	1,9	5,1	2,7	5,1	4,8	4,7	8,3	7,8	7,7	2,3	0,9	0,6
Хорватия	10,2	3,4	3,0	2,7	6,1	2,8	7,6	6,3	6,0	3,3	1,7	0,3	-2,9	-2,3	-1,8
Венгрия	7,1	3,6	2,6	5,2	9,0	4,1	4,1	3,8	4,0	-2,9	-5,5	-3,3	-6,8	-6,0	-4,9
Польша	5,9	3,7	3,0	5,2	11,6	7,3	3,4	4,1	3,9	1,6	-0,5	-0,2	-1,9	-4,0	-4,4
Румыния	5,9	2,6	3,6	4,1	8,9	5,1	5,6	5,5	5,3	-7,0	-7,5	-7,3	-7,1	-7,5	-6,3
Швеция	4,8	2,3	1,4	2,7	5,3	3,0	8,8	7,8	7,0	5,5	4,8	5,8	-0,2	-0,5	0,5
ЕС	5,4	2,7	2,3	2,9	6,8	3,2	7,0	6,7	6,5	3,0	2,1	2,6	-4,7	-3,6	-2,5
Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии	7,4	3,4	1,6	2,5	7,0	3,6	4,5	4,0	4,0	-2,6	-4,6	-4,9	-8,3	-3,9	-2,3

Источник: European Economic Forecast. Spring 2022 // Institutional Paper. 2002. May. № 173. P. 1. URL: https://economy-finance.ec.europa.eu/system/files/2022-05/ip173_en.pdf.

Прогноз роста выпуска в течение 2022 года был снижен с 2,1 до 0,8 %. Пересмотренные прогнозы роста предполагают более медленное приближение к уровню выпуска, которого экономика достигла бы в отсутствие пандемического шока, на основе экстраполяции перспектив роста с момента последнего прогноза, предшествовавшего пандемии. В свою очередь, прогноз инфляции был значительно пересмотрен в сторону повышения. В настоящее время ожидается, что в ЕС инфляция (индекс потребительских цен) в среднем достигнет рекордно высокого уровня в 6,8 % в 2022 году, а затем снизится до 3,2 % в 2023-м. В еврозоне инфляция прогнозируется на уровне 6,1 % в 2022 году и 2,7 % в 2023-м¹. Это также выше данных изначального прогноза — 3,5 и 1,7 % соответственно.

Обозначенное ухудшение ситуации в экономике может негативно повлиять на ситуацию на рынке труда. Очевидно, что рынок труда является частью любой современной национальной экономики, поэтому ухудшение экономической конъюнктуры неизбежно приводит к увеличению безработицы, сокращению вакансий, усложнению процедуры трудоустройства и т. д. Соответственно, если речь идет о сокращении темпов роста экономики, то темпы роста занятости могут также сократиться или она может перестать расти вообще. Следует учитывать и тот факт, что колебания объемов производства могут отражаться на рынке труда с некоторым временным лагом, поэтому проблемы в экономике могут не сразу привести к росту безработицы. Анализ современных реалий позволяет выделить ряд тенденций, свидетельствующих о некотором ухудшении экономической конъюнктуры в результате резкого ужесточения антироссийских санкций.

1. Тяжелее всего на мировой экономике (особенно экономике ЕС) сказывается повышение цен на энергоносители.

Цены на энергоносители существенно выросли уже до начала СВО на Украине по сравнению с минимумами, достигнутыми во время пандемии. Поскольку предложение энергоносителей стремилось не отставать от активного синхронного восстановления глобальной активности², цены начали быстро расти. Более высокие цены на сырьевые товары обеспечивают сверхприбыль их производителям, но приводят к существенному ухудшению условий торговли в стра-

¹ European Economic Forecast. Spring 2022 // Institutional Paper. 2002. May. № 173. URL: https://economy-finance.ec.europa.eu/system/files/2022-05/ip173_en.pdf.

² Ibid.

нах — неэкспортерах энергоносителей. В Европе, в частности, газ и электроэнергия торгуются по рекордным ценам с осени 2021 года. Ситуация там усугубилась рядом потрясений, включая неблагоприятные погодные условия, сказавшиеся на производстве возобновляемой энергии, и рекордно низкими уровнями газа в хранилищах. Учитывая важность России как крупного экспортера ископаемого топлива и неопределенность в отношении поставок после окончания СВО в связи с беспрецедентным характером введенных санкций, можно утверждать, что на цены на энергоносители на фоне значительной волатильности вновь было оказано повышательное давление. Нефтяные рынки отреагировали на новости об уходе важных западных нефтяных компаний из России и бойкоте импорта энергоносителей некоторыми странами (например, США и Великобританией), а также на решении США высвободить часть своих запасов нефти и решения ОПЕК не увеличивать ее добычу. Повышательное ценовое давление и волатильность на европейском газовом рынке стали еще сильнее на фоне проблем с поставками.

Цены на нефть в начале 2022 года были близки к среднему значению в 2018 и 2019 годах (около 70 долл. США за баррель), но затем они стали расти. В соответствии с некоторыми прогнозами в 2022 году цены должны были составить в среднем 103,6 доллара за баррель и в итоге составили около 100 долларов за баррель. Предполагаемое значение в 2023 году — 93,5 доллара за баррель. Цены на природный газ также резко выросли, особенно в Европе. Так, в конце апреля 2022 года по сравнению с началом 2021-го средняя базовая цена на европейский TTF поднялась на 420,1 %, тогда как на американский Henry Hub — на 148,5 %.

При этом, по мнению ряда экспертов, для стран ЕС выгоды от снижения энергетической зависимости, особенно от России, перевешивают издержки. Нынешние высокие цены на энергоносители подчеркивают необходимость укрепления энергетической безопасности в ЕС. В марте Еврокомиссия объявила о плане REPowerEU, цель которого — сократить спрос ЕС на российский газ на две трети к 2023 году и получить независимость от российского ископаемого топлива к 2027-му. В краткосрочной перспективе диверсификация, направленная на отход от России и ископаемого топлива вообще, будет дорогостоящей. Диверсификация источников поставок и первоначальный запуск инвестиций для ускорения перехода к «зеленой» экономике и снижения спроса на энергию (например, в связи

с повышением энергоэффективности)¹ могут усилить давление на стоимость. В свою очередь, растущие цены на энергоносители увеличивают производственные издержки и снижают производительность труда (объем производства на одного работника). Однако это краткосрочное ценовое давление должно быть соотнесено с издержками потенциальных крупномасштабных перебоев в поставках, особенно на этапе, когда высокие цены на ископаемое топливо удешевляют альтернативные технологии.

Ускорение процесса декарбонизации будет иметь последствия для экономики ЕС в долгосрочной перспективе. В среднесрочной перспективе замена импорта ископаемых видов топлива менее дорогими возобновляемыми источниками энергии позволит нейтрализовать шок от трансформации условий торговли, который в настоящее время поражает экономику ЕС. Ожидается, что капитальные вложения во внедрение технологий с низким уровнем выбросов вредных веществ и экологически чистых инноваций будут стимулировать общий рост производительности факторов производства, хотя этот эффект вряд ли проявится до конца 2023 года. В то же время ускоренный переход к технологиям с низким уровнем выбросов может привести к тому, что навыки работников в конкретных секторах будут все больше устаревать.

Постепенный отказ от российского импорта ископаемого топлива может быть осложнен нехваткой газа. До лета 2022 года никаких крупномасштабных перебоев в поставках нефти и газа не было. Однако фактор риска по-прежнему значителен. За некоторыми исключениями, источники импорта нефти оцениваются как взаимозаменяемые из-за возможности некоторого расширения добычи и гибких способов транспортировки черного золота. Замена российской нефти была бы приемлемым вариантом для большинства государств — членов ЕС, если бы не риск дальнейшего повышения цен на электроэнергию. Газоснабжение зависит от менее гибкой инфраструктуры. Прямое со-

¹ В упрощенной модели роста повторное получение энергии за счет ископаемых источников приводит к временному увеличению износа основных фондов (устареванию капитала, специфичного для топлива) и снижению эффективности производства (более высокие затраты на текущее потребление энергии). Следовательно, ускорение отхода от ископаемого топлива приводит к устареванию капитала и увеличивает потери производства от более низкой капиталоемкости. См., например: *Bayer Ch., Kriwoluzky A., Seyrich F. Stopp russischer Energieeinführen würde deutsche Wirtschaft spürbar treffen, Fiskalpolitik wäre in der Verantwortung* // DIW Berlin. 2022. № 80. URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/251981/1/1798327481.pdf>.

кращение поставок газа либо из-за запрета импорта со стороны ЕС, либо в результате ответных мер со стороны России, как это уже было в случае с Польшей и Болгарией, приведут к гораздо более дорогостоящей корректировке.

При прогнозировании инфляции цен на энергоносители используются показатели, полученные на основе кривых фьючерсов на рынках, и не учитываются крупномасштабные перебои в поставках нефти и газа. В случае полного прекращения поставок газа темпы роста ВВП будут примерно на 2 % и 1 процентный пункт ниже прогнозируемого базового уровня в 2022 и 2023 годах соответственно, в то время как инфляция увеличится на 3 процентных пункта в 2022 году и более чем на 1 процентный пункт в 2023-м. Экономика еврозоны по-прежнему будет демонстрировать положительные годовые темпы роста в 2022 и 2023 годах, но в 2022 году возможны сокращения объема выпуска в отдельных кварталах¹.

2. Цены на сельскохозяйственные товары и некоторые промышленные металлы также находятся под усиленным давлением.

СВО на Украине усилила неопределенность в отношении поставок, так как обе страны являются крупными экспортерами зерновых, масличных культур и растительных масел. Эта ситуация вызывает серьезную озабоченность по поводу продовольственной безопасности в развивающихся и наименее развитых странах, которые зависят от импорта продовольствия. ЕС в значительной степени обеспечивает себя продовольствием с большим профицитом в торговле агропродовольственными товарами². Можно ожидать, что единый рынок ЕС в очередной раз докажет свою способность преодолевать потрясения.

Также непростая ситуация складывается и на рынке некоторых металлов. Россия и в меньшей степени Украина играют ключевую роль в мировом производстве и экспорте сырья, такого как неон, палладий, никель, древесина, нитрат аммония и алюминий. Вызванные военными действиями перебои в поставках этих товаров усугубляются введенными Россией запретами на экспорт отдельных видов сырья, включая древесину. Аналогичные тенденции привели к росту цен на некоторые промышленные металлы (например, никель и медь), а также на газообразный неон (ключевой материал для производства полупроводников). Кроме того, новые сбои в логистике

¹ European Economic Forecast. Spring 2022.

² См. сообщение Еврокомиссии: URL: https://agriculture.ec.europa.eu/system/files/2022-03/safeguarding-food-security-reinforcing-resilience-food-systems_0.pdf.

и глобальных цепочках поставок также усиливают ценовое давление на широкий спектр промышленных товаров. Наконец, несмотря на снижение оптовых цен на энергоносители до 2023 года, импульсы предшествующего роста цен, как ожидается, продолжат распространяться на широкий спектр товаров и услуг. Следовательно, базовая инфляция (то есть инфляция, вычитаемая из более волатильных цен на энергоносители и продовольствие) будет выше 3 % как в зоне евро, так и в ЕС в целом.

3. Несколько снижается покупательная способность населения ЕС.

Рост цен на энергоносители и продукты питания снижают покупательную способность домохозяйств, особенно это касается семей с низким доходом, которые тратят большую часть заработка на потребительские товары¹. К тому же высокие цены на энергоносители, как правило, отражаются на более широком спектре промежуточных ресурсов и в конечном счете на потребительских товарах. Более высокая стоимость импорта энергии и неэнергетических товаров сказывается как на фирмах, так и на домохозяйствах. Фирмы сталкиваются с перспективой снижения реальной прибыли, поскольку большинство из них не смогут бороться с увеличением производственных издержек. Таким образом, повышение заработной платы вряд ли полностью компенсирует рост стоимости жизни.

В этих условиях многие государства — члены ЕС отложили корректировку розничных цен на энергоносители и (или) частично компенсировали возросшие счета за электроэнергию домашних хозяйств и энергоемких фирм, что привело к немалым дополнительным бюджетным расходам. Рост потребления приостановился в первом квартале 2022 года на фоне усиления ограничений в связи с пандемией и повышения цен. По состоянию на второй квартал 2022 года динамика возобновления экономической активности некоторое время поддерживала потребление товаров и услуг, но постепенно его интенсивность начала снижаться. В условиях высокой инфляции и падения покупательной способности домохозяйства тратят большую часть дохода на потребление: таким образом, по прогнозам, норма сбережений в ЕС упадет с 17 % в 2021 году до 13,8 % в 2022 году и 12,5 % в 2023-м, что в целом соответствует уровню, зафиксированному в 2019 году. Большой объем накопленных сбережений может по-

¹ European Economic Forecast. Spring 2022.

зволить быстрее восстановить потребление. При этом в условиях повышенной неопределенности домохозяйства могут неохотно делать сбережения¹. Оказавшиеся на территории ЕС украинские беженцы также внесут свой вклад в стабилизацию и рост потребления, так как потратят часть социальных трансфертов, предоставленных им принимающей стороной.

4. Повышение издержек в сочетании с неопределенностью конъюнктуры отрицательно сказывается на инвестиционной активности.

Растущие производственные и финансовые издержки в сочетании с негативными последствиями в контексте снижения доверия к финансовым инструментам будут оказывать давление на инвестиции. Увеличение цен на энергоносители и неэнергетические товары, а также сбои в цепочках поставок увеличивают производственные издержки компаний, особенно в обрабатывающей промышленности, на транспорте и в сельском хозяйстве. Возникающее в результате сокращение нормы прибыли в сочетании с ужесточением условий финансирования откладывает принятие корпоративных инвестиционных решений. Повышенная неопределенность в отношении развития геополитической ситуации и ее влияния на перспективы спроса будет оказывать давление на инвестиционные решения компаний и задерживать реализацию инвестиционных планов. Более того, поскольку усиление инфляционного давления предопределяет ужесточение денежно-кредитной политики, еще больше увеличивается стоимость кредитов для компаний. Наконец, продолжает сдерживать инвестиции нехватка материалов. В то же время налицо необходимость инвестировать в энергосберегающие технологии (в частности, в топливо, получаемое из отходов по программе REPowerEU)². По последним прогнозам, в 2022 году инвестиции в ЕС вырастут на 3,1 %, в 2023-м — на 3,6 %.

5. Введение жестких антироссийских санкций ведет к новым сбоям в глобальных производственно-сбытовых цепочках и смещает торговлю в сторону менее эффективных маршрутов.

Динамика показателей указывает на возобновление задержек в цепочке поставок. Также увеличиваются расходы для всех видов транспорта. Закрытие российского воздушного пространства оказывает огромное влияние на грузовые маршруты Европа–Азия. В марте

¹ European Commission European Economic Forecast. Spring 2022.

² Ibid.

2022 года цены на авиаперевозки между Азией и Европой выросли на 30 %. Закрытие воздушного пространства затрагивает и транстихоокеанские маршруты, поскольку предпочтительный маршрут, соединяющий Северную Азию с Северной Америкой, проходит через территорию России. Военные действия также привели к закрытию морских портов на Черном море, остановке грузовых судов в этом районе и увеличению логистических заторов.

Кроме того, крупнейшие мировые судоходные компании приостановили поставки в Россию. Это приводит к дальнейшему скоплению грузов в портах отправления в Европе и других странах, а также к увеличению объемов грузов в региональных хабах, используемых вместо российских пунктов назначения. Железнодорожные перевозки перенаправляются в основном в «средний коридор», который ведет через Казахстан, Азербайджан и Грузию в Турцию. Однако альтернативные маршруты занимают больше времени и приводят к увеличению сроков доставки, транспортных расходов и в некоторой степени переключению с железнодорожных перевозок на морские. СВО оказала непосредственное влияние на торговые потоки: торговый индикатор Киля зафиксировал снижение мировой торговли на 2,8 % в период с февраля по март 2022 года.

6. Внешний спрос на товары, производимые в ЕС, также ограничен.

Здесь ключевую роль играет сокращение спроса у восточных соседей ЕС. Коллапс торговли с Россией, Беларусью и Украиной усиливает негативные побочные эффекты, оказываемые на мировой спрос. Объем российской экономики составляет около 10 % от экономики ЕС, и товарооборот между ними относительно невелик. Объем экономики Украины намного меньше. Это ограничивает макроэкономические последствия сбоев в торговле товарами и услугами, вызванные санкциями, ожидаемым ухудшением экономической ситуации в России и на Украине и свертыванием экономической интеграции между ЕС и Россией в результате действий правительств и корпораций. Однако ожидается, что государства — члены ЕС в Центральной и Восточной Европе понесут более значительный урон из-за географической близости к конфликтному региону и исторически более тесным коммерческим связям с ним. Кроме того, за исключением нескольких экспортеров сырьевых товаров, на спросе со стороны остального мира негативно отразится спровоцированный военным конфликтом скачок цен на такие товары и ужесточение фискальной и денежно-кредитной политики в ответ на растущее инфляционное давление.

7. СВО и последовавшее за ней введение антироссийских санкций создают реальную угрозу предшествующим достижениям глобального тренда (иначе говоря, обуславливают деглобализацию).

После появления первых признаков постпандемической стабилизации мировой экономики и экономики стран ЕС как ее составляющей военные действия на Украине вновь создают нагрузку на глобальную логистику и производственно-сбытовые цепочки. Судорожные линии приостановили бронирование контейнерных перевозок Россией. Пропускная способность самолетов ограничена взаимным закрытием воздушного пространства со стороны России и Европы. Железнодорожные линии, соединяющие Азию и Европу, стали менее безопасными. Сбои в логистике увеличивают сроки доставки и повышают глобальные транспортные расходы. Также увеличиваются издержки внешней торговли из-за резкого повышения страховых премий за риск и роста расходов на финансовые операции и судебные разбирательства. Все это в сочетании с новыми перебоями в поставках ключевых ресурсов и сырья вызывает нарушения в глобальных производственно-сбытовых цепочках и отодвигает сроки полной нормализации условий поставок. Еще больше усиливает подобное давление сверхстрогая стратегия сдерживания пандемии в Китае.

В результате, например, несколько автопроизводителей в ЕС отрезаны от поставок ключевых деталей, в том числе жгутов проводов, изготавливавшихся на Украине, где остановились сборочные линии. Аналогичным образом Украина поставляет около 50 % неоновых газа, используемого для производства полупроводниковых чипов. Правительства и крупные корпорации в настоящее время прикладывают все усилия, чтобы найти альтернативные источники поставок.

Военные действия на Украине могут свести на нет некоторые достижения последних десятилетий. Отдельные из вышеупомянутых глобальных перебоев в поставках станут повторяться регулярно. В ЕС и других странах с развитой экономикой уже набирали обороты усилия по переориентации внешнеэкономической политики после вспышки пандемии. На фоне ужесточения антироссийских санкций и потенциального появления конкурирующих блоков эти усилия, вероятно, будут активизированы. Однако приоритеты во внешней экономической политике в краткосрочном периоде будут играть лишь незначительную роль. Риск крупномасштабной деглобализации явно возрос. Реструктуризация глобальных экономических связей может частично свести к нулю выгоды от глобализации, что приведет к снижению производительности за счет международного разделения

труда и уменьшению побочных позитивных эффектов от внедрения технологий в различных отраслях, а также к повышению цен на импорт и снижению потенциального объема производства.

Негативное влияние деглобализации может быть частично компенсировано развитием единого европейского рынка. В то время как целенаправленная реорганизация размещения производства с точки зрения экономической устойчивости может принести некоторые выгоды, перспектива деглобализации для ЕС сугубо негативна. Добившись процветания и геополитического влияния на базе открытой торговли и внешней привлекательности своего рынка, представленного 450 млн человек, ЕС потеряет больше, чем другие страны с развитой экономикой, в результате постепенного разрушения глобальных производственно-сбытовых цепочек и фрагментации торговли.

В новых условиях негативное воздействие оказывается прежде всего на экспорт тех стран ЕС, которые имеют тесные торговые отношения с вышеупомянутым регионом. Кроме того, на спрос со стороны остального мира негативно влияют обусловленные СВО скачки цен на сырьевые товары, сбои в мировой торговле и ужесточение условий глобального финансирования. Прогноз роста мировой экономики в 2022 году был понижен более чем на 1 процентный пункт по сравнению с прогнозом 2021 года. Строгие меры по сдерживанию распространения COVID-19, применяемые в некоторых частях Китая, способствуют ухудшению экономических перспектив развивающихся стран Азии, что отразится на глобальном уровне производства в связи с появлением дополнительных узких мест. Ухудшение перспектив глобального роста экономики значительно снижает ожидаемое увеличение внешнего спроса на европейские товары. После значительного восстановления роста, зафиксированного в 2021 году, объемы глобального импорта (без учета ЕС), по прогнозам, увеличатся на 4,9 и 4,3 % в 2022 и 2023 годах соответственно¹.

8. Ситуация на финансовых рынках ЕС остается нестабильной.

Военные действия привели к повышению волатильности рынка, переоценке рисков, падению фондовых индексов и усилению инфляционного давления, что, в свою очередь, обусловило ужесточение денежно-кредитной политики.

Аналогично практике других стран финансовые активы ЕС как в рисковом, так и безрисковом сегментах рынка уменьшились на

¹ European Economic Forecast. Spring 2022.

фоне значительного повышения волатильности. Различные сводные показатели финансовых условий подтверждают ужесточение порядка предоставления кредитов в еврозоне, особенно после начала военных действий на Украине. В ряде государств — членов ЕС, не входящих в зону евро, ужесточение оказалось еще более резким, поскольку их центральные банки продолжали повышать процентные ставки в ответ на сильное инфляционное давление (например, в Чехии, Венгрии, Польше и Румынии). Повышение ставок не предотвратило обесценивания национальных валют по отношению к евро, что отражает более высокую экономическую зависимость этих государств от России и подчеркивает роль своеобразного убежища, которую еврозона играет по отношению к соседним странам.

Поскольку военные действия привели к усилению инфляционного давления, Европейский центральный банк (ЕЦБ) ускорил темпы нормализации денежно-кредитной политики (перед этим принимались экстренные меры в связи с пандемией), сохраняя гибкость. ЕЦБ провел последнюю целевую долгосрочную операцию рефинансирования (TLTRO III) в декабре 2021 года и прекратил покупки чистых активов в рамках программы экстренных закупок в связи с пандемией (PEPP) в конце марта 2022 года. В частности, Совет управляющих ЕЦБ пересмотрел в сторону понижения ожидаемый объем чистых покупок активов в рамках программы покупки активов (APP) на 2022 год с целью прекращения чистых покупок в третьем квартале 2022 года¹. В то же время ЕЦБ подчеркнул, что сохранит гибкость при проведении денежно-кредитной политики, учитывая высокую неопределенность инфляции и экономического роста. Поэтому он внес изменения в прогнозы по процентным ставкам, заявив, что любая корректировка процентных ставок будет происходить «через некоторое время» после окончания чистых покупок активов и что такая корректировка будет постепенной².

В номинальном эффективном выражении за несколько месяцев 2022 года (с конца января) евро обесценился на 2,1 %. Европейский центральный банк, в отличие от Федеральной резервной системы, ужесточает денежно-кредитную политику с временным лагом. Разница в доходности активов в сочетании с ролью доллара США как

¹ ЕЦБ сократил запланированные ежемесячные покупки чистых активов в рамках программы на второй квартал с 40 млрд евро в марте до 30 млрд в мае и 20 евро в июне.

² В конце апреля 2022 года форвардная кривая краткосрочной ставки в евро на один месяц (1 млн евро STR) соответствовала более высокой ставке в долларах США почти на 20 базисных пунктов к концу июля и почти на 160 базисных пунктов более высоким ставкам за один год.

безопасной мировой валюты привела к значительному снижению курса евро по отношению к доллару с конца января 2022 года ($-5,3\%$). Евро также обесценился по отношению к китайскому юаню на фоне более высокого спроса на китайские облигации и товары, австралийский доллар и валюты некоторых развивающихся рынков (Бразилия, Индия, Мексика). Напротив, евро укрепился по отношению к японской иене и турецкой лире.

Доходность суверенных облигаций в еврозоне растет при ограниченном расширении спредов. Так, доходность 10-летних облигаций Германии выросла более чем на 100 базисных пунктов с начала 2022 года, достигнув $0,95\%$ в конце апреля, в то время как доходность двухлетних облигаций увеличилась несколько меньше, но стала положительной. При этом рыночные инфляционные ожидания в еврозоне растут, что приводит к дальнейшему снижению краткосрочных реальных процентных ставок. Спреды по суверенным облигациям еврозоны по отношению к немецкому эталону увеличились незначительно. Совместный выпуск облигаций ЕС, направленный на финансирование экономического восстановления блока с помощью RRF (Фонда восстановления и устойчивости) и других бюджетных механизмов ЕС в рамках плана NEXT Generation EU, подразумевает меньшую эмиссию на национальном уровне и, вероятно, способствует ограничению роста спредов. При этом ЕЦБ сокращает и в конечном счете собирается прекратить покупку активов.

Предполагается, что в 2023 году и краткосрочные, и долгосрочные номинальные процентные ставки будут увеличиваться. Ожидается, что краткосрочные номинальные ставки станут положительными в течение четвертого квартала 2022 года и превысят $1,5\%$ в конце 2023-го. Учитывая прогнозируемый темп инфляции, можно предполагать, что реальные краткосрочные процентные ставки подскочат с рекордно низких уровней, но при этом останутся отрицательными до конца 2023 года. Для более длительных сроков погашения номинальные и реальные ставки в еврозоне, как ожидается, будут постепенно повышаться в течение прогнозируемого периода, при этом реальные ставки, по прогнозам, также останутся отрицательными к концу 2023 года. Высокая инфляция обычно снижает стоимость реального долга и реальную стоимость его обслуживания, поскольку она, как правило, ведет к увеличению номинальных доходов. Эта закономерность не действует в том случае, когда после шока, связанного с резкими изменениями условий торговли, фирмы не в состоянии полностью компенсировать рост издержек, а ин-

фляция опережает рост номинальной заработной платы. Напротив, некоторые заемщики с гибкими ставками или краткосрочными потребностями в рефинансировании могут столкнуться с повышением процентных ставок и одновременным снижением своей способности обслуживать долг.

Оценки стоимости акций снизились на фоне повышенной волатильности. Темпы потерь на фондовых рынках ускорились после быстрой эскалации украинского кризиса и введения беспрецедентных антироссийских санкций, а также неопределенности в отношении роста цен на сырьевые товары. Акции европейских банков, в частности тех, которые имеют высокие риски по отношению к России, резко подешевели после начала СВО на Украине, что отражает риск серьезного шока на уровне банков или инвестиционных фондов в случае дефолта российского суверенного долга и крупных компаний. Что касается нефинансовых корпораций, то сравнительно низкие оценки на фондовых рынках скорее объясняются более высокими долгосрочными процентными ставками и обостренным восприятием риска со стороны субъектов. В целом для нефинансовых корпораций ЕС характерно более прочное положение по сравнению с субъектами финансового сектора — это выражается в состоянии бухгалтерских балансов, уровне доходов и сроках погашения долга. Однако существуют значительные различия между секторами экономики и типами фирм. Малые и средние предприятия гораздо более уязвимы, чем крупные корпорации.

СВО на Украине и последующие антироссийские санкции в известной степени обострили ранее существовавшие проблемы в финансовой системе ЕС. Цены на недвижимость находятся выше долгосрочных показателей после десятилетнего роста и сильного повышения в 2021 году. Для домохозяйств и строительного сектора характерна уязвимость из-за зависимости от корректировок цен на жилье. Сделанные ранее оценки ситуации на финансовых рынках, возможно, не в полной мере учитывали риск неблагоприятных событий — следовательно, они будут меняться. В сегментах корпоративного сектора сокращение нормы прибыли на фоне более высоких затрат также увеличивает вероятность развития кризисных тенденций. Здесь нужно принимать во внимание и существенные долговые обязательства, образовавшиеся во время пандемии. Несколько смягчает ситуацию то, что значительная часть долга удерживается на рекордно низких ставках. Капитализация банковского сектора в ЕС остается высокой.

Страны с формирующимися рынками дополнительно страдают от того, что инвесторы ищут более безопасные способы вложения средств. Все это приводит к существенному ужесточению условий кредитования в мире в целом и в ЕС в частности. Помимо этих краткосрочных изменений, из-за вооруженного конфликта постоянно будут расти расходы на финансирование. В условиях усиления геополитической напряженности рынки будут требовать более высокой доходности за больший политический риск владения активами ЕС. Кроме того, при попытках ограничить потенциальную уязвимость некоторые центральные банки могут отказаться от текущих активов в резервных валютах, включая евро, в то время как более фрагментированная платежная инфраструктура увеличит транзакционные издержки.

9. Дефицит государственного бюджета ЕС продолжает демонстрировать тенденцию к снижению.

По прогнозам дефицит государственного бюджета в ЕС сократится с 4,7 % ВВП в 2021 году до 3,6 % ВВП в 2022-м, поскольку временные меры, принятые из-за распространения COVID-19, продолжают отменяться, а экономический рост улучшает циклический компонент бюджета. Эти факторы, снижающие дефицит, призваны компенсировать дополнительные затраты на меры по смягчению последствий высоких цен на энергоносители (0,6 % ВВП для ЕС) и преодолению гуманитарного кризиса (0,1 % ВВП). Дальнейшее прогнозируемое снижение дефицита до 2,5 % в ЕС в 2023 году обусловлено полным отказом от коронавирусных ограничений, ожидаемым свертыванием мер, связанных с энергетикой, и все еще растущим циклическим компонентом¹. Положение дел в данной сфере в 2022 году должно быть благоприятным, а в 2023-м ситуация полностью нормализуется. Соотношение долга к ВВП для ЕС в целом должно снизиться до 85 % ВВП к 2023 году (выше уровня, существовавшего до пандемии COVID-19).

10. До конца 2022-го и в 2023 году в странах ЕС ожидается существенное замедление темпов экономического роста.

Предполагается, что высокие цены на энергоносители и постоянные перебои в их поставках ослабят динамику роста в 2022 году. Однако некоторый рост все же может наблюдаться за счет высокого уровня деловой активности в сфере услуг. По данным S&P Global Flash в апреле 2022 года Композитный индекс деловой активно-

¹ European Economic Forecast. Spring 2022.

сти PMI в еврозоне достиг семимесячного максимума (55,8), чему способствовали высокие значения индекса активности в сфере услуг (57,7 — восьмимесячный максимум). Индекс деловой активности в обрабатывающей промышленности еврозоны, напротив, упал в апреле до 22-месячного минимума. Следует учитывать, что годовые темпы роста зависят не только от положения дел в текущем году, но и от динамики в предыдущем. Эффект переноса показывает, насколько ВВП (или любой из его компонентов) вырастет в текущем году в годовом исчислении, если останется на том же уровне, что и в последнем квартале предыдущего года. Эта концепция, как правило, применяется к данным с периодичностью менее одного года, таким как ежемесячные и ежеквартальные. Разница между годовыми темпами роста в текущем году и эффектом переноса с предыдущего года показывает динамику роста в текущем году.

Последствия переноса могут быть особенно сильными при резких подъемах и спадах экономической активности. За последние два десятилетия она сильнее всего снижалась во время глобального финансового кризиса и в начале пандемии, но различные сроки и динамика спада и последующего восстановления в этих случаях привели к различному балансу между последствиями переноса и ростом ВВП в течение года. Во время кризиса ВВП в ЕС начал падать во втором квартале 2008 года, что обусловило эффект переноса, поэтому рост в 2009 году также оказался отрицательным. Однако восстановление по состоянию на третий квартал 2009 года было достаточным для небольшого эффекта переноса на 2010 год. В 2020 году из-за быстрого восстановления после двухквартальной рецессии, вызванной пандемией, перенос на 2021 год был положительным (2,4 %). За шесть лет до пандемии (2014–2019) средние темпы роста ВВП в ЕС, составлявшие 2,1 %, в среднем включали 0,8 % эффекта переноса. В 2021 году фаза повторного открытия многих организаций после пандемии способствовала росту ВВП в ЕС, в частности, во втором и третьем кварталах. Это привело к значительному переносу на 2022 год в размере 1,9 %.

Эффекты переноса также важны для отдельных компонентов спроса на ВВП. Во второй половине 2020 года произошел связанный с пандемией сдвиг в структуре расходов (вместо услуг люди начали больше покупать товары, тем самым был дан толчок динамике товарного экспорта и импорта). В 2021 году восстановление баланса между расходами на товары и услуги привело к росту доходов от торговли услугами. Кроме того, сильно повысилось частное потребление.

Прогноз роста был пересмотрен в сторону существенного понижения на 2022 год и незначительного на 2023-й. В целом ожидается, что рост ВВП замедлится с 5,4 % в 2021 году до 2,7 % в 2022-м как в ЕС вообще, так и в еврозоне. Эффект переноса роста с 2022 года на следующий оказался намного меньше, чем за предыдущие два года. Это означает, что рост, достигнутый за год, играет большую роль в годовом темпе роста, чем раньше. Экономика ЕС приблизится к потенциальному уровню активности к 2023 году — на год позже, чем ожидалось ранее. Разрыв в объеме производства между потенциальным и фактическим значением, который сигнализирует об определенной фазе цикла экономики, по оценкам, будет ликвидирован в 2023 году, после того, как три года подряд экономика ЕС работала ниже своего потенциала. Изначально ожидалось, что разрыв будет в целом ликвидирован уже в 2022 году. Таким образом, в связи с военными действиями на Украине ликвидация разрыва откладывается.

Кроме того, пересмотренные прогнозы означают более медленное приближение к траектории экономического роста, ожидавшейся до пандемии. Прогноз снижения темпов роста в 2022 и 2023 годах также увеличивает разрыв с уровнем производства, которого экономика ЕС достигла бы в отсутствие пандемического шока, — он был вычислен на основе экстраполяции перспектив роста в последнем прогнозе, сделанном до пандемии (зимой 2020 г.).

Ключевым фактором роста экономики остается внутренний спрос. Скажем, частное потребление и инвестиции продолжают расти, хотя и более низкими темпами, чем ожидалось ранее, под действием уравновешивающих сил. С одной стороны, инфляция, неопределенность и обострившиеся проблемы с поставками будут играть роль сдерживающих факторов. С другой стороны, импульс восстановления после пандемии, фискальные меры, направленные на компенсацию роста цен на энергоносители, дальнейшее снижение нормы сбережений и развертывание RRF будут действовать в качестве стимулирующих факторов. Потребление общественных благ существенно увеличилось в 2020–2021 годах. В значительной мере это было связано с ростом расходов на здравоохранение. В 2022 году повышение потребления общественных благ в соответствии с рядом оценок должно быть довольно скромным. Наконец, чистый экспорт, по прогнозам, внесет лишь незначительный положительный вклад в экономический рост, при этом темпы увеличения как экспорта, так и импорта замедлятся.

Повышенная неопределенность геополитической ситуации и ее последствий для перспектив спроса будет оказывать давление на ин-

вестиционные решения компаний и сдерживать реализацию нескольких инвестиционных планов. Более того, инфляционное давление не только увеличило издержки компаний, но и привело к более быстрому и сильному ужесточению условий кредитования, чем предполагалось ранее. Наконец, нехватка материалов будет по-прежнему сдерживать инвестиции¹. Последний инвестиционный опрос Европейской комиссии (март-апрель 2022 г.) подтверждает корректировку инвестиционных намерений менеджеров в сфере обрабатывающей промышленности в сторону понижения по сравнению с предыдущим опросом в октябре-ноябре 2021 года. В то же время побочные эффекты от увеличения государственных вложений и возможной предварительной загрузки энергомощностей по программе REPowerEU будут оказывать положительное влияние на инвестиции в оборудование. Однако в целом перспективы в данной сфере являются сдержанными, а темпы роста инвестиций, по прогнозам, снизятся с 9,7 % в 2021 году до 2,7 % в 2022-м, а в 2023-м — увеличатся до 4,3 %.

Рост инвестиций в строительство, как ожидается, будет незначительным. Доступность недорогих ипотечных кредитов и накопление сбережений во время пандемии, в частности домохозяйствами с относительно высоким доходом, продолжают поддерживать инвестиции в жилье в ближайшей перспективе. В будущем прогнозируемое падение реальных доходов и повышение процентных ставок (и, следовательно, стоимости заимствований), как ожидается, приведут к уменьшению спроса на частное жилье. Таким образом, прогнозируется, что темпы инвестиций в жилищное строительство в ЕС замедлятся с 6,8 % в 2021 году до 2,5 % в каждый из двух рассматриваемых годовых отрезков (2022 и 2023 гг.). В целом ожидается, что инвестиции в строительство снизятся с 5,8 % в 2021 году до 2,5 % в 2022-м и 3,0 % в 2023-м.

Ожидается дальнейшее расширение государственных инвестиций в результате развития программ RRF, даже с учетом негативного влияния узких мест в поставках (например, нехватки материалов) и увеличения затрат. Прогнозируется, что государственные инвестиции в ЕС будут расти значительно быстрее, чем ВВП. Таким образом, соотношение государственных инвестиций к ВВП будет расти пятый год подряд и повысится с 3,2 % в 2021 году до 3,4 % в 2022-м и 3,5 % в 2023-м.

В табл. 10 представлена структура факторов роста в еврозоне.

¹ European Economic Forecast. Spring 2022.

Таблица 10

Структура факторов роста в еврозоне (2022 и 2023 гг. — прогнозные значения.)

	2021		2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
	Млрд евро в текущих ценах	% ВВП	Реальное процентное изменение							
Частное потребление	6249,5	51,0	2,0	1,8	1,5	1,3	-7,9	3,5	3,2	2,6
Общественное потребление	2711,8	22,1	1,9	1,1	1,1	1,9	1,1	3,9	0,8	0,5
Валовое накопление основного капитала	2693,9	22,0	4,0	3,9	3,1	6,8	-7,0	4,2	3,1	3,5
Изменение запасов в % от ВВП	105,1	0,9	0,4	0,7	0,9	0,7	0,1	0,9	0,8	0,7
Экспорт товаров и услуг	6069,5	49,5	3,0	5,6	3,6	2,7	-9,1	11,0	5,1	4,7
Конечный спрос	17 829,7	145,5	2,6	3,4	2,4	2,5	-7,1	6,3	3,5	3,1
Импорт товаров и услуг	5575,5	45,5	4,3	5,2	3,8	4,7	-9,0	8,8	5,1	4,8
ВВП	12 253,9	100,0	1,9	2,6	1,8	1,6	-6,4	5,4	2,7	2,3
ВНД	12 291,9	100,3	2,1	2,7	2,1	1,4	-6,7	5,4	2,8	2,2
ВВП ЕС	14 574,1	118,9	2,0	2,8	2,1	1,8	-5,9	5,4	2,7	2,3
Вклад в изменение ВВП										
Частное потребление			1,1	1,0	0,8	0,7	-4,2	1,8	1,7	1,4
Общественное потребление			0,4	0,2	0,2	0,4	0,2	0,9	0,2	0,1
Инвестиции			0,8	0,8	0,6	1,4	-1,6	0,9	0,7	0,8
Запасы			0,0	0,3	0,1	-0,2	-0,4	0,4	0,0	-0,1
Экспорт			1,4	2,6	1,7	1,3	-4,4	5,0	2,5	2,5

Окончание табл. 10

	2021		2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
	Млрд евро в текущих ценах	% ВВП								
Конечный спрос			3,7	4,8	3,4	3,6	-10,3	9,0	5,0	4,7
Импорт (минус)			-1,8	-2,1	-1,6	-2,1	4,0	-3,7	-2,3	-2,4
Чистый экспорт			-0,4	0,4	0,1	-0,8	-0,3	1,3	0,2	0,1

Источник: European Economic Forecast. Spring 2022 // Institutional Paper. 2022. May. № 173. P. 31. URL: https://economy-finance.ec.europa.eu/system/files/2022-05/ip173_en.pdf.

Падение потребительского доверия ухудшает перспективы потребления. Согласно опросам Европейской комиссии, доверие потребителей резко снизилось в марте и продолжило падать в апреле 2022 года. Падение совпало с ростом ценовых ожиданий потребителей на следующие двенадцать месяцев до рекордно высокого уровня. Эти данные указывают на негативное влияние повышенной инфляции и усиленной неопределенности на потребительские расходы. Постепенная нормализация сберегательного поведения призвана создать буфер при снижении покупательной способности населения. Покупательная способность домашних хозяйств снижается из-за роста цен. Прогнозируется, что в среднем по ЕС валовой располагаемый доход увеличится на 3,5 % в 2022 году и на 4,1 % в 2023-м в номинальном выражении. Тем не менее из-за высоких темпов инфляции в конечном счете в 2022 году реальные располагаемые доходы упадут, а в 2023-м лишь частично вернутся к прежнему уровню. По прогнозам, уровень сбережений домашних хозяйств в ЕС снизится с 17,0 % в 2021 году до 13,8 % в 2022-м и 12,5 % в 2023-м — последний показатель соответствует значению, зафиксированному до пандемии в 2019 году. Кроме того, постепенный отказ от многих оставшихся мер сдерживания, связанных с пандемией, должен позволить полностью возобновить потребление услуг, связанных с личными контактами.

Ожидается, что частное потребление в ЕС вырастет на 3,3 % в 2022 году и на 2,7 % в 2023-м. В результате прогнозируемое в 2021 году расширение частного потребления в 2022 году оказалось слабее, чем ожидалось в осеннем прогнозе прошлого года. На 2023 год прогноз роста частного потребления был немного пересмотрен в сторону повышения (хотя и с более низкой базой). Также ожидается, что чистый экспорт внесет лишь незначительный вклад в рост ВВП в 2022 году. Объемы экспорта и импорта товаров и услуг в ЕС, по прогнозам, вырастут меньше, чем ожидалось. Это отражает более слабый мировой спрос, существовавшие и вновь возникшие перебои в поставках и некоторую корректировку растущих цен, а также влияние санкций и контрсанкций. Прогнозы роста экспортного рынка ЕС пересмотрены в сторону понижения в 2022 и 2023 годах, что соответствует ухудшению перспектив мировой торговли (см. раздел 1.2). Перспективы роста экспортных рынков особенно ухудшились в тех государствах — членах ЕС, которые ранее имели тесные торговые связи с Россией, в основном это страны, расположенные по соседству с ней.

Определенные различия характеризуют экспортную и импортную стороны внешней торговли. В 2021 году чистый экспорт способствовал прибавлению 1,0 процентного пункта к росту ВВП, поскольку рост экспорта значительно превысил рост импорта. В прогнозе 2021 года ожидалось, что рост экспорта в этом году будет менее оживленным. При пересмотре в сторону понижения показателей импорта и экспорта, в целом схожих, перспективы вклада чистого экспорта в экономический рост будут затронуты лишь незначительно и, по прогнозам, он составит 0,2 процентного пункта в 2022 году. В 2023 году ожидается дальнейшее снижение вклада чистого экспорта в рост до 0,1 процентного пункта.

При прогнозировании темпов роста в странах ЕС наблюдаются известные отличия. В последнем квартале 2021 года объем производства в семи государствах — членах блока, включая Германию, Испанию и Италию, не достиг допандемического уровня по сравнению с четвертым кварталом 2019 года. Пересмотр темпов роста ВВП в сторону понижения в 2022 году подразумевает, что эта «отметка» будет достигнута позже, чем ожидалось, то есть в четвертом квартале 2022 года в Германии и Италии (вместо второго квартала) и в третьем квартале 2023 года в Испании (вместо четвертого квартала в этом году). Эти различия могут быть частично объяснены структурными особенностями экономики данных стран, такими как важность туризма и обрабатывающей промышленности, а также тем, как связанные с пандемией ограничения и сбои в цепочках поставок повлияли на эти сектора. Последствия начала СВО на Украине расширили список факторов, объясняющих нестабильность экономического роста отдельных стран. Близость к региону военных действий, торговые связи с Россией и Украиной, зависимость от импорта энергоносителей из России и высокая степень открытости экономик ЕС определяют уязвимость государств Евросоюза для проблем новой реальности.

Беспрецедентный характер и масштабы потрясений снижают качество базовых прогнозов. Очень высок фактор неопределенности (например, относительно развития геополитической ситуации и ее влияния на сырьевые рынки и торговлю). Дальнейшее повышение импортных цен может усилить stagflationные импульсы. Кроме того, ощутимое инфляционное давление, вероятно, приведет к дальнейшему ужесточению фискальной и денежно-кредитной политики, что негативно скажется на внутреннем спросе и создаст нагрузку на государственные бюджеты и банковский сектор. Некоторое ослабление экономической активности в США и Китае еще больше

замедлит экономический рост в ЕС. Наконец, остается фактором риска COVID-19. В то же время более устойчивым к росту цен может оказаться частное потребление, если домохозяйства будут использовать для потребления больше своих сбережений. Инвестиции, поощряемые RRF, могут усилить импульс к инвестиционной деятельности, например за счет наращивания межсекторальных и межстрановых побочных эффектов. Наконец, ускоренное сокращение зависимости от ископаемого топлива и переход к «зеленой» экономике могут снизить негативное воздействие высоких цен на энергоносители быстрее, чем предполагалось ранее¹.

Факторы неопределенности в развитии экономики ЕС после начала СВО и ужесточения антироссийских санкций, а также возможные сценарии развития в долгосрочном периоде представлены в табл. 11.

Таблица 11

**Факторы неопределенности в экономике ЕС:
долгосрочное и краткосрочное воздействие**

	Наблюдаемое воздействие	Ожидаемый эффект в 2022–2023 гг.	Потенциальное долгосрочное воздействие
Сырьевые рынки	Резкий рост цен на энергоносители и продовольственные товары, обуславливающий повышение отпускных цен производителей и розничных цен	Сокращение внутреннего спроса и эффект перераспределения (больше всего страдают домохозяйства с низким доходом)	Секторальное перераспределение (средства изымаются из энергоемких секторов)
	Ухудшение условий торговли	Сбои в производственных процессах	Ускорение декарбонизации
	Бюджетный эффект, обусловленный реализацией политики взаимодействия	Первоочередные инвестиции в энергосбережение и возобновляемые источники энергии	
		Усиление инфляционного давления	

¹ European Economic Forecast. Spring 2022.

Окончание табл. 11

	Наблюдаемое воздействие	Ожидаемый эффект в 2022–2023 гг.	Потенциальное долгосрочное воздействие
Глобальный рост и торговля	Замедление глобального роста и сокращение динамики внешнего спроса Более высокие издержки внешней торговли Падение товарооборота с регионом, где ведутся военные действия	Более слабый глобальный рост и замедление внешнего спроса Свертывание интеграции Европейского союза и России	Частичный отказ от выгод глобализации
Цепочки поставок и логистика	Перебои в поставках и логистике	Реорганизация глобальных цепочек поставок или перенос производства Сбои в производственных процессах	Усиление роли внутреннего рынка ЕС Повышение устойчивости производственных структур
Финансовые рынки	Переоценка активов на финансовых рынках, ужесточение условий кредитования Давление на банковские учреждения	Некоторая стабилизация денежно-кредитной политики Повышенная волатильность рынка	Фрагментация платежной системы
Настроение хозяйствующих субъектов	Ослабление делового и потребительского доверия Повышенная неопределенность	Сокращение частного потребления и инвестиций	Усиление неприятия риска со стороны субъектов
Приток украинских беженцев	Увеличение государственных расходов на поддержку беженцев	Изменения состояния бюджета стран ЕС Постепенный выход беженцев на рынок труда ЕС Увеличение потребительских расходов	Существенный рост предложения рабочей силы

Источник: European Economic Forecast. Spring 2022 // Institutional Paper. 2022. May. № 173. P. 11. URL: https://economy-finance.ec.europa.eu/system/files/2022-05/ip173_en.pdf.

Влияние военных действий на Украине и ужесточения антиросийских санкций на экономику ЕС значительно отличается от влияния пандемии. Пандемия вызвала существенное сокращение экономической активности и значительно снизила инфляцию ниже целевого уровня центральных банков (а в еврозоне в течение нескольких месяцев даже фиксировалось падение среднего уровня цен). Большую часть 2020 и 2021 годов денежно-кредитная и налогово-бюджетная политика развивались в одном направлении, защищая совокупный спрос и занятость, что обеспечивало стабильность цен. Начало военных действий на Украине с последующим расширением антиросийских санкций привело к потрясениям, которые в первую очередь отразились на предложении, хотя и оказали волнообразное воздействие на спрос (из-за снижения доверия субъектов к текущей ситуации). Шоки предложения тормозят рост производства, одновременно подталкивая инфляцию к темпам, которых не наблюдалось с введения единой европейской валюты в 2002 году. В этом контексте макроэкономическая политика должна балансировать между сдерживанием инфляции и адаптацией к ожидаемому снижению спроса. Также следует учитывать, что пандемия изначально была временным потрясением, тем более что принимаемые меры эффективно ограничивали ее долгосрочные последствия. Напротив, военные действия вызвали шок, связанный с изменениями условий торговли для экономики ЕС: стоимость того, что она производит и экспортирует, стала ниже, чем стоимость ее импорта. Ожидается, что эта тенденция сохранится в обозримом будущем, поскольку последствия войны будут ощущаться долгое время.

Таким образом, в экономике ЕС в настоящее время присутствуют некоторые предпосылки для новой рецессии. Это признают многие эксперты, которые корректируют значительное количество прогнозов в сторону ухудшения. С учетом географической близости и важности торговых связей украинский кризис оказывает более серьезное давление на европейскую экономику, чем на другие крупные экономики, такие как американская или китайская. Внутри ЕС государства также в неодинаковой степени подвержены негативному воздействию со стороны украинского кризиса. Это воздействие передается по различным каналам (например, торговля сырьевыми товарами и финансовые рынки).

Уязвимость национальных экономик стран ЕС определяется рядом факторов. Прежде всего речь идет об общей энергоемкости выпускаемой продукции и о степени энергетической зависимости от экономики России (рассчитывается как доля российского газа в общем количестве электроэнергии, используемой для создания добавленной стоимости). Также принимаются во внимание показатели зависимости бюджетов домашних хозяйств от цен на энергоносители. Такие показатели высоки для экономик тех стран, в структуре ВВП которых преобладают энергоемкие отрасли, такие как воздушный транспорт, производство нефтепродуктов или основных металлов. Большое значение имеет также стоимость российских активов, принадлежащих национальным резидентам.

Наиболее уязвимыми, таким образом, являются страны Балтии, Восточной и Центральной Европы в связи с высокой энергоемкостью экономики и важности России как торгового партнера, особенно в отношении импорта газа.

Также уязвима экономика Кипра. Это объясняется высокой долей экспорта услуг в Россию в общем объеме экспорта услуг данной страны и высокой стоимостью российских активов, принадлежащих кипрским резидентам. Среди крупных государств — членов ЕС наиболее уязвимой является Польша, поскольку доля России в польском торговом обороте высока и в потребительской корзине домашних хозяйств преобладает энергоемкая продукция. Далее следуют Нидерланды, Германия и Италия. Для Нидерландов уязвимость экономики в значительной степени связана со стоимостью российских активов и зависимостью домохозяйств от высоких цен на энергоносители. В случае Италии и Германии речь идет о сочетании факторов — важности импорта российского газа, высокой стоимости российских активов и высокой доли энергоемкой продукции в потребительских корзинах домохозяйств. В меньшей степени военные действия на Украине и антироссийские санкции оказывают влияние на экономики Франции и Испании, а также Португалии и Мальты¹.

В качестве инструментов решения проблем называются инвестиции и структурные реформы, которые уменьшают зависимость от российского импорта ископаемого топлива и в итоге ускоряют процесс декарбонизации, одновременно повысив производительность за счет

¹ На основании комплекса параметров предпринимаются попытки построить матрицы уязвимостей национальных экономик отдельных стран (см.: European Economic Forecast. Spring 2022).

цифровизации. Также отмечается существенная роль институциональных каналов распределения энергетических ресурсов.

Однако обозначенные меры стабилизации не могут быть реализованы мгновенно, и негативное воздействие указанных факторов сохраняет актуальность и будет сохранять ее в дальнейшем. Изменения в экономике ЕС в целом могут привести к изменению ситуации на рынке труда.

4.2. СИТУАЦИЯ НА РЫНКЕ ТРУДА СТРАН ЕС В 2022 ГОДУ ПОСЛЕ УЖЕСТОЧЕНИЯ АНТИРОССИЙСКИХ САНКЦИЙ

Восстановление экономики ЕС после кризиса, вызванного пандемией COVID-19, отразилось и на европейском рынке труда. В 2021 году экономика ЕС создала более 5,2 млн рабочих мест и привлекла на рынок труда почти 3,5 млн человек. Кроме того, число безработных сократилось почти на 1,8 млн, а уровень безработицы в конце 2021 года оказался самым низким за всю историю ЕС. Тем не менее общее количество отработанных часов и количество часов, отработанных на одного работника, оставались ниже допандемийного уровня (см. рис. 5).

В конце 2021 года рынок труда ЕС демонстрировал рекордные изменения по нескольким ключевым показателям. В последнем квартале 2021 года численность занятых в ЕС вновь выросла, что означало продолжение трехгодичного тренда. Высокие темпы создания рабочих мест в последнем квартале 2021 года позволили трудоустроить дополнительно 1,3 млн человек — на 0,6 % больше, чем в предыдущем квартале. Уровень активности в ЕС увеличился на 0,2 процентного пункта — до 64,5 %, тогда как уровень безработицы снизился с 6,8 до 6,5 % по сравнению с предыдущим кварталом.

Наибольший вклад в рост занятости внес государственный сектор. Хорошие показатели 2021 года были в значительной мере обусловлены увеличением числа занятых в области государственного управления, обороны, образования, здравоохранения и социальной работы¹. Таким образом, можно уверенно утверждать, что вызванный пандемией спад на рынке труда в ЕС к концу 2021 года был преодолен. Показатели долей безработных и тех, кто может работать, но не ищет работу, в значительной степени вернулась к уровням, зафиксированным до пандемии.

¹ Данные национальных счетов. Комбинация секторов О, Р и Q в NACE Rev. 2 данных обследования рабочей силы приводит к тем же выводам.

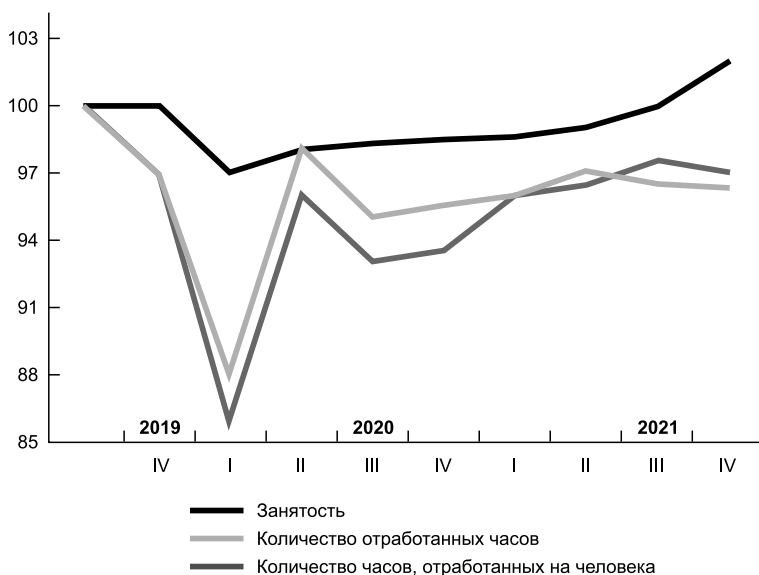

Рис. 5. Динамика показателей рынка труда в странах ЕС в 2019–2021 годах

Источник: European Economic Forecast, Spring 2022 // Institutional Paper. 2022. May. № 173. P. 33. URL: https://economy-finance.ec.europa.eu/system/files/2022-05/ip173_en.pdf.

При этом очевидно, что военные действия на Украине негативно влияют на экономику ЕС и это рано или поздно должно привести к ухудшению ситуации в том числе на рынке труда.

Восстановление количества отработанных часов отставало от численности занятых, что свидетельствует о сохраняющемся недоиспользовании рабочей силы. Поскольку экономическая активность была ослаблена новой волной пандемии, в четвертом квартале 2021 года использование схем сохранения рабочих мест снова увеличилось¹. В этот период общее количество отработанных часов увеличилось на 0,2 %, это меньше, чем численность занятых. Таким об-

¹ Согласно оценкам ЕЦБ, работники, охваченные программами сохранения рабочих мест, составляли 1,6 % от общей численности рабочей силы в декабре 2021 года. Предполагалось, что в феврале 2022 года эта доля упадет до 1,3 % (см.: Contrasting U.S. and European Job Markets during COVID-19 / J.-B. Eyméoud, N. Petrosky-Nadeau, R. Santaaulàlia-Llopis [et al.] // FRBSF Economic Letter. 2021. Vol 5. URL: <https://www.frbsf.org/wp-content/uploads/sites/4/el2021-05.pdf>).

разом, среднее количество отработанных часов на одного занятого сократилось после трех кварталов роста. В конце 2021 года значение показателя было на 1,1 % ниже уровня, существовавшего до пандемии. Подобное положение дел имело место во всех основных секторах экономики, за исключением сельского хозяйства, финансовой и страховой деятельности. Хотя во время пандемии схемы сохранения рабочих мест сыграли решающую роль в защите занятости и доходов, они, возможно, привели к сокращению количества отработанных часов и слабой реакции предложения рабочей силы на изменение отраслевых моделей спроса¹.

Одним из следствий оживления на рынке труда стал неудовлетворенный спрос на рабочую силу. Взрывное восстановление такого спроса нашло отражение в увеличении числа вакантных мест в 2021 году. Все основные секторы сообщили об увеличении доли вакансий после сокращения до минимума во втором квартале 2020 года. В условиях рекордно низкого уровня безработицы и быстрого и существенного увеличения числа предложений от работодателей рынки труда в ЕС к концу 2021 года стали в большой мере дефицитными. Опросы Европейской комиссии подтверждают в целом высокий спрос на рабочую силу. Несмотря на то, что в четвертом квартале 2021 года практически во всех секторах создавались рабочие места, доля менеджеров, сообщающих о нехватке работников как об ограничивающем производство факторе, увеличилась в промышленности, строительстве, сфере услуг. Еще больше, согласно этим же источникам, дефицит работников возрос в первом квартале 2022 года, но во втором квартале его уровень стабилизировался. Нехватка рабочей силы была особенно заметна в нескольких секторах сферы услуг, таких как компьютерное программирование, наземный и воздушный транспорт.

Структура роста занятости отражает факторы восстановления спроса на труд и тенденции, усилившиеся в результате пандемии. Занятость увеличивалась особенно в тех сферах, которые легче поддаются переводу на удаленную работу, и эта тенденция усилилась в результате пандемии COVID-19. Рост занятости в информационно-коммуникационном секторе привел к созданию дополнительных рабочих мест (рост на 8,5 % с начала 2020 г.). В условиях резкого роста спроса на рабочую силу после возобновления экономического роста весной 2021 года занятость в оптовой и розничной торговле, транс-

¹ Contrasting U.S. and European Job Markets during COVID-19.

порте, отельном бизнесе и общественном питании продемонстрировала хорошие показатели, хотя и оставалась ниже, чем до пандемии, поскольку сфера туризма восстановилась не полностью. В то же время рост занятости в обрабатывающей промышленности был небольшим вплоть до третьего квартала 2021 года, но в четвертом квартале увеличился на 0,5 %, при этом занятость в данном секторе все еще была ниже, чем до пандемии.

Изменения количества отработанных часов и численности занятых не совпадают с динамикой производительности труда. В отличие от числа занятых, в начале 2020 года количество отработанных часов резко сократилось. В результате производительность труда на одного работника сильно упала и только в конце 2021 года сократился разрыв этого показателя с его уровнем до пандемии. При этом производительность в расчете на один отработанный час продолжала расти в течение 2020 и 2021 годов по сравнению с допандемийным уровнем, хотя и более медленными темпами, чем до кризиса, связанного с COVID-19.

Несмотря на высокий спрос на рынке труда и резкий рост потребительских цен, заработная плата до сих пор остается сравнительно низкой. Показатель ставок заработной платы в еврозоне увеличился на 1,6 % в четвертом квартале 2021 года по сравнению с тем же периодом 2020 года. Несмотря на некоторые искажения из-за применения схем сохранения рабочих мест, можно утверждать, что годовой темп изменения вознаграждения работников в четвертом квартале 2021 года достиг 4 % на человека, превысив средний показатель за период после 2009 года. С учетом среднего уровня инфляции в 4,6 % в последнем квартале 2021 года реальная заработная плата фактически снизилась.

При этом неравенство на рынке труда, вызванное пандемией COVID-19, было частично преодолено. Пандемия затронула некоторые группы населения сильнее, чем другие. Особенно уязвимыми оказались молодежь, работающие по временным контрактам и низкоквалифицированные работники. По состоянию на конец 2021 года уровень занятости лиц с самым низким уровнем образования еще не начал восстанавливаться. Занятость молодых работников вернулась к допандемийным показателям благодаря быстрому росту в третьем и четвертом кварталах 2021 года. Занятость пожилых людей лишь незначительно сократилась в 2020 году и начала расти в 2021-м. Участие в трудовой деятельности женщин и мужчин продолжало расти примерно равными темпами после спада в 2020 году.

И все же, несмотря на общее улучшение ситуации на рынке труда ЕС в конце 2021 года, восстановление после кризиса, вызванного пандемией, в ряде стран оставалось вялым. В частности, рынки труда в Болгарии, Чехии, Германии, Латвии, Румынии и Словакии продолжали отставать с точки зрения количества отработанных часов, а также по числу занятых и безработных. При этом Греция, Франция и Хорватия, наоборот, продемонстрировали высокие показатели как по количеству отработанных часов, так и по численности занятых, а также по снижению уровня безработицы, то есть в этих странах ситуация улучшилась по сравнению с положением дел до пандемии.

Несмотря на обозначенные выше негативные тенденции в экономике ЕС из-за военных действий на Украине и беспрецедентного ужесточения антироссийских санкций, по итогам 2022 года и в 2023-м ожидается некоторое улучшение ситуации на рынке труда стран ЕС. Снижение ежемесячного уровня безработицы с 6,4 % в декабре 2021 года до 6,2 % в марте 2022-го указывает на высокую вероятность дальнейшего роста занятости. В марте 2022 года индекс деловой активности в сфере занятости давал основание для прогноза дальнейшего роста занятости по всей еврозоне несколько более высокими темпами по сравнению с предыдущими тремя месяцами. Кроме того, опросы, проводимые Европейской комиссией, показывают, что дальнейшее создание рабочих мест в краткосрочной перспективе может иметь место во всех обследованных секторах. В феврале, марте и апреле 2022 года в связи с постепенным снятием связанных с пандемией ограничений менеджеры в секторе услуг сообщали об увеличении спроса на рабочую силу. Ожидания занятости в строительстве оставались примерно на том же повышенном уровне в течение четырех месяцев подряд, что немного ниже рекордно высоких уровней, зафиксированных осенью 2021 года. Результаты мартовских и апрельских опросов в промышленности, напротив, показывают некоторое ослабление ожиданий в отношении занятости, поскольку ситуация в экономике после введения беспрецедентных антироссийских санкций подорвала доверие к сектору.

Таким образом, прогнозируется, что в ЕС численность занятых возрастет на 1,2 % по итогам 2022 года, а затем еще на 0,7 % в 2023 году. Показатель роста занятости в 2022 году в значительной степени обусловлен сильным импульсом роста, полученным во второй половине 2021 года, однако ожидается, что по итогам 2022 года

процесс создания новых рабочих мест сильно замедлится на фоне ослабления этого импульса из-за событий на Украине. Поскольку напряженность (некоторый дефицит рабочей силы) на рынке труда сохраняется по всему ЕС, ожидается, что рост рабочей силы будет поддерживаться продолжающейся активизацией людей после резкого сокращения рабочей силы в 2020 году из-за пандемии. Ожидается, что украинские беженцы будут постепенно выходить на рынки труда, но результаты этого процесса станут видны только в 2023 году. Согласно прогнозам, численность занятых во всех государствах ЕС в течение прогнозируемого периода будет расти заметно различающимися темпами. При этом ожидается, что уровень занятости в девяти государствах ЕС останется ниже, чем был до пандемии (рис. 6).

Таким образом, прогнозируется дальнейшее снижение уровня безработицы в ЕС до 6,7 % в 2022 году и до 6,5 % в 2023-м. Ожидается, что этому будут способствовать как сокращение числа безработных, так и увеличение численности рабочей силы. Предполагается, что эта тенденция будет характерна для большинства стран ЕС. При этом прогнозируется, что оплата труда лишь частично компенсирует инфляцию в 2022 году. В ЕС заработная плата работников, по прогнозам, увеличится на 3,8 % по итогам 2022-го и на 3,7 % в 2023 году на человека. Эти темпы роста превышают значения, которые были зафиксированы до пандемии. Однако по итогам 2022 года ожидается снижение реальной заработной платы, в то время как в 2023 году она может умеренно увеличиться. На фоне резкого роста производственных издержек и возросшей неопределенности в отношении перспектив экономического роста и занятости на первый план выходят опасения по поводу гарантий самой занятости, а не повышения заработной платы. Также ожидается, что рост номинальной заработной платы будет сильно варьироваться по отдельным странам ЕС, но снижение реального содержания заработной платы будет характерно для большинства стран. На фоне значительного ослабления экономической активности прогнозируется незначительный рост занятости на одного работника — до 1,2 % в 2022-м и до 1,5 % в 2023 году.

Данные табл. 12 позволяют получить представление о динамике прогнозов занятости на 2022–2023 годы. Примечательно, что по большинству показателей весной 2022 года давался более оптимистичный прогноз по сравнению с осенью 2021-го.

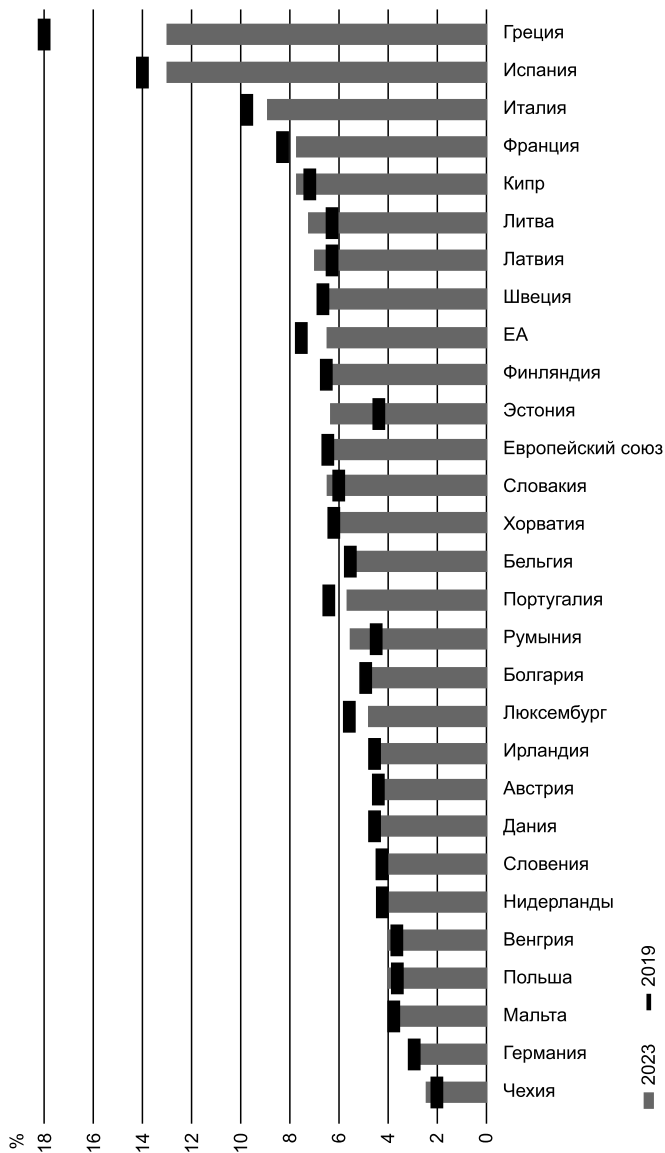

Рис. 6. Уровень безработицы в ЕС

Источник: European Economic Forecast. Spring 2022 // Institutional Paper. 2022. May. № 173. P. 38. URL: https://economy-finance.ec.europa.eu/system/files/2022-05/ip173_en.pdf.

Таблица 12

Динамика основных показателей занятости в ЕС (2022 и 2023 гг. — прогнозные значения)

Годовые изменения (%)	Зона евро						Европейский союз					
	Прогноз весеннего периода 2022 г.			Прогноз осеннего периода 2021 г.			Прогноз весеннего периода 2022 г.			Прогноз осеннего периода 2021 г.		
	2020	2021	2022	2023	2021	2022	2023	2020	2021	2022	2023	2023
Население трудоспособного возраста (15–64 года)	0,2	0,1	0,1	0,1	0,2	0,2	0,2	0,1	0,0	0,0	0,0	0,1
Рабочая сила	-1,1	0,9	0,7	0,5	0,8	0,7	0,5	-1,0	0,5	0,8	0,5	0,6
Трудоустройство	-1,5	1,1	1,3	0,8	0,8	1,0	0,7	-1,4	0,7	1,2	0,7	1,0
Занятость (изменение в млн человек)	-2,5	1,8	2,0	1,2	1,3	1,7	1,1	-2,9	1,5	2,6	1,5	2,0
Безработица (млн человек)	12,8	12,6	11,9	11,6	12,9	12,3	12,1	15,2	15,0	14,3	13,9	14,4
Уровень безработицы (% от рабочей силы)	8,0	7,7	7,3	7,0	7,9	7,5	7,3	7,2	7,0	6,7	6,5	6,5
Производительность труда, экономика в целом	-3,2	4,2	1,1	1,3	3,0	2,7	1,4	-3,3	4,6	1,2	1,5	2,9
Уровень занятости (% населения в трудоспособном возрасте)	61,9	62,5	63,3	63,7	62,2	62,7	63,0	61,4	61,9	62,7	63,1	62,4

Источник: European Economic Forecast. Spring 2022 // Institutional Paper. 2022. May. № 173. P. 38. URL: https://economy-finance.ec.europa.eu/system/files/2022-05/ip173_en.pdf.

В июле 2022 года уровень безработицы в еврозоне с учетом сезонных колебаний составил 6,6 %, снизившись с 6,7 % в июне 2022-го и с 7,7 % в июле 2021-го. Уровень безработицы в ЕС составил 6,0 % в июле 2022 года, снизившись с 6,1 % в июне 2022-го и с 6,9 % в июле 2021 года. По оценкам Евростата, в июле 2022 года 12 млн 959 тыс. мужчин и женщин в ЕС, из которых 10 млн 983 тыс. в еврозоне, были безработными. По сравнению с июнем 2022 года число безработных сократилось на 113 тыс. в ЕС и на 77 тыс. человек в еврозоне. По сравнению с июлем 2021 года безработица снизилась на 1 млн 854 тыс. в ЕС и на 1 млн 576 тыс. человек в еврозоне.

О текущей ситуации на рынке труда в странах ЕС по сравнению с недавним прошлым позволяют судить данные рис. 7.

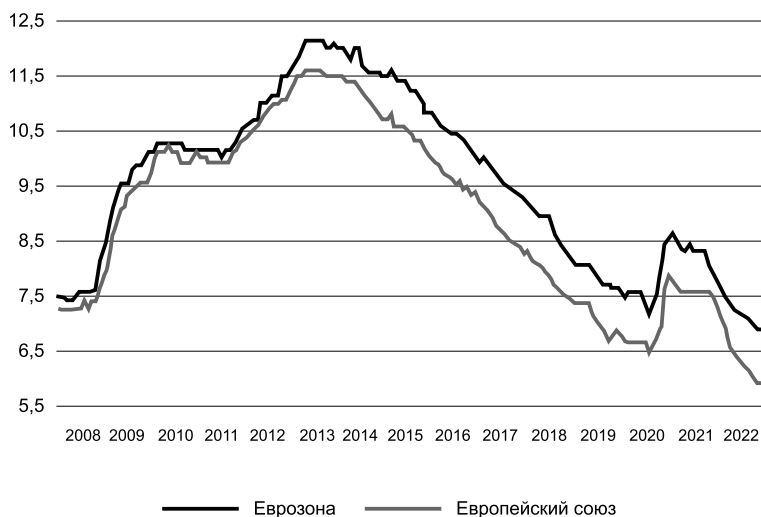

Рис. 7. Уровень безработицы в Европейском союзе и в странах еврозоны в 2008–2022 годах (%)

Источник: Euro area unemployment at 6,6 % // Eurostat. Euro Indicators. 2022. July. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/documents/2995521/14698171/3-01092022-AP-EN.pdf/5a4f3990-b8b6-5e7b-4dfa-d97483802398>.

В 2008–2013 годах в странах ЕС и еврозоны был отмечен существенный рост безработицы. За этот период уровень безработицы вырос с 7,5 до 12 %. Примерно с 2014 года уровень безработицы начал

постепенно снижаться. В 2020 году на фоне пандемии COVID-19 безработица вновь начала расти, а с 2021 года — снижаться.

Отдельно рассмотрим ситуацию в молодежном сегменте рынка труда ЕС. В июле 2022 года 2 млн 630 тыс. людей в возрасте до 25 лет были безработными в ЕС, из них 2 млн 173 тыс. — в еврозоне. В июле 2022 года уровень безработицы среди молодежи составил 14,0 % в ЕС и 14,2 % в еврозоне по сравнению с 14,2 и 14,4 % в июне соответственно. По сравнению с июнем 2022 года безработица среди молодежи снизилась на 55 тыс. человек в ЕС и на 35 тыс. в еврозоне. По сравнению с июлем 2021 года безработица среди молодежи снизилась на 329 тыс. человек в ЕС и на 244 тыс. в еврозоне.

Динамика молодежной безработицы в ЕС и странах еврозоны в 2008–2022 годах в значительной мере аналогична динамике безработицы в целом (рис. 8). Различия в уровне безработицы — в 2–2,5 раза. Так, в период с 2008 по 2012 год уровень молодежной безработицы вырос с 15,1 до 25,3 %, в период пандемии — до 20 %.

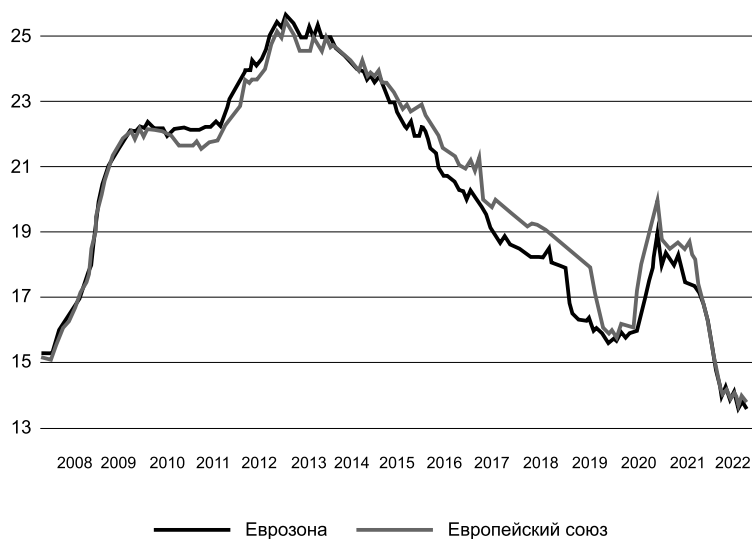

Рис. 8. Уровень молодежной безработицы в Европейском союзе и в странах еврозоны в 2008–2022 годах (%)

Источник: Euro area unemployment at 6,6 % // Eurostat. Euro Indicators. 2022. July. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/documents/2995521/14698171/3-01092022-AP-EN.pdf/5a4f3990-b8b6-5e7b-4dfa-d97483802398>.

В июле 2022 года уровень безработицы среди женщин в ЕС составил 6,4 %, среди мужчин — 5,7 %. В табл. 13–15 представлены данные о безработице в некоторые месяцы 2021 и 2022 годов. Отдельно приводятся данные по молодежной безработице и безработице среди мужчин и женщин.

Как следует из табл. 13, в большинстве стран ЕС уровень безработицы в июле 2022 года был меньше по сравнению с июлем 2021-го. Исключение составляют Дания и Кипр. В то же время в ряде других стран ЕС (Бельгия, Болгария, Нидерланды, Финляндия) в апреле–июле 2022 года наметилась тенденция к некоторому росту безработицы. В остальных странах ЕС уровень безработицы оставался прежним или снижался.

В табл. 14 представлены аналогичные данные для людей в возрасте до 25 лет. В некоторых странах (Болгария, Дания, Эстония, Мальта) уровень безработицы в июле 2022 года был выше по сравнению с июлем 2021 года. В апреле–июле 2022 года молодежная безработица также несколько росла в Ирландии. В других странах наблюдался стабильный или снижающийся уровень молодежной безработицы.

В табл. 15 представлены аналогичные данные отдельно для мужчин и женщин. Исходя из этих данных, можно сделать аналогичные выводы. В большинстве стран ЕС безработица была в июле 2022 года меньше, чем в июле 2021 года. По некоторым показателям имели место гендерные различия. Так, на Кипре выросла мужская безработица, в то время как женская сократилась. То же самое наблюдалось в Словении. Если оценивать ситуацию в целом, то можно заключить, что, несмотря на очевидные трудности для экономики стран ЕС, возникшие в связи с беспрецедентным ужесточением антироссийских санкций, к июлю 2022 года это не привело к существенному росту безработицы. Благоприятная конъюнктура на европейском рынке труда, сложившаяся в 2021 году, сохранилась и в первой половине 2022 года, поэтому в большинстве стран ЕС продолжилась наметившаяся еще в 2021 году тенденция к снижению уровня безработицы. Схожая динамика отмечалась и в третьем квартале 2022 года. В большинстве стран ЕС безработица в октябре продолжала снижаться по сравнению с июлем, и лишь в отдельных странах она несколько выросла.

Таким образом, можно предположить, что негативное влияние ужесточения антироссийских санкций на рынок труда в ЕС пока проявляется, прежде всего, в сокращении реальной ставки заработной платы, то есть в отставании роста номинальной заработной платы

от темпов инфляции. Также не исключено, что на фоне прекращения антиковидных мер и дефицита рабочей силы в некоторых отраслях темпы сокращения безработицы могли быть еще больше, если бы не общее ухудшение ситуации в экономике из-за санкционной войны против России. Нельзя исключить и значительного временного лага в воздействии общего изменения ситуации в экономике стран ЕС на национальные рынки труда. Возможно, темп увеличения безработицы возрастет, а вышеупомянутые прогнозы будут пересмотрены в худшую сторону.

На основании проведенного анализа можно сделать следующие выводы.

1. Беспрецедентное ужесточение антироссийских санкций после начала СВО на Украине оказало и продолжает оказывать существенное влияние на экономику стран ЕС. В частности, речь идет о таких факторах, как: повышение цен на энергоносители, сельскохозяйственные товары и некоторые промышленные металлы; сбои в логистических цепочках, увеличение издержек; сокращение инвестиционной активности; некоторое снижение покупательной способности населения ЕС; ограниченность внешнего спроса на товары, производимые в ЕС; некоторая дестабилизация финансового рынка. В этих условиях общая конъюнктура ухудшается, темпы экономического роста в 2022–2023 годах оказываются ниже прогнозируемых.

Экономики стран ЕС в разной степени подвержены негативному влиянию конъюнктуры. Наиболее уязвимыми являются экономики стран Балтии, Центральной и Восточной Европы, а также Кипра, Италии, Германии и Нидерландов. Уязвимость определяется уровнем развития торговой кооперации и стоимостью российских активов, принадлежащих гражданам этих стран.

2. Динамику рынка труда до сих пор трудно интерпретировать однозначно. В 2021 году ситуация на рынке труда в большинстве стран ЕС начала улучшаться. Частично эта тенденция продолжилась и в 2022 году, что выразилось в снижении уровня безработицы в большинстве европейских стран. Ухудшение же ситуации проявляется прежде всего в снижении реальной заработной платы, так как темпы роста номинальной ставки заработной платы отстают от темпов роста инфляции. Нельзя исключать, что негативное воздействие текущего характера развития экономической конъюнктуры скажется на рынке труда ЕС с некоторым временным лагом. Поэтому по данной проблематике необходимы дальнейшие исследования.

Таблица 13

Безработица с учетом сезонных колебаний, всего

Регион	Доля (%)				Количество человек (тыс.)					
	Июль 2021	Апрель 2022	Май 2022	Июль 2022	Июль 2022	Июль 2021	Апрель 2022	Май 2022	Июль 2022	Июль 2022
Еврозона	7,7	6,7	6,7	6,7	6,6	12 559	11 101	11 053	11 060	10 983
ЕС	6,9	6,1	6,1	6,1	6,0	14 813	13 143	13 108	13 072	12 959
Бельгия	6,2	5,6	5,8	5,9	5,9	325	296	307	312	308
Болгария	5,1	4,4	4,5	4,5	4,6	165	145	147	147	150
Чехия	2,6	2,5	2,5	2,4	2,3	141	130	131	127	122
Дания	4,6	4,3	4,4	4,6	4,6	139	134	137	143	144
Германия	3,5	2,9	2,9	2,9	2,9	1516	1268	1262	1263	1267
Эстония	6,2	5,5	5,8	5,9	5,8	43	39	41	42	42
Ирландия	5,8	4,6	4,2	4,3	4,2	149	122	113	114	113
Греция	14,3	12,5	12,5	12,3	11,4	671	589	591	579	530
Испания	15,1	12,9	12,6	12,6	12,6	3513	3017	2953	2949	2969
Франция	7,9	7,5	7,6	7,6	7,5	2371	2294	2336	2339	2289
Хорватия	7,5	6,3	6,2	6,3	6,4	136	114	113	115	116
Италия	9,1	8,2	8,0	8,0	7,9	2282	2059	2011	2009	1978
Кипр	6,8	6,8	6,9	7,4	8,0	32	33	33	36	39
Латвия	7,7	6,6	6,5	6,4	6,5	72	63	61	61	62
Литва	7,0	5,4	5,4	5,4	5,2	103	81	81	82	78
Люксембург	5,2	4,2	4,2	4,2	4,3	17	14	14	14	14
Венгрия	4,1	3,4	3,5	3,0	3,5	199	164	172	146	172
Мальта	3,3	3,0	3,0	2,9	2,9	9	9	9	8	8
Нидерланды	4,1	3,2	3,3	3,4	3,6	393	316	323	339	353

Окончание табл. 13

Регион	Доля (%)				Количество человек (тыс.)				
	Июль 2021	Апрель 2022	Май 2022	Июнь 2022	Июль 2022	Июль 2021	Апрель 2022	Май 2022	Июнь 2022
Австрия	5,0	4,4	4,7	4,2	4,6	278	203	218	194
Польша	3,3	2,7	2,7	2,6	2,6	566	468	464	455
Португалия	6,6	5,9	6,0	6,0	5,9	341	304	311	310
Румыния	5,3	5,5	5,5	5,4	5,2	436	452	456	449
Словения	4,4	4,4	4,5	4,4	4,2	46	45	46	45
Словакия	6,8	6,3	6,3	6,2	6,2	187	175	174	173
Финляндия	7,8	6,6	6,7	6,7	6,8	216	186	187	189
Швеция	8,9	7,6	7,5	7,4	7,4	493	426	422	419
Исландия	5,4	4,0	4,0	4,0	4,1	11	9	9	9
Норвегия	4,5	3,1	3,1	3,1	3,1	130	92	92	93
Швейцария	5,1	4,4	4,4	4,3	—	251	219	219	213
Соединенные Штаты Аме- рики	5,4	3,6	3,6	3,6	3,5	8640	5856	5893	5950
									5665

Источник: Euro area unemployment at 6,6 % // Eurostat. Euro Indicators. 2022. July. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/documents/2995521/14698171/3-01092022-AP-EN.pdf/5a4f3990-b8b6-5c7b-4dfa-d97483802398>.

Таблица 14

Безработица среди лиц моложе 25 лет (с учетом сезонных колебаний)

Регион	Доля (%)				Количество человек (тыс.)					
	Июль 2021	Апрель 2022	Май 2022	Июль 2022	Июль 2022	Июль 2021	Апрель 2022	Май 2022	Июль 2022	Июль 2022
Еврозона	16,3	14,3	14,0	14,4	14,2	2417	2182	2136	2208	2173
ЕС	16,1	14,3	13,9	14,2	14,0	2959	2669	2610	2685	2630
Бельгия	18,4	16,7	16,7	16,7	—	78	69	69	69	—
Болгария	16,1	11,2	11,5	12,0	13,1	19	15	16	16	17
Чехия	7,9	8,4	6,5	7,4	6,3	21	23	18	21	17
Дания	8,8	8,5	9,3	9,5	9,9	37	37	41	43	45
Германия	6,7	5,5	5,5	5,5	5,6	292	237	237	238	240
Эстония	18,7	15,3	21,6	24,4	24,5	10	8	12	14	14
Ирландия	12,4	9,1	9,5	10,8	10,9	41	34	35	39	42
Греция	34,0	29,7	29,3	27,4	28,6	74	68	69	66	63
Испания	33,3	28,4	27,2	27,3	26,9	530	467	449	456	447
Франция	19,1	17,5	17,7	17,6	17,0	596	581	593	592	567
Хорватия	20,1	15,6	15,6	15,6	—	29	23	23	23	—
Италия	27,6	24,6	22,6	23,9	24,0	399	371	342	372	371
Кипр	14,9	18,4	18,4	18,4	—	6	7	7	7	—
Латвия	15,1	12,8	13,3	13,7	14,5	9	8	9	9	9
Литва	15,0	12,0	11,0	10,9	11,6	15	12	11	11	11
Люксембург	17,3	15,7	15,5	15,5	15,7	4	4	4	4	4
Венгрия	16,3	11,6	10,3	8,7	10,8	52	35	31	25	33
Мальта	7,6	8,9	9,4	9,2	9,8	2	3	3	3	3
Нидерланды	8,8	6,9	7,2	7,5	7,8	148	121	127	131	136

Окончание табл. 14

Регион	Доля (%)				Количество человек (тыс.)					
	Июль 2021	Апрель 2022	Май 2022	Июнь 2022	Июль 2022	Июль 2021	Апрель 2022	Май 2022	Июнь 2022	Июль 2022
Австрия	10,3	10,5	8,7	9,7	9,9	54	53	45	49	51
Польша	11,8	9,2	8,9	8,6	8,4	125	97	93	89	86
Португалия	23,1	20,5	18,4	18,9	17,8	78	68	60	61	57
Румыния	21,0	22,7	—	—	—	111	116	—	—	—
Словения	12,4	12,3	12,3	12,3	—	10	9	9	9	—
Словакия	20,5	20,2	19,8	19,8	19,5	29	29	29	29	28
Финляндия	17,3	14,2	14,2	14,2	14,1	54	44	44	44	44
Швеция	25,1	21,3	20,8	20,3	19,9	156	140	138	136	135
Исландия	9,9	9,1	8,6	8,4	8,6	3	3	3	3	3
Норвегия	14,0	7,1	11,6	10,2	8,1	59	28	50	42	33
Швейцария	8,8	8,6	8,9	8,6	—	51	50	51	49	—

Источник: Euro area unemployment at 6,6 % // Eurostat. Euro Indicators, 2022. July. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/documents/2995521/14698171/3-01092022-AP-EN.pdf/5a4f3990-b8b6-5e7b-4dfa-d97483802398>.

Таблица 15

Уровень безработицы среди мужчин и женщин (%)
(с учетом сезонных колебаний)

Регион	Мужчины					Женщины				
	Июль 2021	Апрель 2022	Май 2022	Июль 2022	Июль 2022	Июль 2021	Апрель 2022	Май 2022	Июль 2022	Июль 2022
Еврозона	7,3	6,3	6,3	6,3	6,3	8,1	7,1	7,1	7,1	7,0
ЕС	6,6	5,8	5,8	5,7	5,7	7,3	6,5	6,4	6,4	6,4
Бельгия	6,5	5,9	6,1	6,3	6,1	5,9	5,4	5,5	5,5	5,5
Болгария	5,2	4,6	4,8	4,8	4,9	5,0	4,2	4,2	4,2	4,3
Чехия	2,3	2,0	1,8	1,9	1,8	3,1	3,1	3,3	3,1	3,0
Дания	4,6	4,0	4,2	4,4	4,5	4,6	4,6	4,6	4,8	4,6
Германия	3,9	3,2	3,1	3,1	3,1	3,1	2,6	2,6	2,6	2,7
Эстония	6,6	6,5	6,5	6,8	6,8	5,8	4,5	5,1	4,9	4,9
Ирландия	5,9	4,7	4,4	4,2	4,1	5,7	4,5	4,1	4,3	4,3
Греция	11,0	9,5	9,5	9,3	9,5	18,5	16,1	16,2	15,9	13,8
Испания	13,4	11,3	11,0	11,0	11,1	16,9	14,6	14,3	14,3	14,3
Франция	7,8	7,6	7,7	7,8	7,6	7,9	7,4	7,5	7,5	7,4
Хорватия	7,2	5,7	5,6	5,7	5,7	7,8	7,0	7,0	7,1	7,2
Италия	8,2	7,2	7,0	7,1	6,9	10,4	9,5	9,4	9,2	9,2
Кипр	6,9	6,2	6,2	6,2	6,6	6,7	7,5	7,7	8,7	9,6
Латвия	9,1	8,0	8,0	8,1	8,3	6,2	5,2	4,9	4,7	4,7
Литва	7,5	5,9	5,9	6,0	5,7	6,5	4,9	4,8	4,9	4,7
Люксембург	4,8	4,0	3,9	4,0	4,0	5,6	4,5	4,5	4,5	4,5
Венгрия	4,2	3,6	3,4	3,2	3,6	4,0	3,1	3,6	2,8	3,5
Мальта	3,8	3,2	3,1	3,1	3,1	2,7	2,7	2,8	2,7	2,6

Окончание табл. 15

Регион	Мужчины				Женщины			
	Июль 2021	Апрель 2022	Май 2022	Июль 2022	Июль 2021	Апрель 2022	Май 2022	Июль 2022
Нидерланды	3,8	3,0	3,0	3,3	3,4	3,4	3,6	3,8
Австрия	6,1	4,5	5,0	4,3	4,9	4,2	4,4	4,2
Польша	3,3	2,4	2,3	2,3	2,2	3,1	3,1	3,0
Португалия	6,1	5,4	5,7	5,8	5,6	6,4	6,3	6,2
Румыния	5,9	5,9	6,0	6,0	5,8	4,9	4,8	4,3
Словения	4,6	4,1	4,2	4,1	3,8	4,7	4,8	4,6
Словакия	6,7	6,2	6,1	6,0	6,0	6,4	6,4	6,4
Финляндия	8,4	6,9	7,0	7,1	7,2	6,4	6,4	6,3
Швеция	8,6	7,1	7,0	6,9	6,8	8,2	8,1	8,0
Исландия	5,3	4,2	4,2	4,3	4,4	3,8	3,7	3,8
Норвегия	5,3	2,9	4,2	3,4	3,2	2,4	3,3	2,5
Швейцария	5,0	4,2	4,2	4,1	—	4,7	4,7	—

Источник: Euro area unemployment at 6,6 % // Eurostat. Euro Indicators. 2022. July. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/documents/2995521/14698171/3-01092022-AP-EN.pdf/5a4f3990-b8b6-5e7b-4dfa-d97483802398>.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С 2014 года в отношениях России и ЕС постоянно присутствует санкционный компонент. Периодически вводятся все новые санкции и контрсанкции. Но такая практика является довольно распространенной в мире — неслучайно феномен санкций стал предметом многочисленных исследований, результаты которых носят междисциплинарный характер. Широко применяются различные виды моделирования, анализируются эмпирические данные, даже появился специальный раздел экономической теории «Политическая экономия санкций». Проведенный в настоящей работе обзор основных теоретических подходов позволяет заключить, что большинство авторов крайне неоднозначно трактуют понятие «успех санкций». Исследования взаимоотношений между страной-инициатором и целевой страной показывают, что результат введения санкций зависит от множества разнообразных экономических, политических, институциональных и социально-культурных факторов. Зачастую наложение санкций приводит к эффекту, противоположному ожидаемому: укрепляет позиции целевой страны и ослабляет позиции страны-инициатора.

В контексте неоднозначности результатов введения санкций определен предмет настоящего исследования. Речь идет о влиянии санкций, введенных ЕС против России, на европейский рынок труда. В 2014–2021 годах санкции ЕС против России носили умеренный характер. В основном это были персональные и секторальные санкции, во многих случаях речь шла об ужесточении условий кредитования для отдельных компаний. Однако в целом торговые и инвестиционные взаимоотношения между Россией и ЕС оставались на довольно высоком уровне, поэтому санкционный режим в этот период не оказал существенного влияния на европейский рынок труда. Более того, в 2014–2019 годах там наметились позитивные тенденции, связанные с ростом занятости и сокращением безработицы. В 2020 году пандемия значительно ухудшила положение дел на рынке труда большинства стран ЕС, но с 2021 года уровень занятости вновь начал расти.

Ситуация кардинально изменилась после 24 февраля 2022 года. ЕС резко ужесточил антироссийские санкции. За несколько месяцев было введено восемь санкционных пакетов, наложены значительные торговые ограничения, под санкции попали многие виды това-

ров. Это существенно повлияло на характер торговых взаимоотношений России и ЕС и оказало воздействие на мировую экономическую конъюнктуру. То же можно сказать и об уходе многих европейских компаний с российского рынка. В результате экономика ЕС сталкивается с новыми реалиями, свидетельствующими о возможности наступления рецессии. Речь идет о росте цен на энергоносители, сельскохозяйственную продукцию и некоторые виды металлов. Существенно нарушены и логистические цепочки, что приводит к дополнительным издержкам. При этом европейские компании сталкиваются с ограничением спроса как на внутреннем, так и на внешних рынках. Ухудшаются также условия предоставления кредитов и общая ситуация на финансовых рынках. Все эти факторы обычно являются предвестниками экономического спада.

Однако в 2021 году в результате реализации программы восстановления после пандемии экономика ЕС получила некоторые импульсы для экономического роста, которые частично сохранялись и в 2022 году. Все упомянутые факторы принимаются во внимание при составлении прогнозов развития экономики ЕС в ближайшем будущем. Речь идет преимущественно о корректировке в сторону понижения ожидаемых темпов экономического роста. Что касается ситуации на рынке труда, то в первые три квартала 2022 года роста безработицы не произошло. При этом из-за высокой инфляции снижается реальная ставка заработной платы.

В ближайшее время ситуация на рынке труда ЕС останется неопределенной, так что дальнейшие исследования данной проблематики представляются целесообразными.

ЛИТЕРАТУРА

Иностранные инвесторы ожидают крупнейшего падения инвестиций в Россию за последние 11 лет. — Текст : электронный // Деловой Петербург. — 2022, 9 июня. — URL: https://www.dp.ru/a/2022/06/09/Inostrannie_investori_ozhi (дата обращения: 11.12.2022).

Исследование инвестиционной привлекательности стран Европы за 2020 год: Россия. — URL: https://assets.ey.com/content/dam/ey-sites/ey-com/ru_ru/news/2021/06/european-attractiveness-survey-2021-russia-ver-2.pdf (дата обращения: 15.12.2022). — Текст : электронный.

Осипов, В. С. Политическая экономия санкций: предмет и метод / В. С. Осипов. — Текст : непосредственный // Вестник Института экономики РАН. — 2015. — № 2. — С. 102–114.

Политика санкций: цели, стратегии, инструменты : хрестоматия / составители И. Н. Тимофеев, В. А. Морозов, Ю. С. Тимофеева. — [2-е изд., перераб. и доп.]. — Москва : НП РСМД, 2020. — 454 с. — Текст : непосредственный.

Россия в цифрах. 2017 : [краткий статистический сборник]. — Москва : Росстат, 2017. — Текст : непосредственный.

Россия в цифрах. 2018 : [краткий статистический сборник]. — Москва : Росстат, 2018. — Текст : непосредственный.

Россия в цифрах. 2019 : [краткий статистический сборник]. — Москва : Росстат, 2019. — Текст : непосредственный.

Россия в цифрах. 2020 : [краткий статистический сборник]. — Москва : Росстат, 2020. — Текст : непосредственный.

Россия в цифрах. 2021 : [краткий статистический сборник]. — Москва : Росстат, 2021. — Текст : непосредственный.

Савицкая, К. С. Санкционные войны и их последствия / К. С. Савицкая, А. С. Абросимова. — Текст : электронный // Экономические отношения. — 2016. — Т. 6, № 3. — С. 49–53. — URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_29970147_11477334.pdf (дата обращения: 11.02.2023).

Страны Центрально-Восточной Европы в санкционной войне Запада против России: политические позиции и экономические последствия : доклад / под редакцией Ю. К. Князева. — Москва : Ин-т экономики РАН, 2015. — 49 с. — Текст : непосредственный.

Центральный банк РФ : [сайт]. — URL: <https://cbr.ru/> (дата обращения: 15.12.2022). — Текст : электронный.

Чанышев, Р. Н. Феномен «санкционной войны» в системе современных международных отношений / Р. Н. Чанышев, И. Э. Исанов. — Текст : элек-

тронный // Наука, общество, оборона. — 2021. — Т. 9, № 4. — URL: <https://www.noo-journal.ru/nauka-obsestvo-oborona/2021-4-29/article-0296/> (дата обращения: 11.02.2023).

Acemoglu, D. Institutions as the fundamental cause of long-run growth / D. Acemoglu, S. H. Johnson, J. A. Robinson. — Текст : непосредственный // NBER Working Paper. — 2004. — № 10481.

Acemoglu, D. The colonial origins of comparative development: An empirical investigation / D. Acemoglu, S. H. Johnson, J. A. Robinson. — Текст : непосредственный // American Economic Review. — 2001. — Vol. 91, № 5. — P. 1369–1401.

Alerassool, M. Freezing Assets: The USA and the Most Effective Economic Sanction / M. Alerassool. — New York : St. Martin's Press, 1993. — 238 p. — Текст : непосредственный.

Allen, S. H. The determinants of economic sanctions success and failure / S. H. Allen. — Текст : непосредственный // International Interactions. — 2005. — Vol. 31, № 2. — P. 117–138.

An institutional explanation for the democratic peace / B. Bueno de Mesquita, J. D. Morrow, R. M. Siverson [et al.]. — Текст : непосредственный // American Political Science Review. — 1999. — Vol. 93. — P. 791–808.

Baldwin, D. A. Economic Statecraft / D. A. Baldwin. — Princeton : Princeton Univ. Press, 1985. — 424 p. — Текст : непосредственный.

Barbieri, K. Economic interdependence: A path to peace or a source of interstate conflict? / K. Barbieri. — Текст : непосредственный // Journal of Peace Research. — 1996. — Vol. 33, № 1. — P. 29–49.

Barbieri, K. The Liberal Illusion: Does Trade Promote Peace? / K. Barbieri. — Ann Arbor : Univ. of Michigan Press, 2002. — 144 p. — Текст : непосредственный.

Bayer, Ch. Stopp russischer Energieeinführen würde deutsche Wirtschaft spürbar treffen, Fiskalpolitik wäre in der Verantwortung / Ch. Bayer, A. Kriwoluzky, F. Seyrich. — Текст : электронный // DIW Berlin. — 2022. — № 80. — URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/251981/1/1798327481.pdf> (дата обращения: 11.12.2022).

Becker, G. S. A theory of competition among pressure groups for political influence / G. S. Becker. — Текст : непосредственный // Quarterly Journal of Economics. — 1983. — Vol. 98, № 3. — P. 371–400.

Becker, G. S. Public policies, pressure groups and dead weight costs / G. S. Becker. — Текст : непосредственный // Journal of Public Economics. — 1985. — Vol. 28, № 3. — P. 329–347.

Bergeijk, P. A. G. van. Economic Diplomacy, Trade and Commercial Policy: Positive and Negative Sanctions in a New World Order / P. A. G. van Bergeijk. — Aldershot : Edward Elgar, 1994. — 224 p. — Текст : непосредственный.

Bergeijk, P. A. G. van. Success and failure of economic sanctions / P. A. G. van Bergeijk. — Текст : непосредственный // *Kyklos*. — 1989. — Vol. 42, № 3. — P. 385–404.

Black, P. A. On the welfare and employment effects of economic sanctions / P. A. Black, J. H. Cooper. — Текст : непосредственный // *South African Journal of Economics*. — 1987. — Vol. 55, № 1. — P. 1–15.

Bolks, S. M. How long do economic sanctions last? Examining the sanctioning process through duration / S. M. Bolks, D. Al-Sowayel. — Текст : непосредственный // *Political Research Quarterly*. — 2000. — Vol. 53. — P. 241–265.

Bonetti, S. Distinguishing characteristics of degrees of success and failure in economic sanctions episodes / S. Bonetti. — Текст : непосредственный // *Applied Economics*. — 1998. — Vol. 30, № 6. — P. 805–813.

Bonetti, S. The analysis and interpretation of economic sanctions / S. Bonetti. — Текст : непосредственный // *Journal of Economic Studies*. — 1997. — Vol. 24, № 5. — P. 324–348.

Brady, L. J. The utility of economic sanctions as a policy instrument // L. J. Brady. — Текст : непосредственный // *The Utility of International Economic Sanctions* / edited by D. Leyton-Brown. — New York : St. Martin's Press, 1987. — P. 297–302.

Brown, A. J. G. Active Labor Market Programs — Employment Gain or Fiscal Drain? / A. J. G. Brown, J. Koettl. — Текст : электронный // *IZA : Journal of Labor Economics*. — 2015. — Vol. 4 (12). — URL: <https://izajole.springeropen.com/articles/10.1186/s40172-015-0025-5> (дата обращения: 11.12.2022).

Bueno de Mesquita, B. War and the survival of political leaders: A comparative study of regime types and political accountability / B. Bueno de Mesquita, R. M. Siverson. — Текст : непосредственный // *American Political Science Review*. — 1995. — Vol. 89, № 4. — P. 841–855.

Collier, P. Civil war / P. Collier, A. Hoeffler. — Текст : непосредственный // *Handbook of Defense Economics. Defense in a Globalized World* / editors T. Sandler, K. Hartley. — Amsterdam : Elsevier, 2007. — Vol. 2. — P. 711–739.

Contrasting U.S. and European Job Markets during COVID-19 / J.-B. Eyméoud, N. Petrosky-Nadeau, R. Santaaulàlia-Llopis [et al.]. — Текст : электронный // *FRBSF Economic Letter*. — 2021. — Vol. 5. — URL: <https://www.frbsf.org/wp-content/uploads/sites/4/el2021-05.pdf> (дата обращения: 13.02.2023).

Cornes, R. Easy riders, joint production, and public goods / R. Cornes, T. Sandler. — Текст : непосредственный // *Economic Journal*. — 1984. — Vol. 94. — P. 580–598.

Coronavirus (COVID-19): SME Policy Responses, 15 July 2020. — Текст : непосредственный // *OECD* : [сайт]. — URL: <https://www.oecd.org/coronavirus/policy-responses/coronavirus-covid-19-sme-policy-responses-04440101/> (дата обращения: 14.02.2023).

Cortright, D. Introduction: Assessing smart sanctions: Lessons from the 1990s / D. Cortright, G. A. Lopez. — Текст : непосредственный // *Smart Sanctions: Targeting Economic Statecraft* / editors D. Cortright, G. A. Lopez. — Lanham, MD : Rowman and Littlefield, 2002. — P. 1–22.

Cortright, D. Sanctions and the Search for Security: Challenges to UN Action / D. Cortright, G. A. Lopez. — Boulder, CO : Lynne Rienner Publishers, 2002. — 249 p. — Текст : непосредственный.

Cortright, D. Smart sanctions in Iraq: Policy options / D. Cortright, A. Millar, G. A. Lopez. — Текст : непосредственный // *Smart Sanctions: Targeting Economic Statecraft* / editors D. Cortright, G. A. Lopez. — Lanham, MD : Rowman and Littlefield, 2002. — P. 201–224.

Cortright, D. Targeted financial sanctions: Smart sanctions that do work / D. Cortright, G. A. Lopez, E. S. Rogers. — Текст : непосредственный // *Smart Sanctions: Targeting Economic Statecraft* / editors D. Cortright, G. A. Lopez. — Lanham, MD : Rowman and Littlefield, 2002. — P. 23–40.

Cortright, D. The Sanctions Decade: Assessing UN Strategies in the 1990s / D. Cortright, G. A. Lopez. — Boulder, CO : Lynne Rienner Publishers, 2000. — 273 p. — Текст : непосредственный.

Cox, D. G. Democratic sanctions: Connecting the democratic peace and economic sanctions / D. G. Cox, A. C. Drury. — Текст : непосредственный // *Journal of Peace Research*. — 2006. — Vol. 43. — P. 709–722.

Dadak, C. The 1992–1996 Bulgarian trade data puzzle: A case of sanctions breaking? / C. Dadak. — Текст : непосредственный // *Cato Journal*. — 2003. — Vol. 22. — P. 511–532.

Damrosch, L. F. The civilian impact of economic sanctions / L. F. Damrosch. — Текст : непосредственный // *Enforcing Restraint: Collective Intervention in Internal Conflicts* / edited by L. F. Damrosch. — New York : Council on Foreign Relations Press, 1993. — P. 274–315.

Daoudi, M. S. Economic Sanctions: Ideals and Experience / M. S. Daoudi, M. S. Dajani. — London : Routledge and Kegan Paul, 1983. — 263 p. — Текст : непосредственный.

Dashti-Gibson, J. On the determinants of the success of economic sanctions: An empirical analysis / J. Dashti-Gibson, P. Davis, B. Radcliff. — Текст : непосредственный // *American Journal of Political Science*. — 1997. — Vol. 41. — P. 608–618.

Davidson, J. Who's afraid of economic incentives? The efficacy–externality tradeoff / J. Davidson, G. Shambaugh. — Текст : непосредственный // *Sanctions as Economic Statecraft: Theory and Practice* / edited by S. Chan, A. C. Drury. — London : Macmillan, 2000. — P. 37–64.

Dehejia, R. H. Economic sanctions and econometric policy evaluation: A cautionary note / R. H. Dehejia, B. Wood. — Текст : непосредственный // *Journal of World Trade*. — 1992. — Vol. 26. — P. 73–84.

Designing Active Labour Market Policies for the Recovery, 15 July 2021. — Текст : непосредственный // OECD : [сайт]. — URL: <https://www.oecd.org/coronavirus/policy-responses/designing-active-labour-market-policies-for-the-recovery-79c833cf/> (дата обращения: 14.02.2022).

Dilemmas of Economic Coercion: Sanctions in World Politics / edited by M. Nincic, P. Wallensteen. — New York : Praeger, 1983. — 250 p. — Текст : непосредственный.

Dixon, W. J. Democracy and the peaceful settlement of international conflict / W. J. Dixon. — Текст : непосредственный // American Political Science Review. — 1994. — Vol. 88. — P. 14–32.

Dixon, W. J. Democracy, disputes, and negotiated settlements / W. J. Dixon, P. D. Senese. — Текст : непосредственный // Journal of Conflict Resolution. — 2002. — № 46. — P. 547–571.

Dollery, B. E. On the welfare and employment effects of economic sanctions: Comment / B. E. Dollery, M. V. Leibbrandt. — Текст : непосредственный // South African Journal of Economics. — 1987. — Vol. 55. — P. 292–296.

Dorussen, H. Ending economic sanctions: Audience costs and rent-seeking as commitment strategies / H. Dorussen, J. Mo. — Текст : непосредственный // Journal of Conflict Resolution. — 2001. — Vol. 45. — P. 395–426.

Doxey, M. P. Economic Sanctions and International Enforcement / M. P. Doxey. — [2nd ed.]. — New York : Oxford Univ. Press, 1980. — 161 p. — Текст : непосредственный.

Doxey, M. P. International Sanctions in Contemporary Perspective / M. P. Doxey. — [2nd ed.]. — London : Macmillan, 1996. — 159 p. — Текст : непосредственный.

Drezner, D. W. Conflict expectations and the paradox of economic coercion / D. W. Drezner. — Текст : непосредственный // International Studies Quarterly. — 1998. — Vol. 42. — P. 709–731.

Drezner, D. W. Outside the box: Explaining sanctions in pursuit of foreign economic goals / D. W. Drezner. — Текст : непосредственный // International Interactions. — 2001. — Vol. 26. — P. 379–410.

Drezner, D. W. The hidden hand of economic coercion / D. W. Drezner. — Текст : непосредственный // International Organization. — 2003. — Vol. 57. — P. 643–659.

Drezner, D. W. The Sanctions Paradox: Economic Statecraft and International Relations / D. W. Drezner. — Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1999. — 364 p. — Текст : непосредственный.

Drezner, D. W. The trouble with carrots: Transaction costs, conflict expectations, and economic inducements / D. W. Drezner. — Текст : непосредственный // Security Studies. — 2000. — Vol. 9. — P. 188–218.

Drury, A. C. Revisiting 'Economic Sanctions Reconsidered' / A. C. Drury. — Текст : непосредственный // *Journal of Peace Research*. — 1998. — Vol. 35. — P. 497–509.

Eaton, J. Sanctions / J. Eaton, M. Engers. — Текст : непосредственный // *Journal of Political Economy*. — 1992. — Vol. 100. — P. 899–928.

Eaton, J. Sanctions: Some simple analytics / J. Eaton, M. Engers. — Текст : непосредственный // *American Economic Review*. — 1999. — Vol. 89. — P. 409–414.

Economic Sanctions and American Diplomacy / edited by R. N. Haass. — New York : Council on Foreign Relations, 1998. — 222 p. — Текст : непосредственный.

Economic Sanctions: Examining Their Philosophy and Efficacy / H. G. Askari, J. Forrer, H. Teegen, J. Yang. — Westport, CT : Praeger, 2003. — 240 p. — Текст : непосредственный.

Euro area unemployment at 6,6 %. — Текст : электронный // Eurostat : [сайт]. — URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/documents/2995521/14698171/3-01092022-AP-EN.pdf/5a4f3990-b8b6-5e7b-4dfa-d97483802398> (дата обращения: 11.02.2023).

European Economic Forecast. Spring 2022. — Текст : электронный // Institutional Paper. — 2002, May. — № 173. — URL: https://economy-finance.ec.europa.eu/system/files/2022-05/ip173_en.pdf (дата обращения: 13.02.2023).

Farnham, B. The theory of democratic peace and threat perception / B. Farnham. — Текст : непосредственный // *International Studies Quarterly*. — 2003. — Vol. 47. — P. 395–415.

Fault Lines Widen in the Global Recovery. World Economic Outlook Update, July 2021. — Текст : электронный // International Monetary Fund (IMF) : [сайт]. — URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2021/07/27/world-economic-outlook-update-july-2021> (дата обращения: 13.02.2023).

Fearon, J. D. Domestic political audiences and the escalation of international disputes / J. D. Fearon. — Текст : непосредственный // *American Political Science Review*. — 1994. — Vol. 88, № 3. — P. 577–592.

Findlay, R. Racial discrimination, dualistic labor markets and foreign investment / R. Findlay, M. Lundahl. — Текст : непосредственный // *Journal of Development Economics*. — 1987. — Vol. 27. — P. 139–148.

Galtung, J. On the effects of international economic sanctions, with examples from the case of Rhodesia / J. Galtung. — Текст : непосредственный // *World Politics*. — 1967. — Vol. 19. — P. 378–416.

Gartzke, E. Preferences and the democratic peace / E. Gartzke. — Текст : непосредственный // *International Studies Quarterly*. — 2000. — Vol. 44. — P. 191–212.

Guidance Note: EU trade sanctions in response to situation in Ukraine. — Текст : электронный // Department of Enterprise, Trade and Employment. — URL:

<https://enterprise.gov.ie/en/publications/publication-files/guidance-note-eu-trade-sanctions-in-response-to-russia%E2%80%99s-aggression-against-ukraine.pdf> (дата обращения: 11.02.2023).

Guide to the EU Sanctions against Russia. — Текст : электронный // Van Bael and Bellis. — 2022, 12 Apr. — URL: https://www.vbb.com/media/Insights_News/Guide_to_the_EU_sanctions_against_Russia_12.04.pdf (дата обращения: 11.02.2023).

Hanlon, J. The Sanctions Handbook / J. Hanlon, R. Omond. — Harmondsworth : Penguin Books, 1987. — 400 p. — Текст : непосредственный.

Harkness, J. Marshall, Lerner & Botha: Canada's economic sanctions on South Africa / J. Harkness. — Текст : непосредственный // Canadian Public Policy. — 1990. — Vol. 16. — P. 155–160.

Hart, R. A. Democracy and the successful use of economic sanctions / R. A. Hart. — Текст : непосредственный // Political Research Quarterly. — 2000. — Vol. 53. — P. 267–284.

Henderson, E. A. Democracy and War: The End of an Illusion? / E. A. Henderson. — Boulder, CO : Lynne Rienner Publishers, 2002. — 191 p. — Текст : непосредственный.

Henderson, E. A. Neoidealism and the democratic peace / E. A. Henderson. — Текст : непосредственный // Journal of Peace Research. — 1999. — Vol. 36. — P. 203–231.

Hess, G. D. War and democracy / G. D. Hess, A. Orphanides. — Текст : непосредственный // Journal of Political Economy. — 2001. — Vol. 109. — P. 776–810.

Hoffman, F. The functions of economic sanctions: A comparative analysis / F. Hoffman. — Текст : непосредственный // Journal of Peace Research. — 1967. — Vol. 4, № 2. — P. 140–160.

Hufbauer, G. C. Economic Sanctions Reconsidered: History and Current Policy / G. C. Hufbauer, J. J. Schott, K. A. Elliott. — [2nd ed.]. — Washington, DC : Peterson Institute for International Economics, 1990. — Текст : непосредственный.

Hufbauer, G. C. Sanctions-happy USA / G. C. Hufbauer. — Текст : непосредственный // Institute for International Economics Policy Brief. — 1998. — № 98-4.

James, P. An identified systemic model of the democracy-peace nexus / P. James, E. Solberg, M. Wolfson. — Текст : непосредственный // Defence and Peace Economics. — 1999. — Vol. 10. — P. 1–37.

James, P. Democracy and peace: Reply to Oneal and Russett / P. James, E. Solberg, M. Wolfson. — Текст : непосредственный // Defence and Peace Economics. — 2000. — Vol. 11. — P. 215–229.

Jing, C. Instrument choice and the effectiveness of international sanctions: A simultaneous equations approach / C. Jing, W. H. Kaempfer, A. D. Lowen-

berg. — Текст : непосредственный // Journal of Peace Research. — 2003. — Vol. 40. — P. 519–535.

Kaempfer, W. H. A model of the political economy of international investment sanctions: The case of South Africa / W. H. Kaempfer, A. D. Lowenberg. — Текст : непосредственный // Kyklos. — 1986. — Vol. 39. — P. 377–396.

Kaempfer, W. H. Chapter 27 Political economy of economic sanctions / W. H. Kaempfer, A. D. Lowenberg. — Текст : непосредственный // Handbook of Defense Economics. — 2007. — Vol. 2. — P. 867–911.

Kaempfer, W. H. Determinants of the economic and political effects of trade sanctions / W. H. Kaempfer, A. D. Lowenberg. — Текст : непосредственный // South African Journal of Economics. — 1998. — Vol. 56. — P. 270–277.

Kaempfer, W. H. Divestment, investment sanctions, and disinvestment: An evaluation of anti-apartheid policy instruments / W. H. Kaempfer, J. A. Lehman, A. D. Lowenberg. — Текст : непосредственный // International Organization. — 1987. — Vol. 41. — P. 457–473.

Kaempfer, W. H. Impact of trade sanctions on South Africa: Some trade and financial evidence / W. H. Kaempfer, M. H. Moffett. — Текст : непосредственный // Contemporary Economic Policy. — 1988. — Vol. 6. — P. 118–129.

Kaempfer, W. H. International economic sanctions against a dictator / W. H. Kaempfer, A. D. Lowenberg, W. Mertens. — Текст : непосредственный // Economics and Politics. — 2004. — Vol. 16. — P. 29–51.

Kaempfer, W. H. International Economic Sanctions: A Public Choice Perspective / H. Kaempfer, A. D. Lowenberg. — Boulder, CO : Westview Press, 1992. — 191 p. — Текст : непосредственный.

Kaempfer, W. H. The Political Economy of Economic Sanctions / W. H. Kaempfer, A. D. Lowenberg. — Текст : непосредственный // Handbook of Defense Economics. — 2007. — Vol. 2. — P. 876–911. — DOI: 10.1016/S1574-0013(06)02027-8.

Kaempfer, W. H. The theory of international economic sanctions: A public choice approach / W. H. Kaempfer, A. D. Lowenberg. — Текст : непосредственный // American Economic Review. — 1988. — Vol. 78. — P. 786–793.

Kaempfer, W. H. Unilateral versus multilateral international sanctions: A public choice perspective / W. H. Kaempfer, A. D. Lowenberg. — Текст : непосредственный // International Studies Quarterly. — 1999. — Vol. 43. — P. 37–58.

Kaempfer, W. H. Using threshold models to explain international relations / W. H. Kaempfer, A. D. Lowenberg. — Текст : непосредственный // Public Choice. — 1992. — Vol. 73. — P. 419–443.

Kirshner, J. The microfoundations of economic sanctions / J. Kirshner. — Текст : непосредственный // Security Studies. — 1997. — Vol. 6. — P. 32–64.

Kuran, T. Sparks and prairie fires: A theory of unanticipated political revolution / T. Kuran. — Текст : непосредственный // Public Choice. — 1989. — Vol. 61. — P. 41–74.

Lacy, D. A theory of economic sanctions and issue linkage: The roles of preferences, information, and threats / D. Lacy, E. M. S. Niou. — Текст : непосредственный // *Journal of Politics*. — 2004. — Vol. 66. — P. 25–42.

Lam, S. L. Economic sanctions and the success of foreign policy goals: A critical evaluation / S. L. Lam. — Текст : непосредственный // *Japan and the World Economy*. — 1990. — Vol. 2. — P. 239–248.

Leitzel, J. Review of Hufbauer et al. (1985) / J. Leitzel. — Текст : непосредственный // *Kyklos*. — 1987. — Vol. 40. — P. 286–288.

Lektzian, D. Institutions and international cooperation: An event history analysis of the effects of economic sanctions / D. Lektzian, M. Souva. — Текст : непосредственный // *Journal of Conflict Resolution*. — 2001. — Vol. 45. — P. 61–79.

Lektzian, D. The economic peace between democracies: Economic sanctions and domestic institutions / D. Lektzian, M. Souva. — Текст : непосредственный // *Journal of Peace Research*. — 2003. — Vol. 40. — P. 641–660.

Leyton-Brown, D. Lessons and policy considerations about economic sanctions / D. Leyton-Brown. — Текст : непосредственный // *The Utility of International Economic Sanctions* / edited by D. Leyton-Brown. — New York : St. Martin's Press, 1987. — P. 303–310.

Lopez, G. A. Containing Iraq: Sanctions worked / G. A. Lopez, D. Cortright. — Текст : непосредственный // *Foreign Affairs*. — 2004. — Vol. 83. — P. 90–103.

Lopez, G. A. Toward smart sanctions on Iraq / G. A. Lopez. — Текст : непосредственный // *The Joan B. Kroc Institute for International Peace Studies. Policy Brief*. — 2001. — Vol. 5.

Lowenberg, A. D. The Origins and Demise of South African Apartheid: A Public Choice Analysis / A. D. Lowenberg, W. H. Kaempfer. — Ann Arbor : Univ. of Michigan Press, 1998. — 284 p. — Текст : непосредственный.

Lundborg, P. The Economics of Export Embargoes: The Case of the US–Soviet Grain Suspension / P. Lundborg. — London : Croom Helm, 1987. — 127 p. — Текст : непосредственный.

Mack, A. The efficacy of UN sanctions / A. Mack, A. Khan. — Текст : непосредственный // *Security Dialogue*. — 2000. — Vol. 31. — P. 279–292.

Major, S. Caught in the crossfire: 'Innocent bystanders' as optimal targets of economic sanctions / S. Major, A. J. McGann. — Текст : непосредственный // *Journal of Conflict Resolution*. — 2005. — Vol. 49. — P. 337–359.

Marinov, N. Do economic sanctions destabilize country leaders? / N. Marinov. — Текст : непосредственный // *American Journal of Political Science*. — 2005. — Vol. 49. — P. 564–576.

Martin, L. L. Coercive Cooperation: Explaining Multilateral Economic Sanctions / L. L. Martin. — Princeton : Princeton Univ. Press, 1992. — 299 p. — Текст : непосредственный.

Mayall, J. The sanctions problem in international economic relations: Reflections in the light of recent experience / J. Mayall. — Текст : непосредственный // International Affairs. — 1984. — Vol. 60. — P. 631–642.

McGillivray, F. Political institutions, coercive diplomacy, and the duration of economic sanctions / F. McGillivray, A. C. Stam. — Текст : непосредственный // Journal of Conflict Resolution. — 2004. — Vol. 48. — P. 154–172.

McGillivray, F. The impact of leadership turnover and domestic institutions on international cooperation / F. McGillivray, A. Smith. — Текст : непосредственный // Journal of Conflict Resolution. — 2005. — Vol. 49. — P. 639–660.

McGillivray, F. The impact of leadership turnover on trading relations between states / F. McGillivray, A. Smith. — Текст : непосредственный // International Organization. — 2004. — Vol. 58. — P. 567–600.

McGillivray, F. Trust and cooperation through agent-specific punishments / F. McGillivray, A. Smith. — Текст : непосредственный // International Organization. — 2000. — Vol. 54. — P. 809–824.

Miers, A. C. Multilateral sanctions and foreign policy success: Can too many cooks spoil the broth? / A. C. Miers, T. C. Morgan. — Текст : непосредственный // International Interactions. — 2002. — Vol. 28. — P. 117–136.

Miyagawa, M. Do Economic Sanctions Work? / M. Miyagawa. — New York : McMillan Press, 1992. — 240 p. — Текст : непосредственный.

Morgan, T. C. Economic sanctions as an instrument of foreign policy: The role of domestic politics / T. C. Morgan, V. L. Schwebach. — Текст : непосредственный // International Interactions. — 1996. — Vol. 21. — P. 247–263.

Morgan, T. C. Fools suffer gladly: The use of economic sanctions in international crises / T. C. Morgan, V. L. Schwebach. — Текст : непосредственный // International Studies Quarterly. — 1997. — Vol. 41. — P. 27–50.

Morgan, T. C. To protect and to serve: Alliances and foreign policy portfolios / T. C. Morgan, G. Palmer. — Текст : непосредственный // Journal of Conflict Resolution. — 2003. — Vol. 47. — P. 180–203.

Morgan, T. C. When threats succeed: A formal model of the threat and use of economic sanctions / T. C. Morgan, A. C. Miers. — Текст : непосредственный // Annual Meeting of the American Political Science Association. — Atlanta, GA, 1999.

Mousseau, M. A test for reverse causality in the democratic peace relationship / M. Mousseau, Y. Shi. — Текст : непосредственный // Journal of Peace Research. — 1999. — Vol. 36. — P. 639–663.

Mousseau, M. Democracy and compromise in militarized interstate conflicts, 1816–1992 / M. Mousseau. — Текст : непосредственный // Journal of Conflict Resolution. — 1998. — Vol. 42. — P. 210–230.

Mousseau, M. Market prosperity, democratic consolidation, and democratic peace / M. Mousseau. — Текст : непосредственный // Journal of Conflict Resolution. — 2000. — Vol. 44. — P. 472–507.

Mousseau, M. The nexus of market society, liberal preferences, and democratic peace: Interdisciplinary theory and evidence peace / M. Mousseau. — Текст : непосредственный // *International Studies Quarterly*. — 2003. — Vol. 47. — P. 483–510.

Nooruddin, I. Modeling selection bias in studies of sanctions efficacy / I. Nooruddin. — Текст : непосредственный // *International Interactions*. — 2002. — Vol. 28. — P. 59–75.

Nossal, K. R. International sanctions as international punishment / K. R. Nossal. — Текст : непосредственный // *International Organization*. — 1989. — Vol. 43. — P. 301–322.

Nossal, K. R. Liberal democratic regimes, international sanctions, and global governance / K. R. Nossal. — Текст : непосредственный // *Globalization and Global Governance* / edited by R. Väyrynen. — Lanham, MD : Rowman and Littlefield, 1999. — P. 127–150.

O'Sullivan, M. L. Shrewd Sanctions: Statecraft and State Sponsors of Terrorism / M. L. O'Sullivan. — Washington, DC : Brookings Institution Press, 2003. — 448 p. — Текст : непосредственный.

OECD Employment Outlook 2021: Navigating the COVID-19 Crisis and Recovery. — Paris : OECD Publishing, 2021. — URL: https://blog.oecd-berlin.de/wp-content/uploads/2021/07/EMO2021_Launch_Berlin.pdf (дата обращения: 14.02.2022). — Текст : электронный.

Olson, M., Jr. The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups / M. Olson, Jr. — Cambridge, MA : Harvard Univ. Press, 1965. — 176 p. — Текст : непосредственный.

Oneal, J. R. Assessing the liberal peace with alternative specifications: Trade still reduces conflict / J. R. Oneal, B. M. Russett. — Текст : непосредственный // *Journal of Peace Research*. — 1999. — Vol. 36. — P. 423–442.

Oneal, J. R. Causes of peace: Democracy, interdependence, and international organizations, 1885–1992 / J. R. Oneal, B. M. Russett, M. L. Berbaum. — Текст : непосредственный // *International Studies Quarterly*. — 2003. — Vol. 47. — P. 371–393.

Oneal, J. R. Clear and clean: The fixed effects of the liberal peace / J. R. Oneal, B. M. Russett. — Текст : непосредственный // *International Organization*. — 2001. — Vol. 55. — P. 469–485.

Oneal, J. R. Empirical support for the liberal peace / J. R. Oneal. — Текст : непосредственный // *Economic Interdependence and International Conflict* / edited by E. D. Mansfield, B. M. Pollins. — Ann Arbor : Univ. of Michigan Press, 2003. — P. 189–206.

Oneal, J. R. Modeling conflict while studying dynamics / J. R. Oneal, B. M. Russett. — Текст : непосредственный // *Globalization and Armed Conflict* / edited by G. Schneider, K. Barbieri, N. P. Gleditsch. — Lanham, MD : Rowman and Littlefield, 2003. — P. 179–188.

Oneal, J. R. The classical liberals were right: Democracy, interdependence, and conflict, 1950–1985 / J. R. Oneal, B. M. Russett. — Текст : непосредственный // International Studies Quarterly. — 1997. — Vol. 41. — P. 267–294.

Oneal, J. R. The Kantian peace: The pacific benefits of democracy, interdependence, and international organizations, 1885–1992 / J. R. Oneal, B. M. Russett. — Текст : непосредственный // World Politics. — 1999. — Vol. 52. — P. 1–37.

Paarlberg, R. Using food power: Opportunities, appearances, and damage control / R. Paarlberg. — Текст : непосредственный // Dilemmas of Economic Coercion: Sanctions in World Politics / edited by M. Nincic, P. Wallenstein. — New York : Praeger, 1983. — P. 131–153.

Palmer, G. Give or take: Foreign aid and foreign policy substitutability / G. Palmer, S. B. Wohlander, T. C. Morgan. — Текст : непосредственный // Journal of Peace Research. — 2002. — Vol. 39. — P. 5–26.

Pape, R. A. Why economic sanctions do not work / R. A. Pape. — Текст : непосредственный // International Security. — 1997. — Vol. 22. — P. 90–136.

Partell, P. J. Audience costs and interstate crises: An empirical assessment of Fearon's model of dispute outcomes / P. J. Partell, G. Palmer. — Текст : непосредственный // International Studies Quarterly. — 1999. — Vol. 43. — P. 389–405.

Peltzman, S. Toward a more general theory of regulation / S. Peltzman. — Текст : непосредственный // Journal of Law and Economics. — 1976. — Vol. 19. — P. 211–240.

Pignatti, C. Better Together: Active and Passive Labour Market Policies in Developed and Developing Economies / C. Pignatti, E. van Belle. — Текст : электронный // ILO Research Department Working Paper. — 2018. — Vol. 37. — URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---inst/documents/publication/wcms_660003.pdf (дата обращения: 11.12.2022).

Porter, R. C. International trade and investment sanctions: Potential impact on the South African economy / R. C. Porter. — Текст : непосредственный // Journal of Conflict Resolution. — 1979. — Vol. 23. — P. 579–612.

Renwick, R. Economic Sanctions / R. Renwick. — Cambridge, MA : Harvard Univ. (Center for International Affairs), 1981. — 118 p. — Текст : непосредственный.

Reuveny, R. The joint democracy-dyadic conflict nexus: A simultaneous equations model / R. Reuveny, Q. Li. — Текст : непосредственный // International Studies Quarterly. — 2003. — Vol. 47. — P. 325–346.

Rodrik, D. The primacy of institutions (and what this does and does not mean) / D. Rodrik, A. Subramanian. — Текст : непосредственный // Finance and Development. — 2003. — Vol. 40. — P. 31–34.

Rogers, E. S. Using economic sanctions to control regional conflicts / E. S. Rogers. — Текст : непосредственный // Security Studies. — 1996. — Vol. 5. — P. 43–72.

Rosato, S. The flawed logic of democratic peace theory / S. Rosato. — Текст : непосредственный // American Political Science Review. — 2003. — Vol. 97. — P. 585–602.

Rowe, D. M. Manipulating the Market: Understanding Economic Sanctions, Institutional Change, and the Political Unity of White Rhodesia / D. M. Rowe. — Ann Arbor : Univ. of Michigan Press, 2001. — 256 p. — Текст : непосредственный.

Russett, B. M. From democratic peace to Kantian peace: Democracy and conflict in the international system / B. M. Russett, H. Starr. — Текст : непосредственный // Handbook of War Studies / edited by M. Midlarsky. — [2nd ed.]. — Ann Arbor : Univ. of Michigan Press, 2000. — P. 93–128.

Russett, B. M. Grasping the Democratic Peace / B. M. Russett. — Princeton : Princeton Univ. Press, 1993. — 192 p. — Текст : непосредственный.

Russett, B. M. Triangulating Peace: Democracy, Interdependence, and International Organizations / B. M. Russett, J. R. Oneal. — New York : W.W. Norton, 2001. — 393 p. — Текст : непосредственный.

Selden, Z. Economic Sanctions as Instruments of American Foreign Policy / Z. Selden. — Westport, CT : Praeger, 1999. — 160 p. — Текст : непосредственный.

Senese, P. D. Democracy and maturity: Deciphering conditional effects on levels of dispute intensity / P. D. Senese. — Текст : непосредственный // International Studies Quarterly. — 1999. — Vol. 43. — P. 483–502.

Siverson, R. M. Birds of a feather: Democratic political systems and alliance choices in the twentieth century / R. M. Siverson, J. Emmons. — Текст : непосредственный // Journal of Conflict Resolution. — 1991. — Vol. 35. — P. 285–306.

Smith, A. The success and use of economic sanctions / A. Smith. — Текст : непосредственный // International Interactions. — 1996. — Vol. 21. — P. 229–245.

Souva, M. Institutional similarity and interstate conflict / M. Souva. — Текст : непосредственный // International Interactions. — 2004. — Vol. 30. — P. 263–280.

Stigler, G. J. The theory of economic regulation / G. J. Stigler. — Текст : непосредственный // Bell Journal of Economics and Management Science. — 1971. — Vol. 2. — P. 3–21.

Tabellini, G. Culture and institutions: Economic development in the regions of Europe : Working Paper / G. Tabellini. — Milan : Innocenzo Gasparini Institute for Economic Research, Bocconi Univ., 2005. — Текст : непосредственный.

The Logic of Political Survival / B. de Mesquita, A. Smith, R. M. Siverson [et al.]. — Cambridge, MA : MIT Press, 2003. — 536 p. — Текст : непосредственный.

The Quality of Government / R. La Porta, F. Lopez-de-Silanes, A. Shleifer, R. Vishny. — Текст : непосредственный // Journal of Law, Economics, and Organization. — 1999. — Vol. 15. — P. 222–279.

Torbat, A. E. Impacts of the US trade and financial sanctions on Iran / A. E. Torbat. — Текст : непосредственный // *World Economy*. — 2005. — Vol. 28. — P. 407–434.

Towards Full and Productive Employment in Uzbekistan: Achievements and Challenges. — Текст : электронный // International Labour Organization (ILO) : [сайт]. — URL: https://www.ilo.org/moscow/information-resources/publications/WCMS_782059/lang-en/index.htm (дата обращения: 13.02.2023).

Trade and Development Report 2021: From Recovery to Resilience: The Development Dimension. Geneva, 2021. — Текст : электронный. // UNCTAD : [сайт]. — URL: https://unctad.org/system/files/official-document/tdr2021_en.pdf (дата обращения: 14.02.2022).

Tsebelis, G. Are sanctions effective? A game-theoretic analysis / G. Tsebelis. — Текст : непосредственный // *Journal of Conflict Resolution*. — 1990. — Vol. 34. — P. 3–28.

Tullock, G. The Economics of Special Privilege and Rent Seeking / G. Tullock. — Boston : Kluwer Acad. Publishers, 1989. — 101 p. — Текст : непосредственный.

Tullock, G. The paradox of revolution / G. Tullock. — Текст : непосредственный // *Public Choice*. — 1971. — Vol. 11. — P. 89–99.

Verdier, D. Sanctions as revelation mechanisms: Working Paper / D. Verdier. — Columbus, OH : Ohio State Univ. (Department of Political Science), 2005. — Текст : непосредственный.

Weede, E. The diffusion of prosperity and peace by globalization / E. Weede. — Текст : непосредственный // *The Independent Review*. — 2004. — Vol. 9. — P. 165–186.

Weiss, T. G. Sanctions as a foreign policy tool: Weighing humanitarian impulses / T. G. Weiss. — Текст : непосредственный // *Journal of Peace Research*. — 1999. — Vol. 36. — P. 499–509.

Willett, T. D. US trade policy and national security / T. D. Willett, M. Jalalighajar. — Текст : непосредственный // *Cato Journal*. — 1983/84. — Vol. 3. — P. 717–727.

Wintrobe, R. The Political Economy of Dictatorship / R. Wintrobe. — Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1998. — 390 p. — Текст : непосредственный.

Wintrobe, R. The tinpot and the totalitarian: An economic theory of dictatorship / R. Wintrobe. — Текст : непосредственный // *American Political Science Review*. — 1990. — Vol. 84. — P. 849–872.

World Employment and Social Outlook: Trends 2020. — Текст : электронный // International Labour Organization (ILO) : [сайт]. — URL: <https://www.ilo.org/global/research/global-reports/weso/2020/lang-en/index.htm> (дата обращения: 11.12.2022).

World Employment and Social Outlook: Trends 2021. — Текст : электронный // International Labour Organization (ILO) : [сайт]. — URL: <https://www.ilo.org/global/research/global-reports/weso/2021/lang-en/index.htm>

org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_795453.pdf (дата обращения: 13.02.2023).

World Employment and Social Outlook: Trends 2022. — Текст : электронный // International Labour Organization (ILO) : [сайт]. — URL: https://www.ilo.org/global/research/global-reports/weso/trends2022/WCMS_834081/lang--en/index.htm (дата обращения: 11.02.2023).

Worldbank 2019 : Statistic data. — URL: www.worldbank.org (дата обращения: 15.09.2021). — Текст : электронный.

Zinnes, D. A. Constructing political logic: The democratic peace puzzle / D. A. Zinnes. — Текст : непосредственный // *Journal of Conflict Resolution.* — 2004. — Vol. 48. — P. 430–454.

ГЛОССАРИЙ

Безработица — проявление макроэкономической нестабильности, которое выражается в превышении предложения над спросом рабочей силы, при этом экономически активное население не занято в хозяйственной деятельности страны и находится в активном поиске работы. Бывает различных видов: фрикционная, структурная, циклическая, сезонная.

Безработные — лица в возрасте 15–72 лет, которые в рассматриваемый период соответствовали следующим критериям: не имели работы (доходного занятия), занимались поиском работы в течение четырех недель, предшествующих исследуемой неделе; были готовы приступить к работе в течение исследуемой недели.

Вакансия — незанятая должность; рабочее место, которое работодатель намерен заполнить при появлении подходящего претендента.

Внутренняя миграция — перемещение трудовых ресурсов между регионами страны или между городами и селами, при котором численность населения государства не изменяется.

Внешняя (международная) трудовая миграция — перемещение трудовых ресурсов между странами. При внешней миграции численность населения государства изменяется: увеличивается за счет иммигрантов (людей, переселившихся в данное государство) и уменьшается за счет эмигрантов (людей, которые выехали за его пределы).

Государственная политика занятости — часть социально-экономической политики государства, направленная на разрешение проблем занятости населения в экономике на основе повышения эффективности программ обеспечения занятости, развития системы социального партнерства, стимулирования мобильности экономически активного населения и усиления гибкости рынка труда.

Государственная служба занятости — это система государственных учреждений и организаций, созданная для реализации политики занятости населения, содействия гражданам в трудоустройстве и контроля за соблюдением их прав на труд и занятость. Структурно все органы государственной службы занятости делятся на три уровня: федеральный (Федеральная служба по труду и занятости (Роструд)); уровень субъекта РФ (Управление государственной службы занятости); уровень местного самоуправления (центры занятости населения).

Деиндустриализация — процесс социальных и экономических изменений, вызванных снижением или полным прекращением индустриальной активности в регионе или стране.

Демографическая политика — политика государства, осуществляемая с целью воздействия на процессы воспроизводства населения и на сохранение или желательное изменение их параметров.

Деятельность по предоставлению труда работников — временное направление работодателем работников с их согласия к физическому или юридическому лицу, не являющемуся работодателями этих работников, для выполнения ими определенных трудовыми договорами функций в интересах, под управлением и контролем принимающей стороны.

Естественная убыль населения — разница между числом умерших и числом родившихся людей.

Заемный труд — труд, осуществляемый работником по распоряжению работодателя в интересах, под управлением и контролем физического или юридического лица, не являющегося работодателем данного работника. С 1 января 2016 года вступил в силу закон о запрете заемного труда.

Занятость населения — важнейший параметр функционирования рынка труда. Характеризует развитие экономики в стране, уровень благосостояния народа. Занятость выражает меру включения населения в трудовую деятельность, степень удовлетворения потребностей общества в рабочей силе, степень удовлетворения интересов людей в оплачиваемых рабочих местах и получении дохода. Занятость как экономическое явление имеет демографическую и социальную составляющие. То есть, с одной стороны, она зависит от демографических процессов, а с другой — от социальной политики, проводимой в государстве.

Занятые в экономике — лица в возрасте 15–72 лет, которые в исследуемый период выполняли любую деятельность, связанную с производством товаров или оказанием услуг за оплату или прибыль. В численность занятых включаются также лица, отсутствовавшие на рабочем месте в течение короткого промежутка времени и сохранившие связь с рабочим местом во время отсутствия.

Заработная плата — вознаграждение за труд в зависимости от квалификации работника, сложности, количества, качества и условий выполняемой работы, а также компенсационные и стимулирующие выплаты.

Квота на иностранную рабочую силу — разрешение на наем иностранной рабочей силы в установленных пределах. Размер квоты определяется в законодательном порядке Правительством РФ на основе прогнозов социально-экономического развития субъектов РФ.

Структура занятости в известной степени отражает общую структуру экономики и в значительной степени изменяется под ее влиянием. Выделяют отраслевую, профессионально-квалификационную, половозрастную, территориально-региональную и другие структуры занятости.

Материнский (семейный) капитал — дополнительная государственная поддержка семьям с детьми в виде средств федерального бюджета, передаваемых в Социальный фонд России.

Миграция — реально состоявшийся статистически фиксируемый факт перемещения населения.

Миграционная политика — совокупность правил и законов, направленных на контроль над иностранными гражданами, находящимися на территории «чужого» государства.

Миграционная мобильность населения — способность (склонность) населения к миграции, которая не всегда может реализоваться в силу разных причин. На миграционную мобильность влияют следующие факторы: наличие (отсутствие) вакантных рабочих мест; наличие (отсутствие) свободного и дешевого жилого фонда; социально-экономическая стабильность территории.

Миграционный поток — совокупность перемещений населения, происходящих в определенное время в пределах некоторой территориальной системы. Выделяют пять основных групп миграционных потоков: вынужденная миграция, внешняя миграция, внешняя трудовая миграция, незаконная миграция, внутренняя социально-экономическая миграция.

Мировой рынок труда — система механизмов, норм и институтов, обеспечивающих взаимодействие спроса на труд и его предложения на межгосударственном уровне. Формой существования мирового рынка труда является трудовая миграция.

Молодежь — особая социально-возрастная группа людей, которая отличается возрастными рамками и статусом в обществе. Возрастными рамками молодежи, проживающей в Российской Федерации, считается возраст от 15 до 29 лет включительно.

Молодежная биржа труда — организация, основной целью которой является содействие занятости подростков и молодежи, приобщение их к труду. В задачи молодежной биржи труда входит помощь

в поиске подходящей работы, организация временного трудоустройства несовершеннолетних в свободное от учебы время, организация ярмарок вакансий и учебных рабочих мест и др.

Научно-технический прогресс (НТП) — поступательное движение науки и техники, эволюционное развитие всех элементов производительных сил общественного производства на основе широкого познания и освоения внешних сил.

Нелегальная миграция — миграция с нарушением миграционного законодательства государства.

Неформальная занятость (теневая занятость) — вид занятости, при котором факт трудовых отношений между работником и работодателем скрывается от официальных властей.

Пособие по безработице — регулярная государственная социальная денежная выплата лицам, признанным по закону безработными в установленном надлежащем порядке. В России пособие по безработице выплачивается тем резидентам страны, которые встали на учет в службе занятости. Выплата пособий по безработице регулируется Законом «О занятости населения в РФ».

Правовая база занятости и трудоустройства — целостная система нормативных правовых актов, в которую входят, с одной стороны, акты, регулирующие вопросы занятости и трудоустройства, а с другой — акты, регулирующие иные общественные отношения и содержащие отдельные нормы, которые затрагивают отношения занятости.

Рабочая сила — лица в возрасте 15–72 лет, которые в рассматриваемый период считаются занятыми или безработными.

Рейндустриализация — процесс интенсивного экономического роста при помощи повышения эффективности использования ресурсов с целью производства и реализации конкурентоспособных товаров.

Рынок труда — сфера формирования спроса и предложения на рабочую силу.

Резидент — юридическое или физическое лицо, имеющее постоянную регистрацию или постоянно проживающее в данной стране, на которое в полной мере распространяется национальное законодательство.

Скрытая безработица — вид безработицы, который характеризуется фактическим отсутствием занятости при формальном сохранении трудовых взаимоотношений с работодателем.

Средняя продолжительность жизни — интегральный демографический показатель, характеризующий уровень смертности населения. Выражается числом лет, которое в среднем предстоит прожить лицам, родившимся или достигшим определенного возраста в данном календарном году, если предположить, что на всем протяжении их жизни смертность в каждой возрастной группе будет такой, какой она была в этом же году.

Трудоспособный возраст — возраст, в котором человек, способный к трудовой деятельности, имеет право трудиться. Трудоспособным для мужчин считается возраст 16–65 лет, для женщин — 16–60 лет.

Трудовая миграция — вид миграции, отражающий перемещение людей в связи с занятостью и поиском работы.

Трудовые ресурсы страны — часть населения, фактически занятая в экономике или не занятая, но способная к труду по возрасту и состоянию здоровья. Трудовые ресурсы обладают количественными и качественными характеристиками. К первым относятся общая численность трудоспособного населения, количество отработанного рабочего времени и др. Ко вторым — состояние здоровья, физическая дееспособность, уровень общеобразовательной, профессионально-квалификационной подготовки.

Частное агентство занятости — организация, аккредитованная на право осуществления деятельности по предоставлению труда работников. Федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным на проведение аккредитации частных агентств занятости, определен Роструд (Федеральная служба по труду и занятости РФ).

Человеческий капитал — знания, навыки и способности человека, которые содействуют росту его производительной силы. По мнению большинства экономистов, состоит из приобретенных знаний, навыков, мотивации и энергии, которыми наделены индивиды и которые могут использоваться в течение определенного периода в целях создания товаров и услуг. Формирование человеческого капитала осуществляется на трех уровнях: индивидуальном, организационном и государственном.

Экономически активное население — часть населения, обеспечивающая предложение рабочей силы для производства товаров и услуг. Включает занятых и безработных.

Уровень занятости — отношение численности занятого населения определенной возрастной группы к общей численности населения соответствующей возрастной группы, рассчитанное в процентах.

Уровень рождаемости — демографический показатель, который определяется как количество родившихся за тот или иной промежуток времени в расчете на 1 тыс. жителей.

Уровень смертности — демографический показатель, отражающий состояние здоровья общества. Характеризует экономическое и социальное развитие государства, является одним из показателей эффективности государственной социальной политики.

В серии Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов «Социально-трудовые конфликты», открытой в 2017 году, публикуются труды видных специалистов в области конфликтологии и представителей российских профсоюзов

1. МОНИТОРИНГ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ КОНФЛИКТОВ В РОССИИ: ТЕОРИЯ, МЕТОДИКА, ТЕХНОЛОГИИ

Рассматриваются концептуальные подходы к изучению социально-трудовых конфликтов, обобщается отечественный и зарубежный опыт мониторинга социальных процессов, раскрываются организационные и технологические аспекты функционирования автоматизированной системы сбора и обработки информации о социально-трудовых конфликтах. Подготовлено в развитие исследовательского проекта, осуществленного на базе Научно-мониторингового центра «Трудовые конфликты» СПбГУП.

2. СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПЕРСПЕКТИВНЫЕ МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА

Рассматриваются теоретические и методологические проблемы построения моделей социального партнерства в контексте социально-трудовых конфликтов, обобщается отечественный и зарубежный опыт моделирования социальных процессов, раскрываются организационные и технологические аспекты функционирования автоматизированной системы сбора и обработки информации о социально-трудовых конфликтах и перспективных моделях социального партнерства. Подготовлено в развитие исследовательского проекта, осуществленного на базе Научно-мониторингового центра «Трудовые конфликты» СПбГУП.

3. ТРУДОВОЙ АРБИТРАЖ В СФЕРЕ КОЛЛЕКТИВНЫХ СПОРОВ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Монография отражает исследование деятельности трудовых арбитров на этапах посредничества и трудового арбитража, содержит анализ роли государства как гаранта обеспечения соблюдения и защиты прав и свобод граждан, в частности трудовых прав и свобод. Рассмотрены история зарождения трудового арбитража, правовые и организационные условия деятельности трудовых арбитров и посредников, опыт разрешения коллективных трудовых споров в правовых рамках.

4. ПРОФСОЮЗНОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ (2005–2015)

В монографии представлен комплексный взгляд на тенденции развития и последствия трансформации российского профсоюзного движения в 2005–2015 годах. Особое внимание уделено влиянию профсоюзов на развитие социального партнерства. Авторы проводят сравнительный анализ эффективности деятельности различных профсоюзных объединений страны по защите социально-трудовых интересов работников.

5. ПРОФСОЮЗЫ НА ЗАЩИТЕ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ПРАВ РАБОТНИКОВ: ОПЫТ ФЕДЕРАЦИИ ПРОФСОЮЗОВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА И ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Монография отражает исследование деятельности профессиональных союзов, связанной с контролем за исполнением трудового законодательства работодателями в Санкт-Петербурге и Ленинградской области, содержит анализ влияния профессиональных союзов на исполнение трудового законодательства работодателями в Санкт-Петербурге и Ленинградской области.

Рассмотрены особенности правозащитной деятельности Федерации профсоюзов Санкт-Петербурга и Ленинградской области, способы реализации защитной функции профессиональными союзами, пути совершенствования трудового законодательства и усиления влияния профсоюзов на исполнение трудового законодательства работодателями в Санкт-Петербурге и Ленинградской области.

6. СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА РАЗРЕШЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ СПОРОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Монография отражает исследование судебной практики разрешения социально-трудовых споров в современной России, содержит анализ правозащитной деятельности профессиональных союзов, в частности анализ судебной защиты как способа обеспечения этой деятельности.

Рассмотрены основные тенденции совершенствования правового регулирования и развития судебной практики по рассмотрению социально-трудовых споров в России.

7. РЕАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ: ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Монография посвящена исследованию системы социального партнерства в субъектах Российской Федерации на современном этапе. В исследовании рассмотрены особенности становления и развития социального партнерства в России, проведен анализ деятельности трехсторонних комиссий в регионах субъектов РФ, выявлены проблемы и проведена оценка эффективности их работы, разработаны рекомендации по совершенствованию социального партнерства на региональном уровне.

8. ПРОФСОЮЗНОЕ ДВИЖЕНИЕ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ И ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ (2010–2017)

Монография отражает тенденции развития профсоюзного движения в двух крупнейших регионах России — Санкт-Петербурге и Ленинградской области. В исследовании, охватывающем период с 2010 по 2017 год, анализируются эффективность защиты профсоюзными объединениями социально-трудовых интересов работников, их место и роль в системе социального партнерства, динамика изменения профсоюзного членства.

9. КУЛЬТУРА СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Монография подготовлена по материалам научного исследования на одну и ту же тему. В работе анализируются широкий круг феноменов, отражающих различные стороны трудовых отношений и определяющих культуру мотивации трудовой деятельности, социальной справедливости, социального и человеческого капитала, социального партнерства.

10. СМИ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ (Конфликтологический анализ)

В монографии анализируется актуальная проблема участия СМИ в социально-трудовых конфликтах. Работа построена на обобщении значительного объема эмпирического материала, отражающего различные аспекты и модели влияния СМИ на социально-трудовые конфликты — как конструктивного, так и деструктивного. Рассматривается специфика освещения социально-трудового конфликта на различных этапах его протекания.

11. КОЛЛЕКТИВНЫЙ ДОГОВОР КАК МЕХАНИЗМ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ КОНФЛИКТОВ

В монографии анализируется исторический опыт становления и развития коллективно-договорных отношений, рассматриваются различные аспекты реализации потенциала коллективного договора как механизма и формы социального партнерства на уровне предприятия, виды и содержание коллективных договоров в России и зарубежных странах, направления оптимизации содержания и процедур заключения и оценки выполнения коллективного договора.

12. ПЕРЕГОВОРЫ КАК РЕГУЛЯТОР СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ: КОНЦЕПЦИЯ, МЕТОДИКА, ТЕХНОЛОГИИ

В монографии рассматриваются различные аспекты переговорного процесса в системе социально-трудовых отношений. Основное внимание уделяется анализу субъектов переговоров, в качестве которых выступают участники социального партнерства — работодатели, профсоюзы, органы государственного управления; технологическим аспектам переговоров. Центральное место в работе занимают технологии разрешения социально-трудовых конфликтов, основанные на переговорных методиках.

13. УЧАСТИЕ РАБОТНИКОВ В УПРАВЛЕНИИ ОРГАНИЗАЦИЕЙ КАК ФАКТОР ПРОФИЛАКТИКИ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ КОНФЛИКТОВ

В монографии анализируются актуальные вопросы включения работников в процесс управления организацией в контексте профилактики социально-трудовых конфликтов. Рассматриваются отечественный и зарубежный опыт участия работников в управлении организацией, правовые и организационные аспекты управления с участием персонала на различных уровнях — от предприятия (организации) в целом до рабочего места.

14. СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ: НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА, ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ, РЕСУРСЫ И СТРАТЕГИИ ОПТИМИЗАЦИИ

В монографии характеризуются структура и проблемы становления социальнотрудовых отношений постсоветской России, анализируется национально-культурная специфика социально-трудовых конфликтов, предложена комплексная национально ориентированная система стратегий и условий оптимизации социально-трудовых отношений и профилактики конфликтов.

15. КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ КАК ТЕХНОЛОГИЯ УРЕГУЛИРОВАНИЯ КОНФЛИКТОВ В ОРГАНИЗАЦИИ

В монографии рассматриваются историко-культурные предпосылки формирования и развития конфликтологического консультирования, анализируются его коммуникационно-управленческие аспекты, специфика социального взаимодействия и проблемы, возникающие в процессе консалтинговой деятельности. Особое внимание уделяется методике и технологиям конфликтологического консультирования в социально-трудовой сфере, его роли в разрешении коллективных трудовых споров.

16. МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ УЧАСТИЯ РАБОТНИКОВ В УПРАВЛЕНИИ ПРЕДПРИЯТИЕМ

В монографии анализируются история становления и развития различных форм включения работников в управление предприятиями за рубежом, правовое обеспечение участия работников в решении производственных, экономических, организационных и иных вопросов. Отдельно рассматривается влияние российского опыта на зарубежную практику вовлечения трудящихся в управленческие процессы на предприятиях.

17. ЗАБАСТОВОЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ В СТРАНАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Монография посвящена исследованию особенностей и основных тенденций развития забастовочного движения в странах Европейского союза. В работе приводится статистика современного забастовочного движения в странах ЕС. Большое внимание уделяется сравнительному анализу законодательства европейских стран о забастовках, вопросам эффективности участия профсоюзов в организации и проведении забастовок.

18. ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ УЧАСТИЯ ОБЪЕДИНЕНИЙ РАБОТОДАТЕЛЕЙ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА

В монографии рассматриваются объединения работодателей как сторона социального партнерства в России и зарубежных странах, раскрываются понятие и стороны социального партнерства, обобщается опыт социального диалога на малых и микропредприятиях стран ЕС. Характеризуются структуры представительства в социальном диалоге, основные тенденции его развития, прослеживается эволюция моделей социального диалога и представительства работников.

19. ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА В РОССИИ

В монографии анализируются современные проблемы эффективности социального диалога и социального партнерства, рассматривается правовое обеспечение взаимоотношений его сторон, дается характеристика сторон и органов социального партнерства различных уровней. Особое внимание в работе уделяется особенностям правового обеспечения социального партнерства, вопросам подготовки проектов и заключения коллективных договоров и соглашений, порядка их действия.

20. МОДЕЛИ ПРОФСОЮЗНОГО ДВИЖЕНИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ (ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ)

В монографии рассматриваются вопросы формирования и эволюции различных моделей профсоюзного движения в странах Европы и Северной Америки. В книге подробно исследованы вопросы становления законодательства о профсоюзах, развития их организационного строения, участия в общественно-политической жизни общества, форм и методов профсоюзной работы.

21. ИСТОРИЯ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ

Монография посвящена истории развития социально-трудовых отношений в России. В книге исследуются вопросы становления социального диалога, формирования трудового законодательства, а также влияния профсоюзного движения на развитие социально-трудовых отношений. В работе также рассматривается эволюция государственной политики в сфере социально-трудовых отношений.

22. УПРАВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫМИ ОТНОШЕНИЯМИ ЗА РУБЕЖОМ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В монографии исследуется исторический опыт управления социально-трудовыми отношениями в развитых зарубежных странах. В книге подробно рассматриваются актуальные вопросы становления и развития социального диалога между работниками, предпринимателями и государством, развития социально-трудового законодательства. Большое внимание уделяется анализу последствий влияния глобализации на эволюцию социально-трудовых отношений.

23. ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ПРЕОДОЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ КОНФЛИКТОВ В РОССИИ

Монография посвящена исследованию исторического опыта преодоления социально-трудовых конфликтов в России. Авторы работы раскрывают особенности урегулирования социально-трудовых конфликтов на различных этапах истории российского государства. В монографии рассматривается эволюция законодательства о разрешении социально-трудовых конфликтов, анализируются формы и методы действий властей, предпринимателей и работников в условиях конфликта.

24. ТЕНДЕНЦИИ В СФЕРЕ ЗАНЯТОСТИ

(На примере современной России)

В монографии исследуются основные тенденции в сфере занятости в экономике России в посткризисный период (с 2010 г. по настоящее время). Помимо обзора динамики общих показателей рассматриваются демографические аспекты занятости, проблемы трудовой миграции, молодежной занятости, а также влияние факторов научно-технического прогресса и процессов деиндустриализации на ситуацию на российском рынке труда.

25. ОПТИМИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

КАК ФАКТОР ПРОФИЛАКТИКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ

В монографии анализируются эффективность трудовой деятельности и влияющие на нее психологические и социальные факторы, рассматриваются феномен профессионального выгорания и различные аспекты его деструктивного влияния на личность и коллектив, приемы совладания со стрессом и выгоранием. Основное внимание уделяется профессиональному выгоранию в контексте социально-трудовых отношений. Раскрывается конфликтогенный потенциал профессионального выгорания, обосновываются институциональные механизмы его профилактики и преодоления, такие как социальный аудит, мотивационный менеджмент, формирование корпоративной культуры, привлечение работников к управлению предприятием и др.

26. РЫНОК ТРУДА В ГЕРМАНИИ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ

И СОВРЕМЕННЫЕ РЕАЛИИ

В монографии рассматриваются основные тенденции, характеризующие развитие рынка труда в Германии на современном этапе. Основное внимание уделяется структурным аспектам динамики занятости и безработицы, законодательному регулированию условий труда отдельных категорий работников, влиянию установок Евросоюза на формирование политики занятости в Германии. Анализируются деятельность немецких профсоюзов, проблемы иностранных граждан на немецком рынке труда, а также влияние цифровизации на динамику и структуру рабочих мест.

27. ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ НА КОНФЛИКТОГЕННЫЕ

ФАКТОРЫ В СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ:

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В коллективной монографии исследуется влияние политических партий на конфликтогенные факторы в социально-трудовых отношениях в различные периоды истории России. Авторы рассматривают особенности воздействия политических партий на возникновение и развитие социально-трудовых конфликтов.

В монографии проведен анализ программ основных политических партий в сфере социально-трудовых отношений, показана их роль в развитии организованного рабочего движения, влияние на становление социального диалога в стране.

28. ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ СОЮЗОВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ

Монография посвящена истории становления союзов предпринимателей и их влиянию на формирование социального партнерства на различных этапах истории России.

В монографии рассмотрены предпосылки и экономические основания воссоздания предпринимательских объединений в современной России. Показаны специфические особенности их возникновения и деятельности в условиях перехода от централизованной плановой к либерально-рыночной экономической модели.

29. КОНФЛИКТОГЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ НЕТРАДИЦИОННОЙ ЗАНЯТОСТИ И ПУТИ ЕГО СНИЖЕНИЯ

В монографии рассматриваются как теоретические, так и прикладные вопросы, связанные с развитием новых типов и форм занятости. Анализируются условия и факторы распространения нетрадиционной занятости, ее влияние на сферу социально-трудовых отношений. Особое внимание уделяется анализу конфликтогенных аспектов нетрадиционной занятости и путей снижения ее негативного влияния на сферу социально-трудовых отношений.

30. СОБЛЮДЕНИЕ ПРАВ ПРОФСОЮЗОВ В РОССИИ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

В монографии исследуется российское и международное законодательство, которое регулирует деятельность профессиональных союзов, обеспечивающую представительство и защиту прав и законных интересов членов профсоюзов в части индивидуальных трудовых споров и других отношений, непосредственно связанных с трудовой деятельностью, а также коллективных прав и интересов работников вне зависимости от их членства в профсоюзе. Проводится анализ судебной практики. Большое внимание уделяется нарушению прав профсоюзов и предложениям по решению таких ситуаций.

31. АНАЛИЗ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

(По итогам аналитических обзоров, выполненных СПбГУП в 2020 г. на материалах ЛФП за 2018–2019 гг.)

В монографии проанализированы процессы, происходящие в социально-трудовой сфере, обобщены и классифицированы проблемы, имеющиеся в конкретных областях социально-трудовых отношений. Разработаны научно обоснованные рекомендации, направленные на предупреждение негативных тенденций, которые способны привести к социальному напряжению, а также прогнозирование возникновения негативных ситуаций в социально-трудовой сфере.

32. ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ РЫНКА ТРУДА В СТРАНАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

В монографии рассматриваются основные аспекты, характеризующие особенности развития рынка труда в ЕС на современном этапе. Основное внимание уделено общей характеристике становления рынка труда в рамках европейской интеграции, проблемам трудовой миграции внутри ЕС, анализу воздействия цифровой трансформации на процессы трудовой дифференциации в странах Европы, а также особенностям функционирования рынка труда ЕС в условиях пандемии COVID-19.

33. ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Монография посвящена изучению эволюции гендерных отношений в социально-трудовой сфере. В книге рассматриваются особенности использования женского труда в условиях становления и развития капитализма; исследуется эволюция законодательства о положении женщин в трудовой сфере; анализируется влияние профсоюзного движения на достижение гендерного равенства в социально-трудовых отношениях; исследуются различные формы дискриминации по признаку пола в трудовых отношениях.

34. САМОЗАНЯТОСТЬ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ЮРИДИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПО ИТОГАМ 2019–2021 ГОДОВ

Монография подготовлена на основе исследовательской работы, посвященной рассмотрению промежуточных итогов введения Федерального закона РФ от 27 ноября 2018 года № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима „Налог на профессиональный доход“». Исследование проведено при финансовой поддержке МОТ.

В книге рассматриваются вопросы правового обеспечения самозанятости, социально-экономического положения и профессиональной ориентации самозанятых, а также конфликтности, связанной с их деятельностью. Определены основные проблемы, сдерживающие развитие индивидуального труда граждан; сформулированы предложения о законодательном обеспечении самозанятости и мерах защиты трудовых и социальных прав самозанятых; сделаны выводы о роли и перспективах дальнейшего развития этого вида трудовой деятельности в России.

35. ПРОБЛЕМЫ НАСИЛИЯ В СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ

В монографии представлен сравнительно-правовой анализ проявления насилия в сфере труда, раскрыты особенности использования насилия сторонами социально-трудовых отношений, показана эволюция законодательства о правовом регулировании ответственности за применение насилия в социально-трудовых конфликтах. Большое внимание уделяется изучению российского и зарубежного опыта профилактики насильственных действий в социально-трудовой сфере.

36. ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО И ИНВЕСТИЦИОННЫЕ ПРОЕКТЫ В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ

В монографии рассматриваются теоретические, правовые, институциональные аспекты государственно-частного партнерства, система финансирования государственно-частных инвестиционных проектов, отечественный и зарубежный опыт их подготовки и реализации в сфере социального обслуживания. Значительное внимание уделяется оценке эффективности проектов, методам управления рисками, инструментам защиты инвесторов и повышения инвестиционной привлекательности проектов, анализу правовых и инвестиционных аспектов социального предпринимательства и рекомендациям по развитию государственно-частного партнерства в сфере социального обслуживания.

37. АНАЛИЗ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

(По итогам аналитических обзоров, выполненных СПбГУП в 2021 г. на материалах ЛФП за 2020 г. и первое полугодие 2021 г.)

В монографии проанализированы процессы, происходящие в социально-трудовой сфере, обобщены и классифицированы проблемы, возникающие в конкретных областях социально-трудовых отношений. По результатам исследования выработаны способы снижения рисков нарушения прав работников и возникновения социальной напряженности.

38. МОЛОДЕЖЬ В СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Монография посвящена изучению эволюции молодежной политики в социально-трудовой сфере. В книге рассматриваются особенности труда молодежи в условиях становления и развития капитализма; изучается эволюция законодательства о защите трудовых прав молодежи; анализируется роль профсоюзного движения в формировании молодежной политики в социально-трудовых отношениях; исследуется опыт преодоления дискриминации молодежи на производстве.

39. МОЛОДЕЖЬ НА РЫНКЕ ТРУДА В СТРАНАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

В монографии обобщаются наиболее значимые аспекты проблематики молодежной занятости на примере стран Европейского союза. Основное внимание уделено обзору институционального регулирования молодежной занятости в ЕС, анализу статистики молодежной занятости и безработицы в европейских странах в 2010–2021 годах, выявлению особенностей решения проблемы молодежной безработицы в условиях цифровизации экономики, а также влиянию пандемии COVID-19 на молодежный сегмент рынка труда в ЕС. Рассматриваются принятые в ЕС инициативы, направленные на борьбу с безработицей в молодежном сегменте.

40. ОТ СОЦИАЛЬНОГО НАСИЛИЯ К СОЦИАЛЬНОМУ ГОСУДАРСТВУ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ПРЕОДОЛЕНИЯ ДИСКРИМИНАЦИИ В ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Монография посвящена изучению опыта преодоления дискриминации в трудовых отношениях. В книге дается комплексный анализ эволюции государственной политики, связанной с данным вопросом.

В монографии исследуется понятие дискриминации в сфере труда; рассматриваются международно-правовые нормы, закрепляющие запрет такой дискриминации; описывается опыт борьбы всех сторон социального партнерства с ущемлением интересов работников как в России, так и за рубежом.

41. ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В монографии рассматриваются теоретические и прикладные вопросы цифровизации социального обеспечения в контексте цифровизации государственного управления в современной России.

Определены модели и основные этапы цифровой трансформации государственного управления, обозначена связь между вызовами современности и реализацией социального обеспечения при помощи цифровых технологий, обобщены политико-юридические обоснования социального обеспечения в России и в мире, выявлены тенденции, связанные с угрозами нового этапа развития общества. Проанализированы цифровые технологии, функционирующие исключительно в России, как на федеральном, так и на региональном уровне (на примере Санкт-Петербурга). Предложены методики повышения результатов цифровой трансформации социального обеспечения в современной России.

Научное издание

**РЫНОК ТРУДА В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ
В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОЙ ВОЙНЫ**

Редакторы: *Е. А. Бессонова, В. Г. Даниленко, Т. В. Никифорова*

Дизайнер *А. В. Костюкевич*

Технический редактор *Л. В. Климкович*

Корректоры: *Я. Ф. Афанасьева, Т. А. Кошелева*

Подписано в печать с оригинал-макета 31.03.23
Формат 60×90/16. Гарнитура Times New Roman
Усл.-печ. л. 11,25. Тираж 500 экз. Заказ № 23163

Санкт-Петербургский Гуманитарный
университет профсоюзов
192238, Санкт-Петербург, ул. Фучика, д. 15

Отпечатано в ООО «Типография «НП-Принт»
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., д. 15

ISBN 978-5-7621-1232-1

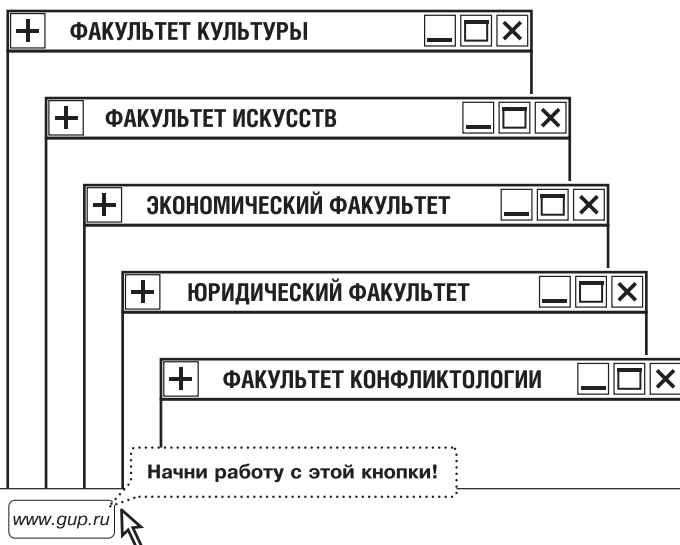

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРОФСОЮЗОВ

www.gup.ru

ОФИЦИАЛЬНЫЙ САЙТ СПБГУП

Предлагаем также посетить сайт «Площадь Лихачева»

www.lihachev.ru

основные рубрики сайта:

Научное наследие
Д. С. Лихачева

Библиография
Лихачева

Международные
Лихачевские чтения

Декларация прав
культуры

и другие материалы